

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

East Slavic Philology

*Сборник научных трудов
Языкознание
Выпуск 11(37)*

Горловка
2020

УДК 81+801+882+82
ББК Ш81.0+82.0
В76

Редакционная коллегия:

д. филол. н., проф. Кочетова С. А. (гл. редактор), д. филол. н., доц. Александрова И. В., д. филол. н., проф. Борисова Л. М., к. филол. н., доц. Бревнова С. В., д. филол. н., проф. Ворожбитова А. А., д. филол. н., проф. Герасименко И. А., д. филол. н., проф. Дербенёва Л. В., д. филол. н., проф. Дяговец И. И., д. филол. н., доц. Иванова Н. П., д. филол. н., проф. Калинин В. М., д. филол. н., проф. Кораблёв А. А., д. филол. н., доц. Курьянов С. О., д. филол. н., проф. Синельникова Л. Н., д. филол. н., проф. Теркулов В. И., д. филол. н., проф. Фёдоров В. В., к. филол. н., доц. Волосевич С. П., к. филол. н., доц. Жихарева Н. А., к. филол. н., доц. Фелелова В. В., к. филол. н., доц. Любимцева-Наталуха Л. Н. (выпускающий редактор)

*Рекомендовано к изданию на заседании Учёного совета
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(протокол № 3 от 05.11.2020)*

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ДНР ААА № 000059 от 28.10.2016.

Сборник внесён в рекомендованный ВАК Минобрнауки ДНР перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (Приказ № 1134 Минобрнауки ДНР от 01.11.2016).

Основан в 2002 году.

Периодичность: 4 раза в год.

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016.

Восточнославянская филология : сб. науч. тр. / ГОУ ВПО В76 «Горловский ин-т иностр. языков» ; Редкол. : С. А. Кочетова и др. – Вып. 11(37). Языкознание. – Горловка : Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2020. – 228 с.
ISSN 1992-9196

Сборник посвящён исследованию актуальных проблем отечественной и зарубежной филологии.

Для научных работников, специалистов-филологов, докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов-филологов, преподавателей языка и литературы образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования, учителей филологических дисциплин в школе.

УДК 81+801+882+82
ББК Ш81.0+82.0

ISSN 1992-9196

© Оформление. Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2020

В. М. Калинин
(г. Донецк, ДНР)

**ОНА БЫЛА ПЕРВОЙ
(ОТЗЫВ НЕОФИЦИАЛЬНОГО «ОППОНЕНТА»
О ДИССЕРТАЦИИ В. Н. МИХАЙЛОВА)**

*Selbst erfinden ist schön; doch glücklich
von Anderem Gefundnes,
Fröhlich erkannt und geschätzt,
nennst du das weniger dein?*
Göthe. Vier Jahres-Zeiten. Herbst¹

Мысль о необходимости поделиться некоторыми личными ощущениями в научной публикации, позволить себе околонуточные «лирические» отступления и не имеющие непосредственного отношения к делу суждения, появилась далеко не сразу (хотя и мотивировалась разрешением редакторов на, условно, «любой» объём), но, возникнув, уже не оставляла этот – пишущийся – текст и начала изредка вносить коррективы даже в готовые фрагменты. Одновременно складывались аргументы, оправдывающие это занятие. Главным оставалась памятная дата – 90 лет со дня рождения человека, который, уверен абсолютно, в силу врождённой скромности и воспитанной родителями и школой интеллигентности, даже не подозревал, что о нём будут писаться статьи, ему будут посвящаться книги, в память о нём будут проводиться «именные» научные конференции.

Время для родившихся или, волею судьбы и обстоятельств, живущих в Донбассе отчётливо разделилось на «до войны» и «настоящее». Много из уже прожитого сейчас, в этом Сегодня, видится и переживается по-другому, оценивается иначе, по-иному укладывается в планы и встраивается в надежды на будущее. Но я только о языкознании. До того, как это началось, несмотря на грандиозные общественные катаклизмы, сопровождавшие нас в последние три десятилетия, лингвистическая наука представлялась (это личное) уютной бухтой, до которой докатывались не столько громы, сколько отзвуки бурь, а волнение не шло ни в какие сравнения со штормами за её пределами. Вспомнить и рассказать об этом захотелось для того, чтобы оправдать внимание не только к тексту диссертации

¹ «Прекрасно творить самому, но если тебе посчастливилось узнать и оценить созданное другими – разве это не станет твоим достоянием?» Гёте. «Четыре времени года. Осень»). Эпиграф взят на основании полного согласия с мнениями И. В. Гёте, автора цитируемого текста и о. Павла Флоренского, избравшего эти слова эпиграфом к сочинению «У водоразделов мысли».

В. Н. Михайлова, но и к некоторым факторам (по Вернадскому, «ноосфере») сопутствующих обстоятельств нашего сюжета.

Отступление биографическое. В. Н. Михайлов родился 18 февраля 1928 года в интеллигентной семье. Отец преподавал в сельскохозяйственном институте, а мать была сотрудником Крымской областной библиотеки. Как я записал десять лет назад, это обстоятельство повлияло на отношение Всеволода Николаевича к учёбе, школьная часть которой была отмечена золотой медалью, а вузовская – “красным” дипломом, открывшим путь в аспирантуру. А работа в одной из лучших школ Крыма привела к первому профессиональному успеху: педагогический опыт изучения языка романа «Евгений Онегин» в 1953 году был отмечен похвальной грамотой Академии педагогических наук РСФСР.

Донецкая ономастическая школа, инициировавшая движение к признанию вклада В. Н. Михайлова в поэтонимологию пионерским на основании высокой научной значимости и приоритетности диссертации «Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX веков, их функции и словообразование» (завершена в 1955, защищена в 1956 году) не была ангажированным объединением. Мы хорошо понимали (однажды я даже пошутил по этому поводу: предшественников не было только у Бога), что исследование В. Н. Михайлова объективно было подготовлено развитием филологической и (важно!) ономастической науки. Поэтому во избежание «фальстарта», отметим, что и с обсуждаемой здесь диссертацией дело обстояло именно так: без предшественников не обошлось. Лучше других это понимал сам автор диссертационного исследования. К его написанию Всеволод Николаевич готовился, причём делал это со свойственной ему обстоятельностью. Поэтому после необходимого для Введения кратчайшего обзора состояния исследований в области стилистики, что было одним из отзвуков дискуссии в «Вопросах языкознания», он приступил к представлению тех, кто так или иначе собственных имён в художественных произведениях касался. Здесь пришло время ещё одного отступления, поэтому к теме предшественников вернёмся сразу после него.

Отступление лингвистико-биографическое. Годы учёбы В. Н. Михайлова на факультете русского языка и литературы не были «безоблачными» для филологической науки в СССР. А запомнились специалистам борьбой за марксизм в языкознании («Библиография» диссертации В. Н. Михайлова, как, впрочем, и все филологические диссертации того времени начинается с работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы

языкознания»), свирепым истреблением марризма, бурным развитием сравнительно-исторического языкознания и знаменитой дискуссией о стилистике. Последняя как раз и подняла проблему языка художественных произведений на уровень актуальных. Заодно возникла мода на аксиологические суждения и, в зоне анализов литературно-художественных произведений, отчётливое движение к разделению русистики на литературоведческую и языковедческую «парафию».

Первым среди предшественников В. Н. Михайлов назвал Е. П. Карновича², который в книге «Родовые прозвания и титулы в России» (1886 г.) затронул вопрос об употреблении собственных имён в русской художественной литературе. Было отмечено, что «Карнович называет собственные имена – и такие, как Правдин, Скотинин, и такие, как Здравосуд, Честон, – “родовыми прозваниями”, однако собственные имена типа Честон, Здравосуд и т. д. под понятие “родовых прозваний” не подходят» [Михайлов 1955, с. 9]. Для автора «несвоевременного отзыва», да ещё с акцентом на «научную лирику» особый интерес представляет не столько сам факт знакомства В. Н. Михайлова с трудом Е. П. Карновича, сколько примечательный список «претензий» к нему со стороны диссертанта, сводящийся в целом к следующему: «Мысли об использовании собственных имён в художественной литературе высказаны им в весьма общей форме (далее следует “крепкое”. – В. К.), не имеют научного обоснования, не подкрепляются большим количеством примеров. Подход автора к собственным именам является историко-литературоведческим, а не лингвистическим» [Михайлов 1955, с. 9]. «Суровость» молодого учёного по отношению к писателю и журналисту(!) налицо. Впрочем, как и обещание быть по преимуществу «лингвистическим».

Критическая волна размышлений В. Н. Михайлова «накрыла» и «филолога Л. В.»³. По достоинству оценив исследователя за убедительное объяснение этимологии фамилии Тентетников («из II ч. “Мёртвых душ” Гоголя»), В. Н. Михайлов укоряет автора статьи за недостаточно глубокое понимание принципов создания фамилий Гоголем и их стилистическое использование: «Однако в этой части суждения автора являются дилетантскими, не проверенными на фактах, имеются противоречия, стилистические ошибки, искажающие истину» [Михайлов 1955, с. 10].

² Евгений Петрович Карнович (1823–1885) – русский писатель, историк, журналист. Книга «Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими» вышла уже после смерти автора.

³ Псевдонимом Л. В., по-видимому, подписал статью известный диалектолог Л. Л. Васильев.

Похвалив И. Г. Мандельштама, автора книги «О характере гоголевского стиля. Глава из истории русского литературного языка» (1902 г.), за ценные замечания «методологического характера» об экспрессивной окраске собственных имён в художественном произведении и даже процитировав его высказывание о звучании имён и их ближайшем этимологическом значении, непреклонный диссертант укорил и его за то, что “автор не развивает эту мысль на лингвистической основе”» [Михайлов 1955, с. 11].

Отступление критическое. Поводом для него послужила случайная (но повторяющаяся и в «Библиографии») ошибка, вкравшаяся в инициалы автора представляемой в диссертации монографии – И. Г. (?). В действительности имелся в виду историк русской литературы и лингвист (!) Иосиф Емельянович Мандельштам, состоявший в конце XIX – начале XX века приват-доцентом Петербургского, а потом профессором русского языка и словесности в Гельсингфорском университете. Три страницы большой монографии, относящиеся к собственным именам у Гоголя, действительно интересны, особенно в части сопоставления онимотворчества Гоголя и Рабле: «<...> если поставить его фамилию рядомъ съ именами, какія придумываетъ, напр. Рабелэ, то придётся признать большую умѣренность въ употребленіи словъ и названій такъ называемаго нецензурнаго свойства; стоитъ припомнить такія напр. какъ капитанъ Morpaille, судья Baisecul Humeresse, придворнаго Trepelu⁴ и т. д. въ сравненіи съ которыми Гоголевскіе Свербигузь и Голопузь окажутся “благороднаго” происхожденія, при изумительной силѣ выразительности» [Мандельштам, с. 253]. Главы же 15–23 книги И. Е. Мандельштама, по мнению «неофициального оппонента», именно лингвистические. И посвящены «лингвистическому» осмыслению роли собственных имён в языке и стиле писателя.

Прочитав начало размышлений о вкладе в изучение поэтики собственных имён ещё одного учёного: «Акад. В. В. Виноградов в своей книге “Этюды о стиле Гоголя”...», – я внутренне насторожился: «Неужели и ему достанется?» Однако здесь полемический «задор» диссертанта «эполетов» академика не затронул. Кроме «Этюд...» 1926 года, он упомянул также статью «Язык Гоголя» (1936 г.), монографии «Стиль

⁴ Во французском просторечии, Morpion – лобковая вошь; baise – половой акт; humer – жидкость, влага (в организме); а Trepelu ассоциируется с соответствующими всему набору «имён» телодвижениями. Вопросу обценности внутренней формы ряда имён в «Гаргантюа и Пантагрюэле» (из фрагментов романа, никогда не переводившихся на русский язык) посвящены две статьи моей аспирантки Т. Чудовской.

Пушкина», «Язык Пушкина» и совсем «свежую» (тогда) статью «Язык художественного произведения» (1954 г.) и указал, что учёный сделал «отдельные замечания об этимологиях, истоках и художественных функциях ряда собственных имён». Рассмотрение «вклада» В. В. Виноградова завершилось цитацией: «Специфика образно-художественного осмысления слова оказывается даже в функциях собственных имён, выбранных и включённых писателем в состав литературного произведения. Они значимы, выразительны и социально характеристичны как прозвища» [Вин., с. 20].

Следующей фигурой, отмеченной В. Н. Михайловым стал Л. А. Булаховский, поместивший «в ряд словесных средств комического у Гоголя» собственные имена: «сходные пары Пётр Иванович Бобчинский и Пётр Иванович Добчинский, Кифа Мокиевич и Мокий Кифович, дядя Митяй и дядя Миняй; фамилии с эмоциональной семантикой производящих слов: Почечуев, Ляпкин-Тяпкин, Сквозник-Дмухановский и несколько других; говорится о каламбуре с фамилией Яичница» [Михайлов 1955, с. 12].

Несколько страниц посвящено статье А. Бема «Личные имена у Достоевского», считающейся у поэтоимологов одной из наиболее значимых в круге предшествовавших работе В. Н. Михайлова. Автор диссертации, заявив о значительном интересе статьи «по постановке проблем в области поэтики собственных имён», и уточнив, что хронологически творчество Достоевского не входит в круг исследуемых, отметил, что А. Бем «высказывает ряд общих методологических, принципиальных положений о специфике функционирования собственных имён в контексте художественного произведения, а также проводит параллели из ряда произведений русской художественной литературы XVIII и XIX вв.» [Михайлов 1955, с. 13]. К этой работе В. Н. Михайлов будет обращаться и в дальнейшем, о чём предупреждает читателей. Нам же, с одной стороны, придётся признать, что общая критическая линия в отношении работ «нелингвистов» в обзоре статьи А. Бема сохраняется: «Хоть автор и касается многих положений, принципиально важных для анализа стилистических функций собственных имён персонажей, однако он не даёт целеустремлённого и последовательного, опирающегося на научные этимологии, анализа собственных имён персонажей на протяжении XVIII – XIX вв. Он лишь эскизно намечает, подчас в порядке догадок, те или иные положения. Сама терминология автора, ненаучная в лингвистическом отношении, является свидетельством подхода к собственным именам с недостаточно продуманных

лингвистических позиций» [Михайлов 1955, с. 14–15]. С другой стороны, важным для современного читателя диссертации является то обстоятельство, что хочешь не хочешь, а некая линия развития исследований собственных имён, функционирующих в художественной литературе, статьёй А. Бема задана, и, начиная с этого момента, В. Н. Михайлов собирает и кем-то уже сформулированные, и свои мысли, и пробует систематизировать их с целью осмысления той методологической и методической основы, на которой осуществляет собственное исследование.

Беглый обзор публикаций И. Казанцева, В. И. Чернышёва, С. И. Ожегова дополняет круг проблем, на которые приходится обратить внимание. Внимательнее и благожелательнее, хоть и ей «досталось» от строгого (!) критика, диссертант отнёсся к работе М. И. Приваловой «Функции личных имён и фамилий в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина», в которой отметил, что, несмотря на несовпадение рассматриваемого периода с избранным в диссертации, в статье «в качестве параллелей даются отдельные примеры художественных функций собственных имён в произведениях русских писателей XVIII и I пол. XIX вв. (Фонвизина, Грибоедова, Гоголя и др.); намечаются основные принципы создания “знаменательных” собственных имён в русской комедии XVIII в.» [Михайлов 1955, с. 16]. Кроме прочего, В. Н. Михайлов отметил как положительную методологию исследования: прочный лингвистический фундамент («личные имена и фамилии исследуются на фоне функционирования собственных имён в речи русского общества того времени, традиций в области этого функционирования, социальной дифференциации, имевшей место в области собственных имён людей в эпоху XVIII – I пол. XIX вв.» [Михайлов 1955, с. 17–18]) и «научные этимологии». Отметить этот момент важно, поскольку это уже отчётливо принятый Всеволодом Николаевичем принцип, которому он будет следовать в дальнейшем во всех своих работах.

Однако, как уже отмечалось, молодой учёный был буквально заряжен критическим «запалом» и обратить внимание на него следует по двум причинам: во-первых, он снова подчёркивает «лингвистичность» избранного им подхода к проблеме и, во-вторых, одновременно выявляет отнюдь не самую продуктивную для литературной ономастики позицию. Его «однако» прозвучало так: «... в принципах классификации собственных имён обнаруживаются противоречия: так, автор неправомерно отделяет собственные имена, созданные на основе “реализации социальной значимости действительных фамилий дворянства и разночинцев” и “сатирические перелицовки” аристократических

фамилий (типа Угрюм-Бурчеев, Телепнев Оболдуй и др. от “традиционного приёма образования ‘знаменательных’ имён действующих лиц” (учёный Глупич-Ядрильчич, майор Зуботычин и т. д.). Разницы здесь нет; всё дело в том, что собственные имена первой группы ещё обладают в контексте и функцией указания на социальную “значительность” персонажа, а во втором случае последняя функция свойственна далеко не всем фамилиям. Таким образом, очевидно, что автору этой интересной статьи недостаёт теоретической базы – установления основных типов стилистических функций собственных имён в языке художественной литературы» [Михайлов 1955, с. 18]. Названные в заключение обзора статьи Д. Мирошник («Роль украинской лексики в повестях Гоголя» (1953 г.)) и А. И. Германовича («Заметки о языке и стиле Гоголя» (1954 г.)), посвящённые, кроме прочего, отдельным наблюдениям над стилистическими функциями украинских собственных имён в творчестве Гоголя, упомянуты вскользь, поскольку подробнее проанализированы в первой публикации В. Н. Михайлова [Михайлов 1954].

Следующая часть анализа вклада предшественников посвящена литературоведческим трудам. Но прежде, чем перейти к ним, позволю себе очередное «уклонение» от основной линии обзора. Мысль поделиться им родилась совершенно случайно при прослушивании в интернете доклада замечательного учёного, этнолингвиста и ономаста, специалиста по извлечению культурных смыслов из имён собственных (информационное сообщение см.: <http://www.urau.ru/node/5251>).

Отступление непреднамеренное. Первым вопросом повестки заседания президиума УрО РАН 22 марта 2018 г. был научный доклад члена-корреспондента Е. Л. Березович «Паранаука в современной отечественной лингвистике». Пафосом доклада стало утверждение, согласно которому сегодня в языковых исследованиях существенное число работ следует характеризовать в диапазоне от слабо аргументированных до лженаучных. Среди прочих «паранаучных» подходов было отмечено «преимущественное оперирование данными литературного языка без учёта реальной встречаемости в широкой устной речи и диалектах». Хочу добавить, что и в истории литературной ономастики неоднократно имели место попытки использования материала художественных текстов в качестве источника для выводов о реальных явлениях в языке и речи описываемых в произведениях времён и мест событий. А теперь замечу, что 65 – 50 лет, отделяющие первые опыты литературной ономастики от наших дней, пусть не в полной мере, но всё-таки могут быть оправданием возлагавшихся на литературные источники

надежд. И добавлю: «лингвокритицизм» В. Н. Михайлова был, с одной стороны, в определённой мере порождением надежд на всенепременную достоверность литературного материала, а с другой стороны, следствием недостаточно последовательного учёта «виртуальности» художественных миров. Однако задним умом мы все крепки. И требовать, тем более, предъявлять претензии к кому бы то ни было таким образом, как минимум, неприлично. О том, к чему в своих литературно-ономастических работах через 20 почти лет после диссертации Михайлова придёт Ю. А. Карпенко [Карп], Всеволод Николаевич, естественно, знать не мог.

Экскурс в литературоведческие труды В. Н. Михайлов начал с Белинского и Чернышевского. В нём он указал, что великие критики уделяли внимание проблеме наименований персонажей в своих критических разборах и при этом отметил, что они по-разному оценивали роль «значащих» собственных имён. Белинский склонен был одобрять, а Чернышевский, например, неодобрительно оценил их в творчестве А. Н. Островского.

Интересно, что диссертант отметил взгляды Б. В. Варнике на литературную ономимию. В процитированной статье учёный настаивал на необходимости составить словарь фамилий персонажей русской комедии: «Эти фамилии давали бы в связи с другими признаками некоторую опору для определения стиля пьесы». Собственные имена типа Скотинин, Вральман, Милон и др. в комедиях XVIII века он считал «одним из характерных приёмов “классиков”, которые по образцу древних старались таким образом обрисовать отдельную фигуру своей пьесы» [Варн., с. 135] [Михайлов 1955, с. 20].

Упомянул В. Н. Михайлов и монографию П. Н. Беркова «История русской журналистики XVIII в.» (1952 г.), автор которой высказал «ценные мысли» 1) о приёме употребления «эпитетных» собственных имён типа Прост, Влюбленей, Злорад, Стозмей и т. д. как о характерной примете «классического» стиля и 2) о месте собственных имён «реалистического» стиля (Акулина Сидоровна, Григорий, Андрей Лазарев и др.). Литературоведческое внимание к использованию «знаменательных» собственных имён отмечено у Г. П. Макогоненко, Е. А. Боголюбова, В. П. Семенникова, Л. Лахтблау и некоторых других авторов. Особого внимания удостоились литературоведческие разыскания, относящиеся к «Горю от ума». В связи с происхождением ряда фамилий в комедии А. С. Грибоедова упомянуты Ю. Тынянов, Н. К. Пиксанов, В. Орлов, С. И. Данелия, С. М. Петров, М. В. Нечкина и другие авторы.

Следуя распространённой в это время (имеется в виду время работы над диссертацией), «традиции» острого критического отношения со стороны «соцреалистов» к творчеству А. Белого, В. Н. Михайлов беспощадно ругает его. Цитирую: «Формалистическим и ненаучным является “описание” фамилий и прозвищ из гоголевских произведений в кн. А. Белого “Мастерство Гоголя” (1934). Автор бессистемно перечисляет собственные имена и, в сущности, не даёт никакого анализа, кроме общего указания на “гротескность” собственных имён у Гоголя. (Ср. такие суждения о фамилиях и прозвищах: “... хлещут, как кастаньеты, гротеском...”; “пухнут звуковые монстры...” и т. д.)» [Михайлов 1955, с. 21]. Гоголевский материал, хорошо знакомый В. Н. Михайлову по работе над первой статьёй [Михайлов 1954], дал ещё несколько имён литературоведов (Е. С. Смирнова-Чикина, С. Данилов, В. В. Ермилов, Н. Степанов.)

Отметил В. Н. Михайлов ещё одну линию заинтересованности литературоведов собственными именами в художественной литературе: использование собственных имён исторических лиц как средства символики в произведениях поэтов-радищевцев и писателей-декабристов (указаны работы В. Орлова и В. Гофмана). К числу интересных «находок» диссертанта можно отнести также литературоведческие оценки В. Г. Сахновского [«Театр Островского» (1919)], Н. А. Маркова [«Морализм Островского» (1923)] и А. И. Ревякина [«“Троза” Островского» (1948)] собственных имён в драматургии А. Н. Островского, в которых подчёркивается «жизненная основа имён и фамилий персонажей Островского и право художника на отбор нужных для него, в соответствии с его замыслами, собственных имён из “живого материала”, из народного языка, на их обработку и даже художественную гиперболизацию (напр., Тигрий Львович Лютов, Дикой и др.)» [Михайлов 1955, с. 22]. Однако и здесь у В. Н. Михайлова находятся лингвистические поводы для основательной критики: «Однако статьи, особенно первая, не убеждают в превосходстве А. Н. Островского над сатириками XVIII в. в подборе собств. имён (милая наивность. – В. К.), а также дают неправильные оценки использованию собственных имён Чеховым, Достоевским и др. так как не обладают чёткими исходными положениями, не намечают основных возможных стилистических функций (курсив мой. – В. К.) собственных имён» [Михайлов 1955, с. 22].

Просматривая различные курсы истории русской литературы, В. Н. Михайлов обнаружил в них неизменное внимание к художественным функциям собственных имён персонажей, положительно оценил «мастерский анализ» Д. Д. Благим

художественного значения фамилии Скотинин в комедии «Недоросль», в академическом издании «Истории русской литературы» отметил «интересный раздел», посвящённый собственным именам в сатирах Кантемира, указал на «отдельные краткие замечания, большей частью повторяющие друг друга, об этимологии и художественном применении собственных имён в творчестве тех или иных авторов: (П. О. Морозов, 1888; А. И. Незеленов, 1899; И. Порфирьев, 1906; А. Н. Пыпин, 1913; П. Н. Сакулин, 1929; А. Г. Цейтлин, 1940; и др.). А заключил эту часть обзора В. Н. Михайлов так: «Приведённые названия далеко не исчерпывают всех литературоведческих трудов, затрагивающих художественное значение собственных имён в литературных произведениях; однако в упоминании всех источников нет и надобности» [Михайлов 1955, с. 24].

Однако о суждениях самих писателей – говорит. В примечании отмечает: «Мы не задавались целью специально собрать и изучить все высказывания писателей о собственных именах и их художественно-стилистической роли в произведениях В (неразборчивое исправление; возможно, “В данной работе”. – В. К.) приводится обзор тех замечаний писателей, которые нам удалось собрать в процессе работы над темой. Вместе с тем, мы считаем, что даже краткая характеристика этих собранных нами высказываний достаточна для подтверждения того, чтобы видеть интерес писателей к собственным именам, а это, в свою очередь, свидетельствует о важности изучения данного вопроса» [Михайлов 1955, с. 24]. Конечно, очень жаль, что Всеволод Николаевич не осуществил эту работу. Мысли выдающихся литераторов России о поэтике собственных имён, собранные под одной обложкой и профессионально прокомментированные, смогли бы стать серьёзным подспорьем в деле создания глубоко аргументированной и всесторонней истории формирования поэтонимологического видения одной из сторон писательского мастерства. Упомянул в тексте диссертации В. Н. Михайлов высказывания о собственных именах таких русских писателей, как П. А. Плавильщиков, В. И. Лукин, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Н. П. Огарёв, Д. В. Григорович, В. И. Даль, Н. С. Лесков, А. П. Чехов и др.

Отступление об «Отсложениях дней».

Рефлексии на текст диссертации, оказывается, могут быть разного рода. Прочитав часть, посвящённую суждениям писателей о роли собственных имён в художественном творчестве, я понял, что эпиграф к статье не только анонсирует её, но и обязывает автора «ликвидировать безграмотность» собственную. Мне благодаря

В. Н. Михайлову «посчастливилось узнать и оценить созданное другими». Автор диссертации поделился следующим мнением: «Тонкие наблюдения над рядом фамилий из произведений Чехова принадлежат советскому писателю, “чародею языка” П. П. Бажову. Писатель прослеживает этимологии, художественную семантику фамилий Оптимыхов, Почечуев, Вонмигласов и др. и говорит о художественной чуткости и изобретательности А. П. Чехова в отношении фамилий, об их остро-комическом звучании и органичности в контексте его произведений (см. письмо к А. И. Скорино 20.09.1944)» [Михайлов 1955, с. 28]. Писем Бажова я не читал и решил отыскать письмо к Скорино и обязательно его «см.». Оказалось, что в ссылку В. Н. Михайлова «вкралась» опечатка: не А. И. Скорино, а Л. И. Скорино – первый исследователь творчества и биографии П. П. Бажова – собирала первый трёхтомник писателя, готовила комментарии к нему и разместила в третьем томе в очень своеобразной форме (повторяющей придуманную П. П. Бажовым для личного архива рубрику «Отсложения дней») двадцать писем и дневниковые записи писателя. А открывалась публикация именно письмом, о котором рассказал В. Н. Михайлов. Но это был «другой период» русской литературы, и В. Н. был более чем лапидарен. Мне же хочется поделиться чуть более широкой цитацией текста, который (среди множества прочих) вдохновлял молодого учёного на научный поиск в области поэтики собственных имён. Главное же (это в назидание молодым исследователям) – острое ощущение «духа» заинтересованности юного читателя, мечтающего (текст о Чехове – одно из «отсложений дней») стать профессиональным литератором, «ономастическим мастерством» другого писателя. Цитирую: «У Чехова, этого весёлого мастера “со смехом редьку тереть”, представители моего поколения, конечно, все учились многому. Меня больше всего поражаало чеховское умение сгустить типическое до одной клички. Протоиерей Змиежалов, дьячок Вонмигласов, акцизник Почечуев, корреспондент Оптимыхов – всё это для людей нашего поколения уже портреты. Знаешь, что это сделано. Для корреспондента нарочито придумана фамилия, – сплав из латинского слова *optime* и русского – махать, для акцизника подобрана из старого медицинского учебника, где геморой назывался почечуем (у литературоведов и бухгалтеров начинается раньше, чем у представителей других профессий). Фамилии Змиежалов и Вонмигласов откровенно шаржированы, но когда ты знаешь о “жале змия” в соответствующем контексте и когда ты слышал уныло-ленивую голосянку “вонми гласу моления моего”, тебе кажется это шаржирование тем сгустком обобщения, дальше которого итти невозможно.

А чеховское искусство дать характеристику одной фразой!

– Барышня робко замерсикала и вышла.

– Александр Иванович Египетский! Один костюм сто рублей стоит.

Ведь ты видишь и эту барышню, и этого египетского болванчика вплоть до его манеры носить свой костюм, такой ослепительный для уездного фельдшера.

И вместе с тем какое чувство меры. Помещик Египетский! Как будто вовсе похоже на правду, и в то же время смешно.

<...>

Не то что в пятьдесят, а и в сто лет чеховской простоте не научишься. <...> Сказывается учительская привычка к строго грамматическому построению фразы. Налипло немало и от газетного трафарета. А Чехов ведь от всего этого был свободен. Хотя, может быть, и у него все эти Вонмигласовы и Оптимаховы, мерсикающие барышни и помещики египетские не всегда с лёгкостью приходили, а в результате большого отбора. Но ведь этого нам не видно. Видна лишь изумительная лёгкость и простота [Бажов, с. 289-291].

Возвратимся к тексту диссертации. Весь раздел, посвящённый истокам направления, основы которого закладывал В. Н. Михайлов представленный теперь с достаточной полнотой и, при возникновении потребности, дополненный разного рода отступлениями, определяющими параметры дискурса, в рамках которого, автор статьи функционирует как читатель, поэтонолог и несвоевременный, но доброжелательный оппонент требует подведения итогов. После «вежливого поклона» тем, кто пытался так или иначе «вспахать» ономастическую целину литературных текстов, диссертант ясно и недвусмысленно формулирует главный вывод: «Цельной системы в анализе стилистических функций собственных имён литературных произведений XVIII– первой пол. XIX вв. и – главное – теоретического фундамента стилистики языка – плода обобщения изучения собственных имён в художественной литературе на протяжении значительного отрезка литературного процесса – в научной литературе нет» [Михайлов 1955, с. 29–30]. Далее следуют подробности: исследователи не дифференцируют фамилии и прозвища «со значением», ничего не говорится о фамилиях «нейтральных», «незнаменательных» (к ним, кстати, обещано обратиться в дальнейшем), не дана классификация литературных собственных имён с точки зрения словообразования.

Теперь пора коснуться задач, сформулированных на основе аналитического обзора предшествующих «наработок». Однако

об одном достижении, не упомянутом В. Н. Михайловым, сказать нужно особо. О нём – в очередном отступлении.

Отступление об Альтмане М. С. Отсутствие в диссертации В. Н. Михайлова упоминаний имени М. С. Альтмана, заинтересовавшее составителей первого тома «Антологии поэтономологической мысли», требует разъяснений, но начать имеет смысл с указания на то, что в наиболее полной в настоящее время библиографии работ по литературной ономастике [Ковалёв] отмечено 23 публикации М. С. Альтмана, причём одна опубликована ещё в 1931 году [Альт1]. Остальные появились уже после диссертации В. Н. Михайлова. Причин же, скорее всего, две: 1) по ложному доносу он был репрессирован в 1942 г., реабилитирован в 1955 г. и 2) принадлежал к числу учеников Н. Я. Марра. (С 1924 по 1928 год под руководством Н. Я. Марра обучался в аспирантуре Ленинградского ИЛЯЗВ. В 1928 в ЛГУ защитил кандидатскую диссертацию «Семантика собственных имен в античном эпосе». Научный сотрудник классической секции Яфетического института, затем старший научный сотрудник, действительный член Института истории древнего мира при ГАИМК. В 1939 году защитил докторскую диссертацию на тему «Пережитки родового строя в собственных именах у Гомера».)

Основная задача, которую поставил перед собой В. Н. Михайлов, была определена им так: «Для всестороннего суждения о собственных именах в творчестве того или иного писателя необходима лингвистическая теоретическая опора стилистики (разрядка моя. – В. К.) и принципов создания собственных имён персонажей в художественной литературе, основанная на анализе значения и стилистической окраски производящих слов в фамилиях и прозвищах, морфологической структуры собственных имён, традиций их употребления в общении людей» [Михайлов 1955, с. 30].

Уже в первой, предшествующей диссертации, публикации В. Н. Михайлов отметил, что собственное имя в своём развитии проходит путь от указателя на отличительный признак лица до простого его означивания. А в литературе имени придаётся определённый смысл: «Имя приобретает совершенно явное значение, и читатель <...> воспринимает его не просто как имя, т. е. средство выделения данного объекта среди других, однородных, но и как средство характеристики» [Михайлов 1954, с. 40]. Поэтому вполне логичной представляется формулировка первой задачи диссертации: «Показать, что собственные имена персонажей являются своеобразной, стилистически действенной, выразительной частью лексики художественных произведений». Чтобы выполнить её, диссертант посчитал необходимым

“выявить <...> основные стилистические функции” литературных онимов на основе “функционирования их в речевой практике народа”, а также обнаружить “семантические и стилистические свойства того материала, из которого создаются литературные собственные имена”. Среди прочего, предстояло “показать, как писатель обрабатывает материал общенародного языка, подвергая его образно-эстетической трансформации”. На помощь должны были прийти этимологии собственных имён, наблюдения над их морфологией и выводы относительно принципов создания фамилий. При этом осуществить эту работу предполагалось под вполне определённым углом зрения, “в соотношении с практикой создания их в общенародном языке” [Михайлов 1955, с. 31–32].

Отступление идеологическое. Как представитель филологической науки, формировавшейся в условиях, о которых уже упоминалось в других отступлениях, В. Н. просто не мог, не имея права не внести в программу разработки «ритуальную» идеологическую составляющую. Поэтому отдельным пунктом в числе задач значилась следующая: «5. Показать, каким образом собственные имена могут быть использованы писателями как представителями определённых социальных групп, идеологий, – в своих классовых, идеологических и т. д. интересах» [Мих2, с. 32]. Даже излагая известные науке «данные о происхождении и свойствах собственных имён людей в речевой практике народа», В. Н. Михайлов вынужден был указать: «Фамилии подтверждают сталинский тезис о тесной связи словарного состава языка с историей народа, с деятельностью человека во всех без исключения сферах его работы» [Михайлов 1955, с. 43].

Следующий (после представления «предшественников») фрагмент диссертации был посвящён детальному анализу взглядов русистов на свойства и особенности функционирования в русском общенародном языке личных имён, прозвищ и фамилий в XVIII – первой половине XIX века. Упомянув сравнительно устойчивый круг личных имён, обслуживавших русское общество в указанный период, В. Н. сосредоточился на изложении взглядов на русские прозвища и фамилии. Анализировались труды Е. П. Карновича, А. М. Селищева, Ф. И. Буслаева, М. Морозкина, М. Шапира, Н. И. Костомарова, Н. Чечулина, А. Соколова, Н. М. Тупикова, А. Балова, Д. К. Зеленина и ряда других учёных. Дополнением этого материала стали “любопытные и ценные высказывания по интересующему нас вопросу писателей”. Были упомянуты комедия А. А. Шаховского «Новый Стерн» (обыгрывание этимологии фамилии Балакирев), роман В. Т. Нарезного «Российский Жиль Блаз» (о фамилии Каракалов), комедия Г. В. Квитки-Основьяненко «Приезжий из

столицы» (о фамилии Пустолобов) [Михайлов 1955, с. 47–48]. На пятидесятой странице диссертации В. Н. Михайлов затронул «морфологические приметы и национальные лексические качества» части русских и украинских фамилий. Наиболее же интересным и, можно утверждать, исключительно продуктивным для развития науки о литературных собственных именах выводом стало следующее положение: «Если становится широко известной в обществе какая-либо личность, то принадлежащее ей собственное имя (фамилия, прозвище, псевдоним, личное имя или сочетание их) приобретает свойство, которое мы назовём свойством “суггестивности”, т. е. способность указывать на известное содержание, событие, комплекс идей и т. д., связанные с носителем; быть символом определённой личности <...>. Некоторые из этих собственных имён, в силу обозначения ими ставших общеизвестными каких-либо свойств носителей, – переходят в нарицательные или дают производные слова, устойчиво входящие в общенародный словарь (например, “крез”, “пушкинский”, “ленинский”, “ленинизм” и др.)» [Михайлов 1955, с. 52]. Среди предшественников, отмечавших данное явление, В. Н. Михайлов указал суждение Д. К. Зеленина об «историческом факторе» приобретения личным именем нарицательных свойств, высказанное им ещё в 1903 году и совсем близкое ко времени работы над диссертацией мнение Р. Г. Пиотровского (1954 г.) о «дополнительном стилистическом оттенке», отражающем ассоциативную соотносённость языковой единицы с определённой тематикой или ситуациями, с историческими событиями, приводящими, кроме прочего, к метафоризации собственных имён исторических личностей и географических названий.

Завершая вступительную часть диссертации, В. Н. Михайлов представил ещё одно положение, сформулированное А. Бемом и ставшее одним из «краеугольных камней» в литературно-ономастических исследованиях: «В отличие от разговорного языка поэтика личного имени в художественном произведении связана с оживлением смысловых сторон имени. <...> В творчестве личное имя имеет тенденцию вернуть себе утраченную связь между словом и слово-смыслом <...>» [Бем, с. 417]. А кроме того, поделился сведениями о структуре диссертации и сведениями о терминах, применяемых в работе. Таковых набралось немного: условно-литературное прозвище, ономастикон, литературный (поэтический) ономастикон, ономастика, производящее слово, внутренняя форма и семантика собственного имени. Из этого перечня только термин «ономастика» претерпел изменения. Во время написания диссертации термин применялся в двух

значениях: «совокупность собственных имён» и «учение о собственных именах». В работах «неономастов» подчас и сегодня случаются такого рода употребления, хотя уже довольно давно совокупность собственных имён называют «онимией», а науку «ономастикой» или «ономатологией».

Во второй главе диссертации «Собственные имена, обладающие в художественной литературе функцией семантической характеристики» речь, в основном, идёт о так называемых «говорящих именах» (словосочетание, введённое в оборот Ю. Н. Тыняновым, в настоящее время по существу превратившееся в термин, В. Н. Михайлов в диссертации не использовал). Функцией семантической характеристики он назвал способность онимов в художественном тексте характеризовать персонаж через семантику производящего слова. При этом выделил два случая: 1) соответствие семантики имени тому или иному свойству, характеризующему персонаж, и 2) то же соответствие, но связанное не с персонажами основной сюжетной линии, а лишь с упоминаемыми и выполняющими роль характеристики другого персонажа, уточнения, конкретизации сюжетной линии и пр.

Иллюстративный материал был сгруппирован в зависимости от свойств поименованных персонажей – вначале положительных, затем отрицательных и, наконец, «закрывающих в семантике характеристику тех или иных особенностей поведения персонажей» [Михайлов 1955, с. 204].

Первую подгруппу в категории положительных в целом героев и упоминаемых лиц литературных произведений составили персонажи добродетельные: Добросветов, Доброжелателей, Доброхотов, Добромыслов, Добросердов, Добролюбов, Добровидов, Добронравов, Добродушева, Добриян, Добран, Добрин, Добров, Доброславов, Добротворов и ряд других имен, включающих в лексический состав корень добр– (всего 29 онимов с указанием автора произведения, краткой характеристики свойств персонажа, семантики производящей основы и сюжетной задачи, выполняемой персонажем)⁵. В эту же группу были включены имена с другими производящими основами: Благотворова, Мягкосердов, Благосудов и условное имя Пробин, «изобретённое» М. В. Ломоносовым для положительного персонажа (произведено от лат. *probus* – ‘дельный, хороший, честный, скромный’).

⁵ Этот момент более не подчёркивается. В дальнейшем изложении подобную характеристику получили все без исключения упомянутые в иллюстративных частях работы собственные имена. Всего же таким образом было представлено более 2000 онимов.

Во вторую подгруппу были отнесены имена, семантика которых отражает писательскую точку зрения на персонаж как носителя различных нравственных достоинств: Правдин (9 случаев), Правдон, Правдулюбов и Правдолюбов (11 случаев), Правдомыслов, Правдоделов, Честен и Честон (12 случаев), Честонов, Честан, Пречест, Чеснов, Честин, Чеснодум и Честнодум, Честомыслова, Честосердов, Благород, Нельстецов, Нелест, Бескорыст, Прямиков (7 случаев), Прямовзора, Чистосердов и Чистосерд (9 случаев)⁶.

В третью подгруппу вошли имена персонажей, в семантике которых содержится авторская характеристика способности трезво и правильно оценивать действительность: *Здравомысл(-ов)*, *Здравосудов*, *Правомысл*, *Праводум*, *Правосуд*.

Имена четвёртой подгруппы своей семантикой указывают на положительные качества ума персонажей: Зрелум, Благоразум, Рассудин, Рассудов, Остроумов, Остросмыслов, Преум, Сеум, Разумов, Спознаев, Твердомысл, Дармысл, Примирителей, Стародум, Старомыслов, Старовек, Законест.

Ещё одну подгруппу составили онимы, в которых положительные свойства персонажей отражены «путём передачи в семантике собственного имени общего благоприятного впечатления»: Милат, Милад, Милон, Милой, Милов, Мирослав, Семил (В. Н. Михайлов обращает внимание читателей на оригинальное строение онима: «указательное местоимение *се* + основа прилагательного *мил-*» [Михайлов 1955, с. 85]), Всемир, Премил, Милонравов, Мирославский, Милана, Милена, Прият, Прията, Прелеста, Любим, Любима, Любимова, Полюбин, Ладон, Светон, Розана, Красана, Красида, Пленида, Пленира.

В последнюю подгруппу вошли собственные имена персонажей, в семантике которых «содержится авторская характеристика различных положительных качеств (в конкретной или общей форме), описанных в произведениях»: Славен, Мирен, Непустов, Достойнов, Заслуженов, Хвалимов, Осторожна, Храброн, Доблестин, Щедров, Постоянов, Твердов, Смиреннолюбов, Ласковов, Радушин, Трудолюбов, Трудковский, Любочест, Любомир, Рослав, Пламира, Привета, Избрана, Чаромила, Велесил, Владисил, Доблест, Славен, Всемила, Могучан.

В категории собственных имён, в семантике которых содержится характеристика зла, социальных пороков и отрицательных черт морального облика В. Н. Михайлов тоже выделил несколько подгрупп.

⁶ Количество онимов, повторяющихся в различных произведениях разных авторов не указывается.

Первую составили имена, говорящие о социальной несправедливости носителей: Чинокуп, Неправдин, Ябедин, Кривосуд, Кривосудов, Кривоприсов, Праволов, Малознаев, Крючкодей, Крючкострой, Крючков, Крючкотворский, Кавыкин, Ляпкин-Тяпкин. К последней фамилии автор диссертации дал пространный комментарий.

Следующий «семантический разряд» составили имена персонажей-взяточников: Взяткохват, Взткохватов, Взятков, Крючковзяточков, Взяткин, Частобралов, Сребролюбов, Хабзей, Обиралов, Лихоимцев, Драч, Кохтин, Хватайко, УрывайАлтынников, Урывов, Хапкин, Хапков, Цаплин, Цапкин, Граблев, Грабилин, Хапушкевич. Далее «в семантике ряда фамилий характеризуется жестокость и беспощадность натуры представителей эксплуататорских (орфография автора диссертации. – В. К.) классов, их разнузданность и бесчинства» [Мих2, с. 106]: Нахрапцов, Гвоздилов, Гвоздин, Живодралов, Вседралов, Кожедралов, Выжималов, Головорезов, Зарезин, Ножов, Удавич-Ядин, Душегубов, Стегунов. Третий семантический разряд составили фамилии, в семантике которых отмечено воровство и казнокрадство: Чужехват, Чужхватова, Украдин, Сребролюбов, Воров, Тихокрадов, Щечиллов, Вороватин. Четвёртый «семантический разряд» составили имена в семантике которых «предстаёт <...> самая общая характеристика плутовства, нечестности и мошеннических проделок» [Михайлов 1955, с. 110]: Пролаз, Пролаза, Пролазин, Проласов, Обман, Обмана, Прошлецов, Проныр, Шильников, Хитроум, Хитрана, Лукавова, Финтюлькин, Плутлов, Плутягин, Плутана, Плутарез, Плуталов, Староплутлов, Плутягович, Сквозник-Дмухановский (этой фамилии диссертант дал развёрнутую характеристику на стр. 115118 диссертации), Фиглярин, Флюгарин, Подхалюзин, Вральман, Вралёв.

В отдельную подгруппу В. Н. Михайлов выделил собственные имена, созданные на основе лексического материала иностранных языков [Ftiron (плут, мошенник) Фрипоно, мосье Трише (обманщик), де Мансонж (лгун), Фанфарон (хвастун), мосье Финмуш (пройдоха)].

Очередную подгруппу составили имена, в семантике которых «даётся общая характеристика низких моральных качеств (зла, подлости и т. д.); причём собственные имена произведены от слов и корней слов, специально призванных воплотить общие понятия моральных качеств (“зло”, “худ-”, “вероломец”, “-чест-”, “-нрав-”, “-серд-”, “подл-” и др.)» [Мих2, с. 121]: Худосмысл, Злодун, Зломир, Зломар, Зломека, Злорад, Злорадов, Злонрава, Злоязычник, Злословов, Злохват,

Злоплат, Золин, Вредов, Герострат, Стозмей, Змеян, Змеяд, Змейкина, Ехиднин, Вероломцев, Забыл-Честь, Бесстыднов, Безчест, Срамченко, Ядон, Низкосерд, Подлон, Подлянков, Негодяев, Разврат, Развратин, Хамкин, Плюгавцев, Зломир, Злонрав. А завершает её собственное имя, созданное на основе лексического материала иностранных языков: *monsieur le Pendar* (фр. ‘бездельник’, ‘висельник’, ‘негодяй’)⁷.

В семантике собственных имён следующего ряда автор диссертации отметил указание «на ханжество и лицемерие носителей», а также подхалимство и лесть: Ханжа, Ханжахина, Лжесвята, Притворов, Лицемер, Лицемера, Лицемеров, Лицемеркина, Лстецов, Услужников, Низкопоклонов.

«В ряде собственных имён персонажей содержится эмоциональная оценка или общая характеристика какого-либо низменного качества персонажа» [Михайлов 1955, с. 132]: Приплодина, Скотаз, Скотинин, Скотонрав, Скотинко, Псолюбов, Зверков, Собакевич (с комментарием на 4 страницах), Собачкин, Свиньин, Хаврон, Хаврониос.

В следующую подгруппу В. Н. Михайлов включил собственные имена, характеризующие распутное поведение, волокитство и пр. персонажей: Страстолюбова, Любостраста, Сластолюбов, Тратосил, Неотказа, Всемира, Перелюба, Бесстыда, Распутин, Влюбчив, Махалов, Махало, Волокита, Волокитов, Искушателей, Соблазнительев.

Ещё одну подгруппу составили имена, «содержащие в своей семантике характеристику легкомысленного поведения, поверхностного, бездумного отношения к жизни, а также общую оценку внутренней пустоты, ничтожности человека» [Михайлов 1955, с. 145]: Вертопрах, Вертопрахов, Вертушкин, Вертушкина, Вертляй, Вертлякова, Ветрен, Ветран, Ветрана, Ветрон, Ветромах, Ветродум, Ветрогон, Ветрогон, Ветролёт, Ветров, Верхоглядов, Верхолёт, Легкомыслов, Легкоум, Звениголов, Незрассудов, Беспутов, Вралёв, Пустозвяков, Пустомелев, Пустомелин, Пустослов, Пустолоб, Пустолобов, Пустоглавский, Пустон, Пустяков, Пустельгин, Бездельников, Суетон, Вздоролубов, Вздорова, Нелепа, Плох, Дрянские, Нулин, Ноль, Нолинский, Сосулкин, Беспечный. Как обычно, отдельно В. Н. отметил «собственные имена из произведений о древнерусской жизни»: Пустяга.

⁷ Здесь, как прежде и далее, в целях «экономии» не воспроизводятся данные о литературных источниках, из которых все упомянутые собственные имена автором диссертации были извлечены. Но в тексте диссертации они присутствуют, что даёт серьёзное основание для реализации предложения, изложенного в финальном отступлении.

Отмечены были особыми подгруппами и микрогруппками «собственные имена, содержащие характеристику прочих человеческих недостатков» (без примеров. В. К.), а также «собственные имена, указывающие в своей семантике на эгоизм, зависть и самохвалство персонажей» [Михайлов 1955, с. 161]: Себелюб, Самолюб, Завистлив, Завистов, Себехвал, Самохвал, Самохвалова, Самохвалов; собственные имена, в семантике которых отмечается скупость их носителей: Жидомор, Кашей, Кашеев, Скупягина, Скопидомов, Сквалыгин, Скрягин, Мешков, Сундуков, Надмен, Спесов, Высонос, Чванкина, Чвана, Чванов, Надутов, Высокопар, Горд, Гордона, Гордеянов, Высокомеров; собственные имена, содержащие характеристику лени: Лентяг, Лентягин, Лентул; собственные имена, созданные на основе лексического материала украинского языка: Ледачий; имена с оценочной семантикой сплетников Вестникова, Сплетин; глупцов: Балабан, Додон, Сысой Фофанов сын Дурносопов, Балдус, Глупомысл, Глуподелов, Глупон, Глупонов, Глупов, Глупягин, Глупениус, Глупницкий, Глупашкин, Фалин, Недомёков, Стародуров, Дурихин, Дурашкин, Дурыкин, Дурындин, Дурсан, Дурдуран, Дурачинский, Глаздурич, Молододуров, Дурина, Несмысл, Чужемысл, Слабосмыслов, Безмозглов, Безмозгов, Безмозгин, Короткоумов, Коснодумов, Слабоумова, Слабоумов, Безумнова, Малоум, Недоум, Недоумов, Скудоум, Бестолков, Простофилин, Простяковы, Простаков, Простакова, Прост, Простин, Простосерд, Простодум, Простодушин, Исподдолбни, Ослашид, Осяков, Фаткий, Фатюев, Фирюлин, Фирулькин, Куроумов, Шелоумов, Пестов, Шальной, Обалдуй; собственные имена, созданные на основе лексического материала иностранных языков: Тесотиниус, Тресотин, Сотиньус, фон-Клоц, Эзельдорф; собственные имена, содержащие характеристику отрицательных психологических свойств персонажей: Своенрав, Чудихина, Самодурова, Дубовой, Дубинин, Тупинская, Невеждов, Азбукин, Незрел, Молокосос, Молокососов, Разгильдяев, Слюняев, Слюняй; собственные имена, характеризующие отсутствие здравого смысла, сумасбродство, жестокость персонажей: Безрассуд, Нерассудова; имена, отмечающие суеверие их носителей: Суеверова, Суевер, Суеверовы; имена, характеризующие грубость, наглость и т. п. свойства персонажей: Нахалова, Грублон, Халдина, Сорванцов, Буянов, Драчугин; онимы, указывающие на мотовство, расточительность: Мот, Промот, Прамот, Размотай, Размотаев, Промотаев, Промоталов, Промотов, Мотыгин, Мотов, Мотишкин, Глупомотов, Тратов, Нещетова, Бесчестнов, Золотосор, Расточителей, Растачилов;

ряд имён содержит указание на кокетство, щегольство персонажа: Перекраса, Ветхокрасова, Красоткин, Жеманиха, Приманкина, Прелесть, Прелеста, Миловида, Миловид, Миловзор, Миловзорова, Снафидина, Щепетихина, Щепеткова, Фертиков, Щеголиха, Щеголихина, Щегольков, Блесткин, Блестов, Мишурский; ряд собственных имён указывает на пьянство и чревоугодие: Брагин, Наливайкова, Запивохин, Бутылин, Рюмкин, Хмельнин, Застойкин, Пиар, Жеривол, Курояд, Бибрис, Бибрус, Бульбулькин.

Собственные имена, заключающие в семантике характеристику особенностей поведения персонажей, квалифицировались диссертантом «малыми группами». Был отмечен ряд имён, заключающих идею речи: Брюжжалов, Бранюкова, Безумолкова, Неумолков, Говоруновы, Болтуновы, Брякунов, Акилина, Трещоткина, Гремухин, Гремила Шумиловна, Ворчалкина, Такков, Потакальщикова, Тянислов, Таратора, Болтай, Турусин, Горланиус, Растабарова, Молчалин, Скалзуб, Зубоскал, Зубоскалин, Хлёмстова, Хлестаков, Жевакин, Репетиллов; «о бойком, энергичном поведении персонажей, их подвижном характере говорит семантика следующих собственных имён» [Михайлов 1955, с. 216]: Непоседова, Провор, Стреляй, Хватов, Затейкин, Угаров, Брызгова, Звонкина, Петушков; имена с семантикой, характеризующей эмоциональную сторону поведения персонажа: Горемыкин-Воздыхалов, Воздыхалов, Влюбленной, Сгорепьянов, Хохоталкин, Плаксин, Вспышкин, Пламен, Горюев, Трусицкий, Трусилкин, Угрюмов; собственные имена, обозначающие названия несчастья: Бедон; имена с семантикой, отражающей образ жизни и излюбленные занятия персонажей: Гостякова, Мироброд, Атуев, Пиролубова, Приседалкина, Дамоугодников, Припрыжкин, Прыгушкин, Прыгов, Прыжков; имена, указывающие на пристрастие к карточной игре: Фараонов, Макаов, Козырякин, Паролькин, Подборов, Тройкина, Картёжников, Штосина; в семантике некоторых имён характеризуется «бывалость», жизненный опыт персонажей: Извед, Изведа, Излёт, Всеведа, Бывалова; отражены различные особенности поведения: Неотвязный, Докукин, Прицепин, Назойлова, Надоедалов, Попал, Свидаль, Примечаев, Начертай, Приметов, Спорщик, Кривотолк, Выдумщик, Вертяевы, Неспускалов, Стovid, Бурда, Кутерьма, Кутермина, Заноза, Сумбур, Сумбутова, Усерд, Трусим, Миротвор, Ладушкин, Исплошнин, Понадеев, Прошибкин, Дремучкин, Фома Чужпродав, Ссудихин, Тихонравова, Тихина, Громилов, Ужима, Усыпляев, Заправлялкин, Перепалкин, Тумаков, сюда же отнесены некоторые собственные имена из произведений о

жизни в древней Руси Бурнорев, Бурновой, Громобой, Главоруб, Осад, Наступ, Извед, Пламид и оним, созданный на основе лексического материала немецкого языка: Трумф.

В. Н. Михайлов отдельно указал на «значительную группу» собственных имён для характеристики профессиональной деятельности персонажей, отметив при этом, что многие из этих онимов «близко соприкасаются со 2-й группой», имея в виду группу, состоящую из имён, в семантике которых содержатся разного рода отрицательные характеристики. Отдельно отмечены подгруппы, характеризующие профессии литераторов и учёных: Критициондиус, Синекдохос, Начеркал, Стихоткачев, Свирелкин, Рифмоскрып, Цезуркин, Баснобретов, Бредин, Скудобред, Ермалафид, Одохват, Рифмокрад, Рифмохват, Крадун, Скрыплев, Тяжелослов, Стиховраль, Музин, Плаксивин, Рифмин, Рифматов, Писцов, Свистов, Визгов, Кропов, Верзляков, Сластилкин, Посошков, Тиранкин, Дребеднев, *Змейкин*, Шмелев, *Лиров*; ряд фамилий служит для характеристики профессии врача: Ланцетин, Пластырев, Карачун, Людомор, Смертодав, Каратай; некоторые имена связаны с характеристикой военной среды: Протазан, Рубакин, Саблин, Мечин; имена, характеризующие среду купцов и торговцев: Проторгуев, Перебоев, Разживин, Смекалов, Корзинкин, Абдулин, Авиндулин, Афендулин, Авдулин, Абрахузин; семантика некоторых онимов характеризует профессию артиста: Бемольская, Алегрин, Свисталова, Припрыжкин, Резвушкин, Скачков, Бренчинский, Гусликов; семантика фамилий полицейских содержит «указание на типичные свойства этих последних»: Допыталов, Шарин, Грошехватов, Свистунов, Пуговицын, Уховёртов, Держиморда, Рыловоротов; имена с семантикой, указывающей на другие виды деятельности: Надзор, Кутейкин, Цыфиркин, Туподолотов, Деепричастие Никифор Тимофеевич; и, как обычно в заключение собственные имена из произведений об эпохе древней Руси, в семантике которых содержались указания на принадлежность персонажей к музыкантам-певцам: Всеглас, Звен, Крутосвист, Тиховой, Хохт, Певислад; имя на основе лексики украинского языка: Кнышевский; онимы на основе иноязычной лексики: Кассероль, Сибуль, Ростер, Шафскопс, Шнапс, Перюкье, фон-Доннершлаг, Фухтель-Кнабе, Тромпетин, Бук, Брелляр, Шмирнотен, Фрейтод, Курц, Грабшаубель, Тодборуг, Мортифиоро, Гибнер.

В пятой подгруппе В. Н. Михайлов собрал собственные имена, семантика которых указывает «на имущественное состояние, на принадлежность к определённой социальной группе или на солидарность персонажа с определённым классом, или на степень значимости, влиятельности человека в

данной социальной среде» [Михайлов 1955, с. 259]: Бедняков, Беднякова, Бедняковы, Скудов, Драч, Чужхватава, Некопейков, Занапрасно Ободранный, Малоденьгин, Грошевилов, Недошётов, Недошётов, Пышен, Богатова, Толстосум, Толстоброхов, Мошин, Крестьянкин, Роднябар, Чернавка, Графов, Графон, Изгоев, Копейкин, Большов Самсон Силыч; выделил и подробно прокомментировал имя на основе французской лексемы: Фамусов, в шестой обозначил группу онимов, содержащих в основах указания на национальную принадлежность или симпатии персонажей: Немчуркин, Франколюб, Русалей, Россиянинов, Костанжогло, Русида; в седьмую подгруппу были включены собственные имена, характеризующие внешность и физические недостатки персонажа: Милозор, Миловид, Миловида, Миловидин, Станостроева, Кривобокова, Кривоплечева, Прекраса, Миниатюркин, Горбура, Мурлыкин, Корючкин, Моргач, Тугоуховский.

В развёрнутом Заключении ко второй главе диссертации, подведён итог рассмотрению «характеристических» собственных имён персонажей русской литературы в период XVIII – первой половины XIX века. Автор диссертации сближает эту группу литературных онимов с прозвищами из народного ономастикона, превращая имя в «особенно рельефный» художественный эпитет. Они характеризуют различные (как положительные, так и отрицательные) стороны человеческой личности. В. Н. Михайлов обращает внимание на то, что характеризующая функция часто сочетается с другими, представляет авторское отношение к персонажу, передаёт с помощью словообразовательных средств экспрессию и стилистическую тональность имён, является квалификатором социальной принадлежности персонажа и т. д., «являются потенциально очень ёмкой в отношении возможности комбинации стилистических функций частью поэтической ономастики» [Михайлов 1955, с. 275]. Далее автор представил исторический обзор функционирования онимов этого типа на протяжении полутора веков русской литературы и предложил «обобщение о намечающихся тенденциях в этом функционировании». Здесь нашли место не только лингвистические, но и литературоведческие наблюдения, размышления о жанровой принадлежности произведений, о специфике отношения классицизма как литературного направления к свойствам собственных имён-характеристик, о судьбе литературного приёма в постклассицистском художественном творчестве.

Третью главу В. Н. Михайлов посвятил собственным именам, «осуществляющим по преимуществу общеэкспрессивную

функцию». Под ней автор понимал «способность собственного имени в контексте художественного произведения создавать общее оценочное представление о носителе, вызывать эмоцию у читателя, благодаря семантике, стилистической окраске производящих слов или морфем собственного имени, а также звуковой форме собственного имени в целом» [Михайлов 1955, с. 275]. При этом он подчеркнул, что все отобранные случаи использования онимов, обладая общеэкспрессивной функцией, не обладают функцией семантической характеристики. Весь иллюстративный материал снова был представлен группами с дальнейшим членением над подгруппы:

1. Собственные имена с ясной внутренней формой, произведённые: а) от названий конкретных предметов будничного обихода: Иготин, Остроперов, Лахмотьев, Фольгин, Бирюлькин, Дутикова, Ходулькин, Пятачков, Хлыстов, Торбина, Курилкин, Швабрин, Тряпичкин, Верховлётов-Скакунов, Рогатка, Растаковский, Хлестаков, Подколёсин, Горшок, Анучкин, Помойкин, Рогожинские, Бурдюков, Башмачкин, Мыльной, Чепраков, Коробочка, Трухачевский, Юзякина, Окуркин, Квашня, Витушкин, Оглоблина, Чурбинский, Гвоздики, Свистулькин (автор повести с одноимённым названием вкладывает в уста персонажа оценку собственной фамилии: «Глупейшая фамилия!.. – подумал он с досадою. – Свистулькин! – даже выговорить не хочется! Хотя бы Свистяков или Свистуляков что ли!.. Мало ли фамилий... Можно, наконец, Свистулинский.. Свистокин... Свистулякин! А то Свистулькин... Глупо, просто глупо! как-то даже неблагозвучно, право!..») [Михайлов 1955, с. 329]), Пряжкина; на основе лексического материала украинского языка Заноза, Черевик, Макогоненко, Мотузочка, Шпонька, Пухивочка, Халява, Халявский, Тютюн-Ягелонский, Сердаликов, Мечин, Лиров Евсей; б) от названий предметов еды: Яичница, Брандахлыстова, Борщов, Булкин, Ватрушкин, Бобов, Бикусов, Яичкин, Бобочкин, Корж, Каленик, Галушкинский, и на основе лексического материала иностранных языков Макарони; в) от названий непривлекательных черт внешности и частей тела человека: Пустопуз (с.337), Дюндик, Мизинчиков, Фуфлыгина, Ерошкин, Белобрюшкова, Замухрышкин, Толстогуб, Брюховецкий, Губомазова, Ноздрёв, Плешаков, Краснонос, Рылов, Ноготков, Беловзоров, на основе лексического материала украинского языка Нечоса, Дубонос, Рудой Панько, Голопупенко, Чуб, Пупопуз, Голопузь, Товстогуб, Чупринский; г) от названий болезней: Волдырёв, Угорелова, Хворовы, Удушьев, Хлипкова, Потогонкин, Почечуев, Золотуха, Трясучка, созданные на основе лексического материала украинского языка Коростявый,

Болячка; д) от названий различных действий или состояний, «сатирически характеризующих персонаж в связи с показом его в произведении: Агафья Хрипухина, Василиса Топтоногова, Подщипа, Кракалов, Буркалов, Зудилкин, Невкушаев, Посвиство, Пыхтин, Трюхина, Кочевалкин, Хлопов, Плюшкин, Повалищев, Трепакин, Перепреев, Болтухо, Шлепохвостова, Потанчиков, Подточина, Манилов, Деревин, Поцелуев, Бегушкин, Перхуновский, Дробяжкин, Шампарев, Зозокина, Кислоедов, Пошлепкина, Поплевин, Громотрясов, Растягаева, Громилов Аника Фёдорович, Берендеев, Шпундик, Фистулов, Колотушкин, Подгонялов, а также созданные на основе лексического материала украинского языка: Чухопупенко, Переперчиха, Свербыгуз, Кизякопупенко, Крутотрыщенко, Шептун, Довгочхун, Перерепенко, Чмыхов, Брыкайловский, Дрыгало, Перекрута, и созданная на основе лексического материала французского языка фамилия мадам Торшом; е) от названий качеств человека: Чистяков, Ласова, Блистовский, Орленко, Правин, Волин Юрий, Растаковский, Ярыжкин, Утешительный, Пляхачев, Милушкин, Победоносный Флор Васильевич, Бобынин, Здрав, Отвагин, Пнев, Смекалов, Тупицын, а также созданные на основе лексического материала иностранных языков: Трисмегалос, Беневольский, Беневоленский; ж) от названий животных и частей их тела: Тигров и Тигрова, Михайло Моськин, Сусликов, Жеребцова, Меринова, Шенькин, Бобров, Хвостырев, Старокопытов, Оборотнев, Онагр, и созданное на украинском лексическом материале собственное имя Пацюк, а также созданные на основе лексического материала иностранных языков фон Вольф-Кальб-Гаузен, мадам Вашер, мадам Гросваш, Бульдог; з) от названий насекомых: Тарантул, Блохин, Мошкин, Мурашкин; и) от названий птиц: Какаду, Пеликан, Филинбах, Ястребов, Стрепетов, Турухтанов, Петух, Вишнепокромов, Пташкин, Рябчиков, Гусаковский, Пеночкин и на основе лексического материала украинского языка Голопуцек, Курочка, Зузуля, Горобець, плюс созданная на основе французской лексики Кок; к) от названий участков рельефа: Кочкарев, Трясинин; л) от названий явлений природы: Радугины, Радугина, Радугин, Звездич и созданная на основе украинской лексики фамилия Хмара; м) от названий растений: Фиалкин, Тюльпанов, Ландышева, Лилеев, Эраст Чертополохов, Земляника, и созданные на украинском лексическом материале Цыбуля, Печерыця; н) от различных слов, приобретающих в контексте стилистическую эффективность: Откупщики, Шабашкин, Поприщин, Пролётов, Дырка, Кошкарёв, извлечённое из произведения о древнерусской жизни (пушкинская поэма «Бова») Громобурь, образованные на основе лексики украинского языка Вискряк, Смачненко

и фамилии, образованные от личных имён: Мирославский, Болеславский, Людмилов, Владимиров, Радимов, Борькин, Вахрамеев.

2. Собственные имена с неопределённой внутренней формой, обладающие звуко-экспрессией или имеющие в морфологическом составе отдельные экспрессивные морфемы: Бомбембиус, Ксаксоксимениус, Колчулай, Азазель Азазев, Воткто, Афиноген Перочинов, Галактион Какореков, Фирлифлюшков, Тяпдулин, Хромины, Фондулейкина, Фрындина, Флянов, Харликов Бобчинский, Добчинский, Люлюков, Бубуницын, Невелешагин, Чичиков, Перепендеев, Беребендовский, Харпакин, Тентетников, Купердягина, Крахманов, Мурафейкин, Швохнев, Глов, Дерпенников, Чехтарева, Бухмистерова, Чепхайхилидзе, Бетрищев, Предищев, Слапачинский, Тетюшин, Бузулукин, Полутыкин, Тертерешенева, Деркач-Дришпановский, Григорий Григорьевич Сторченко, Цупчевська Василиса Кашпаровна, Аришлай Шуши, Григри, Куку, мосье Куку, Трутру.

3. Собственные имена исторических и мифологических лиц, «которыми наделены персонажи, не являющиеся историческими или мифологическими лицами: Хома Брут, Тиберий Горобець, Пифагор Пифагорович Чертокуцкий, Фемистоклюс и Алкид Маниловы, Шиллер, Гофман, Николосор».

В результате анализа общеэкспрессивного функционирования имён В. Н. Михайлов установил, что они, в соответствии с авторским замыслом, могут использоваться: 1) для выражения авторского отношения (иронического, сочувственного) к персонажу; 2) для создания комического эффекта. При этом отличием этой категории онимов от имён с функцией семантической характеристики является вхождение в неё различных по качеству онимов не только с живой внутренней формой, но и с неопределённой или нечёткой, утерянной внутренней формой, экспрессия в применении которых создаётся за счёт отдельных морфем или звуковой изобразительности. Отдельно диссертант подметил «литературоведческий штрих» в использовании имён этой группы: «Отсутствие <...> неременной связи между семантикой собственного имени и показом какой-либо стороны человеческой личности в произведении является более естественным, правдивым в смысле отражения действительности и реальной практики употребления фамилий <...>» [Михайлов 1955, с. 411]. Для словообразования онимов этой группы, как правило, использовались слова разговорно-просторечные с различной экспрессивностью, а некоторые даже вульгарные, однако имели место и книжные, и торжественно-риторические. В. Н. Михайлов отметил также использование слов

областных и близкородственных (украинских): «Художественно-весомые и вместе с тем реалистические украинские собственные имена, благодаря своей национальной специфике, служат одним из средств создания национального колорита в произведении» [Мих2, с. 420]. И, подводя итоги наблюдениям над словообразованием собственных имён рассматриваемой группы, В. Н. Михайлов отметил следующие особенности их морфологической структуры: 1. Образование с помощью устойчивых в национальных ономастических фамильных суффиксов, присоединяемых к основам различных частей речи, к комбинациям этих основ, либо к различным звуко сочетаниям (приведены фамильные суффиксы *-ов (-ев)*, *-ин (-ын)*, *ский*, *(ц)кий*, *-ской*, *-ич*, типичные для фамилий украинских *-енко*, грузинских *-дзе*, немецких *-бах* и т. д. 2. Использование приёма создания двойных фамилий. 3. Использование в ряде случаев суффиксов латинского и греческого языков.

В заключение приведено ещё одно важное литературоведческое наблюдение: имена этой группы характерны для жанров комедии и водевиля, но встречаются и в повестях, романах и рассказах. И отмечено, что традиции, заложенные авторами первой половины XIX века в дальнейшем развитии русской литературы поддержат многие авторы в различных жанрах.

В четвёртой главе, разделённой автором на два раздела, освещены вопросы функционирования онимов, «осуществляющих по преимуществу функцию квалификации социальной принадлежности персонажей» (первый раздел) и «осуществляющих по преимуществу функцию конкретизации и индивидуализирующего выделения персонажей».

В первой группе онимов, «подтверждающих принадлежность персонажей к простым, социально-незначительным людям» обсуждены собственные имена персонажей, образованные от названий предметов будничного обихода: Каряга, Карякин, Пётр Савельевич Неуважай-Корыто, Коровий-Кирпич, Колесо Иван, Степан Пробка, Сучок; от названий черт внешности человека: Яков Лысый, Архип Лысый, Авдей Толстое Брюхо, Федос Простоволосый; от названий действий или образа жизни человека: Григорий Доезжай-не-доедешь, Волокита Никита, Петруха Бездомный, Пётр Безродный; от названий птиц: Елизаветь Воробей, Иван Галка; названия животного: Хорь; фамилии крестьян от личных имён людей: Гришка Фёдоров, Анисим Иванов, Андрей Лазарев, Панфил Данилов, Семён Григорьев, Яков Алексеев, Егор Фомин, Михейка Фомин, Козьма Терентьев, Сидор Прокофьев, Фрол Силян, Сидоров, Трифон Иванов, Антон Тимофеев, Петрушка Еремеев, Леа Тарасов, Федотов,

Пантелеймонов, Парамонов, Пименов, Михеев; фамилии, указывающие на принадлежность персонажей к бедным или социально-незначительным людям: Кузов, Кузовкин, Рукавицын, Хлопушкин, Птичкин, Сусликов, Рылов Онуфрий, Ходулькин, Башмачкин, Витушкин, Гвоздики, Свистулькин, Пряжкин, Кракалов, Зудилкин, Пошлепкина, Колотушкин, Чулкатурин.

Во второй группе имён «квалифицирующих принадлежность персонажей к родовитому дворянству, к знати» представлены: фамилии с живой внутренней формой и часто звуковой экспрессией, «образованные от слов, обозначающих положительные понятия, впечатляющие явления»: Радугины, Радугин, Звездов, Звездич Алина, Звездич, Светлозаров, Гремин, Громова, Радимов, Лелева, Перунова, Цветков, Тюльпанов, Ландышева, Волин, Онегин, Самосвистов; фамилии, образованные от слов, обозначающих положительные понятия и обладающие суффиксом -ский, -кий: Венецкий, Любский, Мирославский, Болеславский, Чарский, Радецкий; фамилии, образованные от названий городов и областей с помощью суффиксов -ский, -кий: Елецкий, Холмский, Пронский, Изборский, Вельский, Глинский, Ржевский, Томский, Муромский, Минский, Вольская, Воротынский, Галицкий, Белостокский, Суздальцев; «фамилии с суффиксом -ский, -кий, приобретающие в контексте произведения социально-характеризующее значение и произведенные от различных слов с неярым и “непроявляющимся” лексическим значением»: Тонский, Зарецкая, Загорецкий, Зарянский, горецкий, Струйский, Чацкий, Ленский, Липская, Воронская, Езерский, Чекалинский, Верейский, Лиговская, Сквирский, Рифейский, Границкий, Гукзовский, Черницкий, Однозоровский-Чементинский; прочие фамилии, содержащие признаки, позволяющие рассматривать их как стилистически окрашенные, социально-характеризующие: Горич, Раевич, Троекуров, Лыков, Болеславова, Владимиров, Мирославский; фамилии, произведенные от «личных имён, редких среди народа в изучаемый период и окрашенных “аристократичностью” или литературной условностью» [Мих2, с. 455]: Эрастов, Ольгин, Лидин.

В третьей группе, квалифицирующей принадлежность персонажей к духовенству, описан оним Крестовоздвиженский.

Заключая первую часть четвёртой главы, В. Н. Михайлов отметил, что 1) стилистические функции онимов этой группы «опирается на определённые тенденции к социальной дифференциации собственных имён по семантике, стилистической окраске производящих слов, а также по морфологической структуре в речевой практике русского общества в изучаемый период»; 2) одновременно с функцией квалификации социальной

принадлежности эти онимы способны сочетать и другие функции; 3) описанная часть поэтического ономастикона распространена, в основном, в русской литературе первой половины XIX века.

Вторую часть главы В. Н. Михайлов представил четырьмя параграфами, снова базирующимися на словообразовательном по преимуществу подходе:

1. Фамилиями, созданными на лексическом материале русского языка, образующимися: а) от названий предметов обихода: Хопров, Хопрова, Ларин, Берестов, Спицын, Бурмин, Бурмилов, Палицын, Кубышев, Крыницын, Телятников, Плахов, Шатров, Бешметев; б) от названий предметов еды: Пирогов; в) от названий растений: Дубровин, Дубровский, Рошин, Облепихин, Березовский, Рыжиков; г) от названий животных: Лосина, Лосенкова, Барсуков, медведев, Енотов, Черняев, Петухов, Куропаткин, Чайкин, Пискарев, Севрюгин; д) от названий различных действий: Скачковы, Изведов, Зарубкин, Полежаев, Мижуев, Почитаев, Хаванов, Порубов, Граева, Залетаев, Махаев; е) от названий частей тела: Бедринцева, Пяткин; ж) от названий профессий: Мукомолов, Чеботарев, Ковалев, Протопопова, Пономарев, Попов; з) от названий душевных, психологических свойств персонажей: Радина, Горюнов; и) от названий участков рельефа, а также географических названий: Холмин, Вырин, Калюжин, Озерин, Волгины, Ильменев, Сибиряков, Печорин, Бухаров; й) от общих абстрактных понятий: Миров, Судьбин, Слукина, Богучаров; к) от прочих различных слов: Границы, Стариков, Теплов, Чагравина, Валкирин; л) от личных имён людей (л₁ – социально-незначительных, “маленьких”): Адриан Прохоров, Прохоров, Антип Прохоров, Пименов, Агапов, Иванова, (л₂ – представителей господствующих классов): Танин, Фирсов, Созонтов, Игорев, Самойлов, Максимов, Платонов, Прохоров, Аристидов, Миронов, Пантелеев, Богданова, Васильев, Пантелеева.

2. Собственными именами, созданными на основе украинского языка, образованными: а) от названий предметов обихода: Долото, Ремень, Пидсыток, Покрышка, Шило, Черевыченко, Лемиш; б) от названий предметов еды: Корж, Хлеб, Балабан в) от названий растений и животных: Печерица, Кирдяга; г) от названий черт внешности и частей тела человека: Череватый, Невылыцкий, Бородатый, Закрутыгуба, Бородавка, Тулубова; д) от названий различных действий и человеческого поведения: Вертыхвист, Вовтузенко, Палывода, Покотыполе, Козолуп; е) от названий явлений природы: Метелица; ж) от названий профессий: Шапуваленко, Диогтяренко, Пысаренко, Попович; з) от личных имён: Сидоренко, Левченко, Прокопович,

Демитрович, Сыдоренко; и) от названий различных предметов, качеств, состояний: Бульба, Бульбенко, Густый, Наш, Голодуха, Задорожний, Голокопытенко.

3. Фамилиями, созданными на основе других языков: а) на основе лексики французского языка: Дюшеньши, Каре, ла Брош, Бошар, Гильоме, Бопре, Дефорж; б) на основе лексики немецкого языка: Шамбахер.

4. Собственными именами с неясной внутренней формой: а) в произведениях о русской жизни: Тагаев, Тимова, Воркулов, Пакуров, Кирич, Гринев, Негулина, Зурич, Негуров, Шпекин, Чептович, Варховинский, Бирюшкины, Одосимов, Артуновский, Чартков, Марузов, Бахтияров, Хлобуев, Вернер; в произведениях о жизни украинцев: Кукубенко, Ностюган; в) принадлежащие персонажам и упоминаемым лицам другой национальности: Бобри, Трике, Гильо, Лудо, Керасин, Филутони, Костанжогло, Берданжогло, Скудронжогло, Гоброжогло, Попонжогло, Штольд, Почаев, Каракамышев; г) прочие нерусские фамилии: Вольмар.

Обзор словопроизводства и этимологий имён этой части литературного ономастикона, по мнению В. Н. Михайлова, показал, «что здесь представлены различные по этимологии и национальной специфике лексические типы собственных имён в соответствии с реальными ономастиконами». Здесь же автор диссертации позволил себе «литературоведческое» замечание: «Реальность данным собственным именам <...> придаёт “ненадуманность” их: отсутствие связи между семантикой производящих слов и показом персонажей, отсутствие преобладания общей экспрессивности. Однако если писатель использует одни совершенно нейтральные в отношении экспрессивности собственные имена, то произведение может проиграть, особенно если оно содержит элементы юмора». В русской литературе I-й половины XIX века фамилии этого типа находят всё более широкое применение «в связи с отходом писателей от дидактических схем и расширением привлекаемых для реалистического изображения жизни языковых средств <...>». В последующей русской литературе фамилии рассматриваемого типа являются преобладающей частью литературного ономастикона, помогая воссоздавать картины действительности» [Михайлов 1955, с. 488–490].

Отдельная часть главы была посвящена характеристике «реальных собственных имён исторических лиц, являющихся персонажами литературных произведений или историческими реминисценциями, а также реальных исторических собственных имён, используемых для метафорических именовании».

Обзору этой части представляемого исследования имеет смысл предпослать ещё одно отступление.

Отступление критическое (второе), фактически не имеющее прямого отношения к диссертации В. Н. Михайлова, но постоянно и настоятельно требующее внимания. Всякий раз, касаясь упомянутой в начальной части статьи способности собственных имён аккумулировать информацию об объекте именовании и становиться по сути его «полномочным представителем», я «спотыкаюсь» о термин «прецедентный оним». То же произошло и в этот раз. После «старта», данного Ю. Н. Карауловым в прекрасной, кстати сказать, монографии «Русский язык и языковая личность» (1987), ошибочно применённое вместо «репрезентативности» понятие «прецедентность» породило когорты «прецедентоведов» (Е. А. Нахимов в предисловии к монографии (2011) перечислила более трёх десятков «авторитетных специалистов», рассматривающих проблемы прецедентности). А ведь термин «прецедент», рождённый в юриспруденции, имеет строго закреплённое значение. А то, что пытаются именовать прецедентностью, лучше бы уж называли рецедивами. Между прочим, правильное понимание понятия «прецедент» всё-таки может использоваться даже в ономастических исследованиях. Блестящий пример прецедентного подхода (без применения слова «прецедент») к изложению онимного словообразовательного феномена представлен в статье Е. С. Отина «Об Уотергейте и прочих “-гейтах”» (1990). А вот «ошибка гения», к сожалению, грозит превратиться в языковую норму.

В. Н. Михайлов, приступая к рассмотрению этой группы онимов, отметил, что она «является наиболее своеобразной частью поэтического ономастикона» и потому поставил цель «лишь в общих чертах охарактеризовать её <...> и определить её значение и место в ряду других типов собственных имён». Однако отметил свойство «суггестивности», т. е. способность вызывать «общеизвестное в данном языковом коллективе представление о личности, указать на некое содержание, стоящее за собственным именем, на черту, связанную, ассоциирующуюся с носителем собственного имени». Обозначил он и группы онимов, обладающих возможностями суггестивности: а) собственные имена мифологических лиц (античных, славянских и прочих), б) ряд специфических, устойчивых собственных имён сказочных, былинных и т. п. героев (Дадон, Бова, Милитрисса и др.), в) имена известных персонажей литературных произведений (когда последние получают “новую жизнь” в художественных произведениях других авторов [Михайлов 1955, с. 491]). Кроме того отметил, что суггестивная функция сближает эту группу

онимов с нарицательными именами, обладающими, кроме прочего, возможностями для метафорического именования. Особо был отмечен весьма непростой момент, связанный с необходимостью квалифицировать то или иное лицо в качестве персонажа. В русской литературе рассматриваемого периода были выявлены:

1) Имена «в самом деле действующих лиц в произведении, прямо или косвенно включённых в интригу: а) фамилии русских исторических лиц: Глинский, Курбский, Хилков, Пронский, Морозов, Адашев, Василий Шуйский, Борецкая, Марфа Посадница, Борис Годунов, Иван Сусанин, Артамон Матвеев, Яков Долгорукий, Волынский, Державин, Репнин, Шереметьев, Григорий Отрепьев, Воротынский, Басманов, Щелкалов, Битяговский, Качалов, Пугачёв, Хлопуша, Белобородов, Каверин, Истомина, Вяземский и др.; б) фамилии украинских исторических лиц: Наливайко, Мазепа, Кочубей, Искра, Палей и др.; в) иноплеменные фамилии лиц, живших в России и являющихся персонажами литературных произведений: Брюс, Боур, *Talon*; г) прочие иноплеменные собственные имена нерусских исторических лиц: Сумбека, Исканар, Едигер, Тит, Сципион, Гирей, Розен, Шлиппенбах, Бейрон, Катон, Гармодий, Аристокейтон, Иппарх, Кесарь.

2) Имена – «объекты воспоминаний, оценок, примеров для подражания», употребляющиеся в сравнениях, метафорических оборотах и пр.: а) фамилии русских исторических лиц: Суворов, Донской, Пожарский, Кутузов, Задунайский, Фонвизин, Княжнин, Озеров, Катенин, Шаховской, Семёнова, Языков, Шишков; б) фамилии украинских исторических лиц: Дорошенко, Самойлович; в) нерусские фамилии лиц, живших в России и затрагиваемых в художественных произведениях: Дидло, *St.-Pries*; г) нерусские собственные имена нерусских исторических лиц: Наполеон, Руссо, Телль, Кромвель, Локк, Невтон, Франклин, Риго, Занд; г) античные собственные имена исторических лиц: (г₁) с положительной экспрессией: Аристид, Цицерон, Фемистокл, Брут, Кассий, Камилл, Катон, Сократ, Курций, Сцевола, Аврелий, (г₂) с отрицательной экспрессией: Атилла, Тарквин, Нерон, Дионисий, Коммод, Кесарь, Катилина.

К задачам аналитического характера, связанным с данной группой онимов, В. Н. Михайлов отнёс метафорические именования (с целью характеристики и вместе с тем оценки) различных конкретных лиц, собственными именами, обладающими суггестивностью. В качестве иллюстраций использовались имена Антидетуш, Мнимый Детуш,

Антирихардсон, Видок Фиглярин, Авдей Флюгарин, Бавий, Мевий, Катон, Тарквиний, Аристид, Нетор негодаев знатных, Парис окружных городков, новый Виргилий в соответствующих контекстах.

Прикоснувшись только к этой группе онимов в диссертации, В. Н. Михайлов сформулировал некоторые выводы: 1) Кроме конкретизации и индивидуализирующего выделения (стандартная функция онимов в художественном тексте) репрезентативные собственные имена придают произведению исторический колорит, раздвигают историческую перспективу. В контексте русской литературы исследуемого периода отличаются разнообразием «по национальной специфике, исторической характерности, словообразованию». Эти же собственные имена привлекались писателями в контекстах, активизирующих «потенциальную функцию указания на известное содержание, комплекс идей» [Михайлов 1955, с. 513, 514]. А в одном из примечаний диссертант указал на ещё одну задачу литературной ономастики: «Переход собственных имён в нарицательные, пути и ступени этого перехода, эмоционально-эстетическая и социальная окраска “суггестивных” собственных имён, стилистическая разноплановость применения (их. – В. К.) <...> в различных жанрах и творческих методах литературы – все эти вопросы нами лишь намечены и являются задачей дальнейшего исследования» [Михайлов 1955, с. 522].

Отступление вопрошающее, теперь уже имеющее прямое отношение к диссертации В. Н. Михайлова. Интересно было бы проверить, насколько часто ономатологи-«прецедентоведы» ссылались на В. Н. Михайлова как на одного из первых авторов-ономастов, поднявших вопрос о необходимости изучения «наиболее своеобразной части поэтического ономастикона» – репрезентативных собственных имён?

Особый интерес представляют выводы к диссертации, в тезисной форме излагающие основы нового научного направления. Важнейшими, сохранившими актуальность и директивность до наших дней положениями, стали следующие:

1. Литературные фамилии и прозвища в русской литературе изученного периода являются «факультативными словами», созданными писателями на основе устойчиво существующих слов национальных языков, часто совпадающими с существующей речевой практикой.

2. Выявлены следующие стилистические функции собственных имён рассмотренных типов: а) функция семантической характеристики, б) «общеекспрессивная»

функция, в) функция квалификации социальной принадлежности персонажа, г) функция конкретизации и выделения персонажа из числа других, д) функция указания на содержание, событие, комплекс идей, связанных с известным носителем имени.

3. Установлена преимущественная полифункциональность онимии литературных произведений.

4. Структура литературных онимов опирается на грамматические средства словообразования в национальных языках.

5. Процесс создания и использования имён персонажей представляет собой образно-эстетическую трансформацию возможностей языка в соответствии с идейно-художественными намерениями автора.

6. Целями использования выразительных онимов часто становилась полемика и сатирическое изображение противников в литературной борьбе, причём пользовались этим средством представители разных взглядов и мировоззрений.

7. Часть фамилий персонажей перешла в нарицательные или стала основой для производных отонимных слов.

8. Использование «суггестивных» свойств собственных имён исторических лиц способствует закреплению за ними символических значений.

Отступление финальное, или *In venturum tempus prospectus*⁸, не только имеющее отношения к диссертации В. Н. Михайлова, но из неё вытекающее и представляющее собой одну из важнейших ближайших задач русской поэтонимологии. Суть его состоит в следующем: многие часто с неоправданным скепсисом относятся ко всякого рода указателям, спискам, справочникам, словарям и прочее, считая их материалом, место которому в отчётах о научной работе, а не в открытой печати. Придерживаясь иного мнения, разделяю его с А. В. Михайловым, крупнейшим литературоведом-германистом и культурологом XX века, писавшим: «Первейшая задача живой науки – интенсивно отчуждать всевозможное устойчивое, фактическое знание в виде компендиев, словарей, справочников, летописей и т. д., способных фиксировать всё сколько-нибудь известное <...> такие “вспомогательные” области науки у нас всё ещё недооцениваются в прямой ущерб ей» [М, с. 29]. Диссертация В. Н. Михайлова хранит бесценный материал – свод антропонимов русской художественной литературы XVIII – первой половины XIX века и оставлять его там, в труднодоступном и не вполне читабельном тексте попросту недопустимо. Поэтономологи ДОШ (Донецкой

⁸ Псевдонимом Л. В., по-видимому, подписал статью известный диалектолог Л. Л. Васильев.

ономастической школы), сотрудничающие с Лабораторией прикладного языкознания и медицинской лексикографии ДонНМУ, приступили не только к извлечению этого материала с целью подготовки к публикации, но приняли решение развить идею и довести её до требуемого уровня полноты и совершенства. Объективно оценивая объём предстоящей работы и возможности количественно весьма скромного коллектива, мы приняли решение предложить желающим потрудиться на благо поэтонимологии участие в Проекте, условно именуемом «Свод собственных имён персонажей русской художественной литературы». Хронологические границы пока определены XVII–XX веками. (С идеей проекта и условиями участия в нём можно ознакомиться на сайте azbuka.in.ua ДОШ.)

Поиск истоков научных идей – занятие поучительное и чрезвычайно полезное для начинающих прокладывать свой путь. Профессор Петербургского и Варшавского университетов Ф. Ф. Зелинский, антиковед и филолог-классик, в статье «Идея нравственного оправдания», размышляя об истоках научных истин, отметил, что «переходя из рук гения, впервые сделавшего их доступными, в руки посредственностей, они на вид остаются теми же, чем были в начале, но теряют <...> ту незримую магнетическую силу, которая притягивала к ним сердца. <...> В настоящее время <...> любой школьник знает то, что некогда стоило Копернику тридцатитрёхлетних трудов <...>. Всё же астроном-мыслитель предпочтёт книгу <...> великого гуманиста самому изящному из новейших изложений коперниковской системы <...>. Читая её, мы делаемся свидетелями гигантских усилий человеческого духа, от которых не сохранилось более следа в ходячих изложениях <...>; мы видим в полной деятельности вулкан, по давно потухшей лаве которого теперь безопасно гуляют прохожие» [Зелинский 1916, с. 1].

Знакомясь с первым капитальным трудом о собственных именах в художественной литературе, мы словно окунаемся в воды Кастальского ключа, питающего не только поэтов, но и филологов «волною вдохновенья». Как и у мифического источника, у диссертации В. Н. Михайлова есть и предыстория, и «волшебное свойство»: каждый, прочитавший её до конца, непременно становится поэтономологом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтман М. Прыжов и Достоевский. (О мнемоническом построении имён в произведениях Достоевского) // Каторга и ссылка. – М., 1931. – № 8–9. – С. 70–71.

2. Альтман М. С. Пережитки родового строя в собственных именах у Гомера ОГИЗ. Государственное социально-экономическое издательство. Ленинградское отделение, 1936. – 164 с.
3. Бажов П. П. Письмо к Л. И. Скорино 20.09.1944 // П. П. Бажов. Отслоения дней. Дневниковые записи, письма. Собрание сочинений в трёх томах. – Том третий. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1952. – С. 285–352.
4. Бем А. Личные имена у Достоевского // Сборник в честь на проф. Л. Милетич за седемдесет годишната отъ рождението му. – София, 1933. – С. 409–434.
5. Варнике Б. В. Стили русской драмы XVIII века. – Slavia, 1929. – № 1.
6. Виноградов В. В. Язык художественного произведения // Вопросы языкознания. – 1954. – № 5. – М. – С. 3–26.
7. Зелинский Ф. Ф. Идея нравственного оправдания // Изъ жизни идей. Научно-популярные статьи проф. Петроградского университета Ф. Зелинского. – Петроградъ, 1916. – 464 с.
8. Карпенко Ю. А. Специфика имени собственного в художественной литературе // Ю. О. Карпенко. Літературно ономастика : Збірник статей. – Одеса: Астропринт, 2008. – С. 205–220. (Первая публикация в ж. «Onomastica». – 1986. – Т. 31. – S. 5–22.)
9. Ковалёв Г. Ф. Библиография ономастики русской литературы по 2010 год. – Воронеж : ВГУ, 2014. – 346 с.
10. Мандельштам И. Е. О характеръ Гоголевскаго стиля. Глава изъ истории русскаго литературнаго языка. I. Мандельштам, профессора Гельсингфорскаго Университета. Гельсингфорсь : Новая типография Гувудстадсбладетъ 1902. – 440 с.
11. Михайлов В. Н. Роль собственных имён в произведениях Гоголя // Русский язык в школе. – М.: Учпедгиз, 1954. – № 2. – С. 40–48.
12. Михайлов В. Н. Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX веков, их функции и словообразование: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Симферополь, 1955. – 596 с.
13. Михайлов А. В. Языки культуры: учеб. пособие по культурологии. – М.: “Языки русской культуры”, 1997. – 912 с.
14. Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования : монография /

- Е. А. Нахимова ; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2011. – 276 с.
15. Привалова М. И. Функции личных имён и фамилий в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина // Учёные записки ЛГУ «Вопросы грамматического строя и словарного состава языка». – 1952. – № 161. – С. 129–148.
16. Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры. Т. 4: Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1946–1956 : биограф. слов. – СПб., 2013. Электронная версия.

АННОТАЦИЯ

Калинкин В.М. Она была первой (отзыв неофициального «оппонента» о диссертации В. Н. Михайлова)

Представлен ретроспективный анализ диссертации В.Н. Михайлова «Собственные имена русской литературы XVIII – первой половины XIX века, их функции и словообразование», впервые в СССР (1956 г.) комплексно осветившей проблемы словообразования, стилистики и поэтики онимии русских литературных произведений в значительном (150 лет) временном диапазоне. Рассматривая исследование В.Н. Михайлова как ключевое в истории формирования «литературной ономастики», автор статьи особое внимание уделяет научно-теоретической базе, на которую опирался диссертант, анализирует вклад учёного в становление самостоятельности научной дисциплины и определяет роль теоретических установок и конкретных наблюдений В.Н. Михайлова в становлении и развитии нового направления ономастических исследований – поэтонимологии.

Ключевые слова: поэтика онимов, поэтонимология, русская литература, словообразование, собственное имя, стилистика.

SUMMARY

Kalinkin V. M. It was the first one (unofficial «opponent» recalling the dissertation of V. N. Mikhailov)

The article presents the retrospective analysis of the dissertation of V. N. Mikhailov «The proper names of the Russian literature of the XVIII – the first half of the XIX century, their functions and phrasing», where for the first time in the USSR (1956) the author comprehensively illuminated the problems of phrasing, stylistics and poetics of Russian literary works in a significant (150 years) time range. Considering V. N. Mikhailov's research as the key one in the history of the formation of «literary onomastics», the author of the current article pays special attention to the

scientific and theoretical principles on which the thesis was based, analyzes the contribution of the scientist to the formation of the independence of the scientific discipline and defines the role of theoretical principles and specific observations of V.N. Mikhailov in the formation and development of a new direction of onomastic research – poetonymology.

Key words: poetics of onyms, poetonymology, Russian literature, word formation, proper name, stylistics.

*М. В. Балко
(г. Донецк, ДНР)*

УДК 81'42

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СТИЛИЗАЦИЯХ И СКАЗАХ

Исследование текста, его характерных особенностей и категорий в последнее время претерпевает значительные изменения. Текст изучают не только как лингвистический, но и психологический, социальный, культурный и проч. феномен. Границы самого понятия текста расширяются и размываются (ср. кинофильм как текст, танец как текст, обряд как текст и т. д.). Всё чаще говорят о необходимости поиска и глубокого анализа разного рода связей текста с другими текстами (аллюзий, реминисценций, прецедентных высказываний и под.). Таким образом, актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнения.

Цель предложенной статьи – рассмотреть особенности реализации интертекстуальных отношений в стилизациях и сказах.

Тексты, созданные в различное время и на различных языках, взаимодействуют между собой, реализуя межтекстовые (транстекстовые) связи. Ключевым понятием при этом выступает интертекстуальность (ср. другие термины: полифония, полилогизм, диалогичность, транстекстуальность, интерсемантическая), отражающая «процесс “разгерметизации” текстового целого через особую стратегию соотнесения одного текста с другими текстовыми / смысловыми системами и их диалогическое взаимодействие в плане и содержания, и выражения» [7, с. 75]. Интертекстуальность предполагает существование некоего предтекста (одного или нескольких) внутри другого, порождающее определённые отношения между этими текстовыми единицами. В семиотическом аспекте следует говорить об отношениях

двух (и более) знаковых систем. Прагматический потенциал использования интертекстуальности заключается в возможности автора актуализировать один текст через внутреннее пространство другого. Таким образом, интертекстуальность охватывает весь спектр возможных отношений между текстами или их частями [ср.: 11, с. 56].

Принято разграничивать два подхода к определению интертекстуальности – широкий и узкий [2], дающие принципиально разные ответы на вопрос, каким (постоянным или переменным) качеством текста она является.

Широкое толкование интертекстуальности, более характерное для литературоведения, культурологии и т. п. (труды М. М. Бахтина, В. Дресслера, Ю. Кристевой и др.), представляет эту категорию как «онтологическое свойство текста, каждый элемент которого находится в разнообразных смысловых переключках с иными текстами» [9, с. 81]. Классик семиотики Р. Барт так характеризует межтекстовые связи: «Каждый текст является интертекстом: другие тексты присутствуют в нём на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры» [3, с. 428]. Таким образом, приверженцы широкого подхода рассматривают интертекстуальность как универсальное, постоянное свойство текста.

Лингвистические студии больше ориентированы на узкий подход к толкованию интертекстуальности (см. труды И. В. Арнольд), предполагающий идентификацию в тексте различных включений (цитат, вкраплений, аллюзий и т. п.), а также исследование взаимосвязи внутренних мотивов различных текстов или их частей (пародии, коллаж, травести и под.). Интертекстуальность, следовательно, трактуется как специфическое качество определённых текстов.

Среди «лингвистических» подходов к пониманию интертекстуальности выделяется точка зрения М. Пфистера, разграничивающего два её вида, один из которых демонстрирует «системно-текстовую референцию», а другой – «однотекстовую референцию» [12]. Языковед, таким образом, противопоставляет отношения между двумя и более конкретными текстами, с одной стороны, и между текстом и системой текстов – с другой. Такое видение интертекстуальности нашло дельнейшее развитие в некоторых работах отечественных учёных (см., например, [5]).

Интертекстуальность – сложный феномен, поскольку охватывает разнообразные по размеру (от одного слова, заключённого в кавычки, до целого произведения внутри другого произведения), форме (от

цитат до намёков) и функциям (метаязыковой, эмоциональной, эстетической и др.) вставки, объединённые признаком «смены субъекта речи» [1, с. 72]. Прибегая к подобным включениям, автор может ссылаться на источник, но чаще (особенно в художественном тексте) адресат должен сам установить связь с предтекстом. Таким образом, можем говорить о специфическом коммуникативном процессе между автором и читателем, объединёнными общностью «интертекстуального сознания» (автор намеренно вводит в текст формальные показатели его взаимодействия с другими текстами, а читатель, в свою очередь, способен правильно понять авторский посыл и воспринять текст в его диалогической соотнесённости с иными текстовыми структурами) [2].

Фиксируем различные подходы к созданию типологии интертекстуальных отношений между основным текстом и предтекстом(-ами). Так, Т. Д. Шуворова в рамках лингво-когнитивной теории вторичного текстообразования разграничивает традиционные «вторичные» литературные жанры, новые политкорректные жанры, тексты переводов, реферирование и аннотирование, неполноценную или усечённую коммуникацию, адаптации и переделки [8, с. 153].

Наиболее аргументированной и полной видится классификация интертекстуальных отношений Ж. Женнета [10], который выделяет:

- 1) интертекстуальность – непосредственное наличие двух или более текстов в одном (цитирование, аллюзии, плагиат и др.);
- 2) паратекстуальность – отношения, устанавливаемые между текстом и его заголовком, предисловием, послесловием, эпиграфом и т. п.;
- 3) метатекстуальность – наличие в тексте комментариев, критических замечаний к предтексту;
- 4) гипертекстуальность – отсылка к предтексту, который не обязательно присутствует в основном тексте (адаптация, пародия, стилизация, травести и под.);
- 5) архитекстуальность – типологическая связь текстов одного класса.

Стилизация как специфический лингвистический приём и литературный жанр, предполагающий умышленную и явно просматривающуюся ориентацию автора на ранее зафиксированный в художественной литературе стиль или идиостиль конкретного писателя, его имитация, повторение основных черт и свойств, широко представлена в русской литературе (ср. творчество А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. Я. Брюсова, А. М. Ремизова и др.). При этом дискуссионным остаётся вопрос разграничения жанров, ориентированных

на передачу «чужой речи». Поскольку этот вопрос лежит в плоскости литературоведения, не будем подробно на нём останавливаться. Заметим лишь, что считаем целесообразным разграничивать литературную стилизацию (имитацию стиля определённого литературного направления или отдельного автора), охватывающую пародии, подражания и под., и сказ (имитацию речи «внелитературной», народно-разговорной).

И стилизации, и сказы реализуют категорию интертекстуальности, в частности гипертекстуальности (по Ж. Женнету), отсылая читателей к предтекстам, которые непосредственно не присутствуют в основном тексте, но достаточно легко угадываются.

Остановимся на такой разновидности стилизации, как подражание (литературное произведение, чаще всего, стихотворное, написанное в стиле, свойственном определённому поэту). Ключевым для подражания считается стремление автора сохранить манеру чужого письма. Осознанное подражание – достаточно сложный литературный жанр, поскольку предполагает попытку перевоплотиться в другую писательскую личность. Как правило, в подражании имитируется всё: стихотворный размер (ему придаётся особое значение, ср. точку зрения М. Л. Гаспарова и Т. В. Скулачёвой: «Поэты, пишущие в настоящее время четырёхударным ямбом, непременно и синтаксически, и семантически впадают в подражание поэтам пушкинской и послепушкинской поры. На какие темы, какими бы словами не писать сейчас стихов, поскольку эти стихи будут написаны четырёхударным ямбом, они непременно будут звучать, как стихи, написанные сто лет тому назад» [4, с. 222]), рифма, основные мотивы, характерные обороты речи. Подражания – жанр, активно развивавшийся в 1-й половине XIX века (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. Г. Ротчев и др.), хотя и сейчас немало примеров подражательных произведений, особенно популярных в интернете, ср. стихотворение Андрея Неклюдова «Современное подражание Пушкину», размещённое на сайте Стихи.ру (<https://stihi.ru/2006/02/04-1227>):

Играют радостные дети,
Ведь детям хочется играть,
Вот только завтра на рассвете
Их всех прикажут расстрелять.

Тела сожгут потом в бензине
И всё! Никто не виноват,
А небо будет синим-синим,
Как триста лет тому назад.

Уникальным в русской литературе считаем жанр сказа, который также реализует категорию интертекстуальности, поскольку имитирует народно-разговорную речь. Сказовая манера прослеживается в творчестве Н. В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки»), Н. С. Лескова («Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе»), П. П. Бажова («Уральские сказы») и др.

Примеры сказового повествования находим и в XX веке. Так, повесть В. И. Белова *«Бухтины вологодские завиральные в шести темах достоверно записаны автором со слов печника Кузьмы Ивановича Барахвостова, ныне колхозного пенсионера, в присутствии его жены Вириanei и без неё»* имеет все стилистические признаки сказа: импровизационный характер; чёткое разграничение автора (В. И. Белова) и повествователя (*Кузьмы Ивановича Барахвостова*); «просторечный колорит, достигаемый за счёт привлечения просторечной лексики, а также просторечных словоформ и оборотов» [6, с. 47] (тютелька в тютельку; у тебя годов стало лишка; решил погодить; матка моя ещё в девках; бабы встали супротив мужиков; ай, какой фулиган; ниток нету; Мало ли дураков-то на белом свете? Полоротых-то? и под.); использование слов и конструкций, характерных для былинного повествования (дело было в шестнадцатом году; накатила на матушку-Русь революция; дорога моя долга и не больно равна и т. п.).

Таким образом, текст (особенно художественный), будучи весьма сложным образованием, нередко содержит отсылки (явные или скрытые) к другим текстам, с которыми устанавливает тесные интертекстуальные связи. Стилизации и сказы являются яркими примерами гипертекстуальных отношений между основным текстом и предтекстами, явно указывая на последние. Представляются чрезвычайно перспективными исследования различных видов интертекстуальности в современных художественных текстах, где эта категория проявляется максимально ярко (ср. русское фэнтези и под.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов / И. В. Арнольд. – М. : Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
2. Балко, М. В. Интертекстуальность и мультикодовость как текстовые категории / М. В. Балко // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы III Международной научной конференции (Донецк, 25 октября 2018 г.). – Том 4:

- Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2018. – С. 72–75.
3. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 615 с.
4. Гаспаров, М. Л. Статьи о лингвистике стиха / М. Л. Гаспаров, Т. В. Скулачёва. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 288 с.
5. Гончарова, Е. А. Интерпретация текста. Немецкий язык : учеб. пос. для студентов высших пед. учеб. заведений, обучающихся по направлению 540300 (050300) «Филологическое образование» / Е. А. Гончарова, И. П. Шишкина. – М. : Высшая школа, 2005. – 365 с.
6. Москвин, В. П. Лингвистическая стилизация и пародия / В. П. Москвин // Русская речь. – 2004. – № 2. – С. 45–57.
7. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 208 с.
8. Шуверова, Т. Д. Лингво-когнитивная модель вторичного текстообразования / Т. Д. Шуверова // Инновации в науке. – 2016. – № 7 (56). – С. 151–157.
9. Щирова, И. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация : учебное пособие / И. А. Щирова, Е. А. Гончарова. – СПб. : ООО «Книжный Дом», 2007. – 472 с.
10. Genette, G. Palimpsests: Literature in the Second Degree / Channa Newman and Claude Doubinsky (trans.) – Lincoln NE and London : University of Nebraska Press, 1997. – 249 p.
11. Grivel, Ch. Serien textueller Perzeption Text / Ch. Grivel // Dialog der Texte. Hrsg W. Schmid und W.-D. Stempel. Wiener Slawischer Almanach. Sbd. II. – Wien : WUV, 1983. – S. 53–61.
12. Pfister, M. Imitation und Intertextualität bei Robert Lowell / M. Pfister // Intertextualität. – Tübingen, 1985. – S. 311–332.

АННОТАЦИЯ

Балко М. В. Специфика проявления интертекстуальных отношений в стилизациях и сказах

Статья посвящена изучению интертекстуальности как текстовой категории. Уделяется внимание рассмотрению основных видов интертекстуальных отношений между текстом и предтекстом. Теоретические положения подтверждаются анализом особенностей проявления таких отношений в литературных стилизациях (в частности в подражаниях) и сказах.

Ключевые слова: текст, предтекст, интертекстуальные отношения, гипертекстуальность, стилизация, сказ.

SUMMARY

Balko M. V. The specifics of the manifestation of intertextual relations in stylizations and tales

The article is devoted to the study of intertextuality as a text category. Attention is paid to the consideration of the main types of intertextual relations between text and pretext. Theoretical provisions are confirmed by an analysis of the features of the manifestation of such relations in literary stylizations (in particular in imitation) and tales.

Key words: text, pretext, intertextual relations, hypertextuality, stylization, tale.

*Л.В. Соснина
(г. Донецк, ДНР)*

УДК811.161.1

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СЛОЖНЫХ
АДЪЕКТИВОВ С КОМПОНЕНТОМ ВЫСОКИЙ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Современные лингвистические исследования направлены на решение теоретических проблем, связанных с функционированием языковой системы и лексико-семантической системы в целом. Объектом изучения выбраны наиболее часто повторяющиеся регулярные языковые процессы, которые описываются при помощи определенных правил, позволяющих прогнозировать или моделировать пути порождения новых наименований и их взаимодействия в пределах языка. Одним из самых перспективных направлений в современной лингвистике можно считать изучение сложных прилагательных с учетом основных положений теории композитостроения, которые позволяют определить три основных направления в образовании новых лексических единиц – универбализацию, деривационное композитостроение и создание единиц квазикомпозитопродукта. Актуальность данной работы определяется существованием спорных подходов к определению номинативного статуса сложных адъективов русского языка. В качестве предмета исследования нами выбраны композиты, содержащие формант высокий. Рассмотрение данной проблемы заставляет сосредоточиться на решении задачи разграничения указанных сложных прилагательных с учетом ономасиологического подхода к изучению номинативных единиц.

Композиты русского языка находятся в фокусе внимания современных лингвистов, а именно Е.С. Кубряковой, Е.А. Земской,

А.В. Петрова, В.И. Теркулова, Н.А. Дьячок. Так, Е.С. Кубрякова предлагает рассматривать производное слово как единицу хранения, извлечения, получения и систематизации нового знания, причем единицу комплексную: «Комплексная – потому, что представляет собой структуру и в буквальном смысле комплекс по крайней мере из двух частей: отсылочной, отсылающей нас к источнику мотивации данного образования, и формирующей, отражающей формальное средство, использованное при его создании»; этот класс единиц, по мнению ученого, отличается от симплексов – простых, непродеривированных слов [5, с. 22]. По мнению А.Г. Садыковой, при изучении сложного слова необходимо определять системные связи между компонентами, которые могут быть выявлены при описании «отнесенности компонентного состава к определенным лексико-семантическим группам» [7, с. 22].

Когда мы говорим о наличии спорных мнений в отношении номинативного статуса сложных имен прилагательных, имеется в виду утверждение Е.Л. Жильцовой о том, что «в прилагательных и наречиях первые компоненты практически всегда полностью десемантизируются и имеют исключительно усилительную функцию, указывая на чрезвычайно высокую степень интенсивности проявления качества, выраженного второй частью слова» [3, с. 13]. Таким образом, в этих словах первый компонент выступает в функции усилительного префикса, и поэтому их вряд ли можно рассматривать как композиты. Полагаем, что данное мнение не вполне справедливо для композитов современного русского языка, мы склонны рассматривать прилагательные с формантом высокий как единицы композитопродукта.

Напомним, что процесс трансформации словосочетания в слово при полном **сохранении** семантики словосочетания в образовавшемся композите называется универбализацией, соответственно, единицы, возникшие в результате такого преобразования, получили название универбализационных. Значительную часть таких композитов составляют бахуврихи – посессивные атрибутивные конструкции, в которых субъект определения находится за пределами данного сложного слова, например, высоколобый, человек, у которого высокий лоб, с высоким лбом: Это была высокая девушка с **высоким лбом**, над ним возвышался черный учительский пучок, такой же строгий, как весь туалет (Леонид Зорин. Медный закат (2007) // «Знамя», 2008; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); После паузы, какой-то возни и спора вышел большой **высоколобый** человек с трубкой, лысеющий, что не мешало ему быть лохматым (Георгий Полонский, Наталья Долинина. Перевод

с английского (1972); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru). В универбализационных композитах (УК – Л.С.), в т.ч. бахуврихи, ономаσιологический базис формируется на основе семантики главного слова исходного словосочетания, а признак – на основе семантики зависимой лексической единицы, **бахуврихи высоколобый образуется на базе посессивного словосочетания с высоким лбом**, где слово лоб относим к ономаσιологическому базису «орган», **авысокий реализует ономаσιологический признак «размер»**.

В деривационных композитах (ДК – Л.С.) базисную функцию выполняет формант, а признаковую – исходное словосочетание целиком, которое и формирует производящую основу. Описание деривационных композитов с точки зрения их ономаσιологического статуса производится с учетом наличия мотивационных отношений между исходным словосочетанием и образованным на его базе композитом, данные адъективные образования демонстрируют сочленение двух производящих основ при помощи словообразовательных формантов, например, высокоэффективный – высокая эффективность (Прил_{ед}+Суш_{лед}-осн Прил_{ед}+инт+осн Суш_{лед}+суф+парПрил); высокотемпературный – высокая температура (Прил_{ед}+Суш_{лед}-осн Прил_{ед}+инт+осн Суш_{лед}+суф+парПрил).

Под квазикомпозитами (КК – Л.С.) мы понимаем слова, образованные по моделям, уже имеющимся в языке. **Основной особенностью данных лексических единиц является отсутствие базовых словосочетаний, что существенно усложняет выведение семантического значения квазикомпозита.** Основные структурные типы квазикомпозитов определяются с учетом их соотносительности с основными путями внутриязыкового композитопостроения. Анализ сложных прилагательных позволяет утверждать, что образование атрибутивных квазикомпозитов развивается в двух направлениях – по моделям конечной структуры универбализационных композитов и единиц деривационного композитопостроения. Мы различаем префиксоидные и суффиксоидные модели универбализационной квазикомпозиции и единицы деривационного композитопроизводства, при этом один из компонентов является деривационной базой (частью производящего слова в структуре квазикомпозита), а другой – аффиксоидом (словообразовательным формантом), например, высоководный, высокоинтеллигентный, высокоамперный, высоковольтный. Сравнительно малообразованный Леман и **высокоинтеллигентный** Мачтет, оба талантливые и в полном смысле слова порядочные, представляют два типа художников,

перед свежими могилами которых ни клевета, ни насмешка не должны иметь места (В. В. Верещагин. Из записной книжки (1898); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Весьма любопытным показалось нам исследование М.С. Ачаевой, которая занимается межъязыковым анализом лексического состава словообразовательных гнезд разнотипных языков. По мнению ученого, такой подход позволяет «решить общие вопросы номинации, особенности формирования лексических систем в этих языках» [2, с. 173]. Автор исследует словообразовательное гнездо, вершиной которого является прилагательное высокий, причем рассматривает данное явление сразу в двух языках – русском и английском. Ученый заявляет о том, что в данном гнезде довольно пространную зону занимают русские сложнопроизводные прилагательные и предлагает определять их принадлежность к различным лексико-семантическим группам, так, высокий – большой, значительный по количеству, силе: высокоавтоматизированный, высокоамперный, высоковольтный, высоконапорный. Все указанные прилагательные относятся к единицам квазикомпозитостроения, так как для них невозможно определить производящее словосочетание: На **высоковольтный** провод с помощью специального приспособления навивается волоконный световод (Станислав Зигуненко. Создано в России. Наука набирает обороты... // Юный техник, 2012; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Следующую группу образуют прилагательные, в которых формант высокий обозначает очень хороший по качеству: высококачественный, высококлассный, высоконадежный, высокопробный, высокосортный, высокоурожайный, высокоэффективный. Среди этой группы мы выделяем четыре УК, а именно: высокого качества – высококачественный, высокого сорта – высокосортный, *высокой пробы – высокопробный, высокого класса – высококлассный*; два адъектива относим к ДК – высокая эффективность – высокоэффективный, высокая надежность – высоконадежный; высокоурожайный определяется как квазикомпозит, например: **высокого класса / высококлассный**: Для мошенников высокого класса, специализирующихся на элитных клиентах, то и другое часто не становится преградой (СН, 8.01.2014); Монтиизвестен как влиятельный европейский комиссар, высококлассный экономист и нейтральный политик (Вехи // «Русский репортер», № 45 (223), 17 ноября 2011; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru). Их устраивали не только выгодная цена

и качественный сервис, но и очень **высокая надежность** в работе (Михаил Георгиади. «Ариан»: от Байконура до Куру // «Знание – сила», 2011; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); После этого случая по инициативе компаний «Транснефть» и «Газпром» и постановлению правительства была создана программа «**Высоконадежный** трубопроводный транспорт» (Андрей Белкин, Владимир Мормуль. Внутритрубная диагностика. Техническое чудо? // «Знание – сила», 1999; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); Если получить семена от этого растения, то может получиться **высокоурожайный** сорт (Владимир Чуб. Что изучает наука ботаника? (1998); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Вместе с тем М.С. Ачаева выделяет «большую группу сложных прилагательных, характеризующих лицо с точки зрения его моральной оценки, положительных или отрицательных качеств» [2, с. 174]. Сюда относятся прилагательные высокоавторитетный, высокоинтеллектуальный, высокоинтеллигентный, высококомпетентный, высококультурный, высокоодаренный, высокопочитаемый, высокородный. В нашем исследовании данные прилагательные реализуются в пределах ономастического класса «социальный признак человека», в эту же группу входят адъективы высокопоставленный, высокоумный, высокочтимый, высокообразованный. Высокообразованный, эрудированный и грамотный, Тютчев написал стихотворение с особыми знаками препинания (ВИВА-Биография, №12(78), 2013); Маловероятно, чтобы какой-то высокопоставленный чиновник пожелал бы приобрести сомнительную славу (События недели, 8.01.14).

Адъективы высокоавторитетный, высокоинтеллектуальный уверенно относятся к универбализационным композитам с последующим определением производящего словосочетания с высоким авторитетом, с высоким интеллектом: *Рейтинг Форбс показывает, что Путин востребованный политик с высоким авторитетом в мире* (<http://www.profi-forex.org/novosti-mira/entry1008184908.html>); *В нашем социалистическом обществе сельский врач – активный строительной жизни, большая культурная сила, человек высокоавторитетный* (С. Герасимов. Поэзия профессии // «Огонек». № 5, 1952; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); Высокоинтеллектуальный человек адаптируется быстрее других к переменам, он не боится их (<https://psiholog.mirtesen.ru/>); Эта юная филология с **высоким интеллектом** и крошечным ростом могла бы сподвигнуть его на все (Галина Щербакова. Ангел Мертвого

озера // «Новый Мир», 2002; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Рассматривая особенности реализации прилагательного высоколобый, считаем уместным обратиться к **работе Л.В. Резниченко, посвященной анализу субстантивированных имен прилагательных. С ее точки зрения, субстантивация означает «переход из признаковой области в предметную концептуальную область» [7, с. 150]. К субстантивированным единицам она относит адъективтврдолобый. Учитывая основные принципы ономастического подхода к изучению языковых единиц и опираясь на теоретические положения композитологии, мы относим данную языковую единицу к квазикомпозитам: Только вы слишком тврдолобый, чтобы как следует испугаться** (Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); **Этот тврдолобый умник вдруг возомнил себя великим стратегом и решил ухватить мой кусок пирога** (Максим Милованов. Естественный отбор (2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Полагаем, что явление субстантивации мы наблюдаем и в случае с прилагательным высоколобый, например: **По-моему, он слишком умный! Среди нас затесался высоколобый. Уж не закончил ли он какойнибудь ветеринарный техникум?!** (Михаил Чулаки. Примус // «Звезда», 2002; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); **И хмуришься, высоколобый, от мысли, что это — твой крест: жить, словно лапша из столовой, пока тебя время не съест...** (С.В. Слепухин. «Мне это ощущение знакомо...» // «Волга», 2008; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

При субстантивации формирование производных концептов осуществляется на основе действия когнитивного механизма конкретизации, но сопровождается «сужением содержания исходных концептов, которое осуществляется посредством выделения их специфических характеристик» [7, с. 152]. В содержании исходного концепта высоколобый выделяется характеристика «имеющий определенный размер (высоту) лба», которая наследуется производным концептом в процессе концептуальной деривации и служит основой для появления такой характеристики, как «человек, оцениваемый по особенностям внешности»: Вот и все, что оставил потомству этот кряжистый, крепко сбитый **высколобый человек** (Микола Бажан. Талант сильный и гневный // «Литературная газета», 1971.05.05; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); **Типичный**

синеглазый, прямоносый, высоколобый помор. Он был родом из Архангельска (Е. С. Гинзбург. Крутой маршрут: Часть 2 (1975-1977); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru)

Ироничное оценочное значение и даже иногда отрицательную коннотацию демонстрирует прилагательное высоколобый в следующих примерах: **Воткнуться в тот день на мероприятие было сложно — весь высоколобый киномонд счел своим долгом отметить на просмотре картины выдающегося киноэтра** (Марина Леско. Рецепт хита // «Однако», 2009; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru). **Телеведущий Владимир Соловьёв вспомнил о тех временах, когда политика ещё не превратилась в шоу, а принадлежала «высоколобым» людям** (<https://ural.tsargrad.tv/>); **Балансировать на тонкой кромке между оголтелым популизмом и высоколобой аналитикой умеет далеко не каждый** (<https://www.pravda.com.ua/>). Используя метод квантитативного анализа, приходим к выводу, что прилагательное высоколобый едва ли не чаще употребляется в переносном значении, чем в прямом, когда характеризует внешность человека.

Интерес представляют и особенности разграничения пары композитов высокотехнический / высокотехнологичный. Прилагательное высокотехнический уверенно относим к квазикомпозитам, а вот высокотехнологичный образовано на базе сочетания высокие технологии, что позволяет считать его деривационным композитом, например: **Наука и высокие технологии — это не развлечение для сытых, а основа богатства нации** (Дискуссия // «Русский репортер», 2015; **Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru**); **Женщины с успехом доказали, что могут управлять высокотехнологичными механизмами и руководить крупными корпорациями** (События недели, 8.01.2014); **Если вашему ребенку тоже нравится эта высокотехническая и интеллектуальная игра, — подарите ему тренировки** (<http://www.galaxy-club.ru/>).

Проблема разграничения сложных адективов остается одной из самых спорных в современной лингвистике. Опираясь на результаты нашего исследования, мы выделили три направления реализации сложных имен прилагательных с компонентом высокий. К универбализационным композитам относим прилагательные высококласный, высокоавторитетный, высокопробный, которые образуются от полностью семантически тождественного словосочетания. Значение слов, которые мы

считаем единицами деривационного композитостроения, определяется семантикой исходного словосочетания и словообразовательного форманта, структура же самого композита включает конструкт словосочетания и форманта, например, высоконадежный / высокая надежность, высокоэффективный / высокая эффективность, высокотехнологичный / высокие технологии. Уверенно относим к квазикомпозитам прилагательные высокоурожайный, высоковольтный, высокопоставленный, высокотехнический из-за невозможности подобрать исходное словосочетание. Перспективы исследования видятся нам в изучении сложных прилагательных с формантами типа свеж-, ново-, мало- и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абросимова Л.С. Теоретико-методологические установки когнитивного подхода к изучению словообразования / Л.С. Абросимова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2014. — Вып.2. — С. 7-14
2. Ачаева М.С. Словообразовательная и семантическая структура отадективных дериватов в русском и английском языках (на материале словообразовательного гнезда с вершиной «высокий») / М.С. Ачаева // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 2014. — Лингвистика. - №1. — С. 173-176.
3. Жильцова Е.Л. Шведские сложные слова с усилительным компонентом и особенности их перевода на русский язык / Е.Л. Жильцова // Скандинавская филология, 2017. — Т.1 (15). — С. 13-23.
4. Кравченко О.Н., Багана Ж. Сложные и сложнопроизводные прилагательные: способы и модели словообразования в антропологических характеристиках (на материале английского, немецкого и русского языков) / О.Н. Кравченко, Ж. Багана // Научная мысль Кавказа, 2013. — №2. — С. 146-150.
5. Кубрякова Е.С. Ономастические характеристики комплексных единиц словообразовательной системы / Е.С. Кубрякова // Сб. науч. ст.: Актуальные проблемы русского словообразования / отв. ред. А.Н. Тихонов. — Ташкент: Укитувчи, 1982. — С. 21-25.
6. Резниченко Л.В. Концептуальная деривация как основа формирования значений субстантивированных имен прилагательных / Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2012. — Вып. 2. — Т.1. — С. 146-154.
7. Садыкова А.Г. Универсальный характер организации семантического сложения композитов / А.Г. Садыкова // Вестник ТГГПУ. Филология и культура, 2003. — №1. — С. 41-48.

АННОТАЦИЯ

Соснина Л. В. Особенности реализации сложных адъективов с компонентом *высокий* в русском языке

В нашем исследовании мы разграничиваем сложные прилагательные с компонентом *высокий* с учетом основных принципов композитологии и выделяем три типа композитов – универбализационные композиты, деривационные композиты и единицы квазикомпозитостроения. Выделяем несколько лексико-семантических групп адъективов, в которых определяющим является значение форманта *высокий*, характеризующего качество лица или предмета. Задача разграничения сложных прилагательных может быть решена с учетом ономастического подхода к изучению номинативных единиц.

Ключевые слова: имя прилагательное, композит, универбализация, деривация, формант, производящее словосочетание.

SUMMARY

Sosnina L. V. Features of the complex adjectives implementation with the component *vysokiy* in the Russian Language

There have been distinguished complex adjectives with the component *vysokiy* on the basic principles of compositology and three types of composites have been defined – universalization composites, derivation composites and quasi-composite units. We have singled out several lexical-semantic groups of adjectives, in which the value of the formant characterizing the quality of a person or an object is decisive. The task of complex adjectives differentiation can be solved with the onomasiological approach to the nominative units study.

Key words: adjective, composite, universalization, derivation, formant, producing word-combination.

*Т.С. Винникова-Закутняя
(г. Макеевка, ДНР)*

УДК 81'367.6=161.1

**О ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ ПРИНЦИПОВ
КЛАССИФИКАЦИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Вопрос распределения слов между классами частей речи является достаточно проблемным. С одной стороны, мы знакомы с общепринятой действующей классификацией, основанной на семантическом, морфологическом и синтаксическом принципах,

с другой стороны, не можем не согласиться с Шарлем Балли, который отмечает, что «замкнутые в своих основных категориях знаки служили бы весьма ограниченным источником средств для удовлетворения многочисленных потребностей речи. Но благодаря межкатегорийным заменам мысль освобождается, и выражение обогащается и получает различные оттенки» [2, с. 49].

Цель нашего исследования заключается в рассмотрении вопроса, связанного с выделением принципов классификации частей речи в русском языке и относящегося к числу вечных проблем грамматики. Общепризнанной является практическая ценность понятия части речи для классификации лексем, изучения членов предложения, но при этом в работах лингвистов подчеркивается отсутствие возможности однозначного распределения всех имеющихся в языке слов между частями речи, что обуславливает актуальность нашей работы.

Обратимся к истории становления принципов классификации частей речи в русском языке.

Являясь сторонником семантического направления, А.А. Потебня при классификации частей речи на первый план выводит лексическое значение слова. В современной лингвистике семантический критерий также находит свое отражение. М.В. Панова делает акцент на значении суффиксов и окончаний: трус (предметность) – трусить (действие) – трусливый (признак). В таком же ключе рассмотрены имена числительные: количественные и собирательные как существительные, порядковые как прилагательные, слова типа дважды, трижды как наречия; деепричастие выделено как самостоятельная часть речи, обозначающая процессуальный признак предмета, а причастие определено как форма глагола, поскольку подобно глаголу выражает процессуальность признака. Недостатком семантического критерия является то, что при таком подходе нет места служебным и модальным словам, междометиям.

Ф.Ф. Фортунатов использовал морфологический (формально-грамматический) принцип классификации частей речи. Ученый выделял формальные классы слов по наличию и характеру форм. В результате спрягаемые, склоняемые и неизменяемые слова были отнесены к полным формам и причислялись к частям речи, а частицы, предлоги, союзы и связи были признаны бесформенными словами. Недостатком морфологического принципа является то, что при распределении слов не берется во внимание значение с учетом особенностей изменения, в результате чего слова с одинаковым значением оказываются в разных рубриках. Например, формы прошедшего времени оторваны от личных спрягаемых форм как слова родовые.

А.А. Шахматов, классифицируя части речи, опирается на синтаксический принцип, в основе которого лежит «возможность – невозможность» функционирования словоформы в качестве члена предложения. Такой подход позволяет выделять самостоятельные и служебные части речи, но при этом имеет свой недостаток: поскольку классификация возможна только на основе синтаксических функций словоформ, в разных рубриках окажутся спрягаемые формы глагола, инфинитив, причастие, деепричастие, роль которых в предложении различна.

Классификация, общепринятая на современном этапе, является следствием компромисса между семантическим, морфологическим и синтаксическим принципами.

Л.В. Щерба, являясь приверженцем лексико-грамматического направления, предложил классифицировать части речи с учетом всех вышеперечисленных принципов. Идея была поддержана В.В. Виноградовым: «В живом русском языке нет идеальной системы с однообразными, резкими и глубокими гранями между разными типами слов. Грамматические факты двигаются и переходят из одной категории в другую, нередко разными сторонами своими примыкая к разным категориям» [3, с. 43].

Так сложилась система частей речи, общепринятая на современном этапе в рамках как школьной, так и вузовской грамматики.

Однако специфику перераспределения лексических единиц между частями речи невозможно ограничить семантическим, морфологическим и синтаксическим принципами, поскольку в потоке речи некоторые слова получают непривычную частеречную принадлежность в результате транспозиции. Наиболее полно данный термин представлен в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина:

«Транспозиция...

лингв. Переход слова из одной части речи в другую (в неизменном виде или с добавлением аффиксов) или использование одной языковой формы в функции другой.

Виды транспозиции: адвербиализация, адъективация, субстантивация и некоторые др.

Примеры транспозиции:

столовая (прил.) посуда – обедать в столовой (сущ.)...» [4, с. 708 – 709].

Меньшие по объему словари («Словарь русского языка» С.И. Ожегова, МАС и др.), как правило, не содержат термина транспозиция.

Теоретическому исследованию транспозиционных процессов в русском языке предшествовали наблюдения за явлениями

переходности. Морфологические свойства частей речи в их взаимодействии впервые были описаны М.В. Ломоносовым. Н.И. Греч рассматривал субстантивацию прилагательных, но без использования самого термина. А.Х. Востоков одним из первых использовал термин части речи.

В период до 30-х гг. XX в. выявление переходных явлений находит отражение в исследованиях А.А. Потебни, А.М. Пешковского, А.А. Шахматова, в период 40-50-х гг. XX в. – в трудах Л.В. Щербы, А.С. Беднякова, В.В. Виноградова, в середине XX в. – в научных изысканиях М.Ф. Лукина, В.Н. Мигирова, В.В. Шигурова и др., во второй половине XX в. – в трудах Л.В. Бортэ, В.И. Кодухова, В.В. Бабаицовой, Р.М. Гайсиной и др. На современном этапе И.В. Высоцкая, Е.Н. Ремчукова, Т.К. Бардина, В.Н. Алиева, Н.А. Лыкова и др. продолжают вести научную работу в данном направлении.

В исследовании Н.А. Лыковой формально-семантическое изменение слова определено как преобразование, свершившееся в результате асимметричного расщепления. Например, в словосочетании поздней осенью существительное осенью в творительном падеже имеет значение времени и некоторой предметности, но при асимметричном расщеплении творительного падежа вышеуказанного существительного с учетом определенных синтаксических условий оно может переходить в разряд наречий. Приведенный пример иллюстрирует результат процесса транспозиции в сочетании с аффиксацией. Речь идет о синтетичности типологического строения русского слова, имеющего богатейшие возможности для «видоизменения и превращения», к числу которых относится и транспозиция.

Т.К. Бардина в работе «Проблема лексико-грамматической переходности частей речи в современном русском языке» пишет о том, что части речи довольно часто пребывают в процессе активного взаимодействия, но в терминологическом содержании данное явление не находит отражения, вследствие чего мы отождествляем его с лексико-грамматической переходностью. Взаимодействие предусматривает категоризацию одного и того же объекта в различных аспектах, а лексико-грамматическая переходность указывает на возможность совмещения в одном знаке разных объектов. Исходя из этого, мы можем говорить о взаимодействии как о процессе постоянных системно-языковых связей между разрядами частей речи, а также о переходности, итогом которой являются новые лексические и грамматические качества языковых единиц.

Ценными являются замечания А.Я. Баудера о том, что общепринятая схема определения частеречной принадлежности

слова не является совершенной, так как части речи имеют многоаспектный характер (разноуровневые и межуровневые пересечения).

Тем не менее схема определения частеречной принадлежности слов базируется на семантическом, формально-грамматическом и синтаксическом принципах. Суть такого алгоритма на первый взгляд поверхностна, так как сведена к шаблонной работе. Но в то же время такой бессознательный процесс «шлифует» языковую интуицию, роль которой безгранична в определении переходных явлений.

В словаре О.С. Ахмановой представлено следующее толкование: «Чутье языковое – интуитивная реакция на данную форму высказывания и т.п. со стороны лица, для которого данный язык является родным, как критерий правильности речи» [1, с. 519]. Т.В. Матвеева говорит о языковом чутье в рамках раскрытия понятия языковой вкус. Отсутствие в лингвистических словарях исчерпывающих сведений о языковой интуиции (языковом чутье) говорит о малоизученности данного понятия, а между тем его немаловажную роль подчеркивали Ф. де Соссюр, В. фон Гумбольдт, Л.В. Щерба и др.

Вильгельм фон Гумбольдт считал очевидным приоритет изучения живой речи над описанием языкового организма и утверждал, что язык – это вечно порождающий себя организм, создание которого обусловлено внутренней природой человека. Ученый привнес в лингвистику деятельностно-речевой динамизм, который позволяет упорядочивать языковые явления не по субъективной прихоти исследователя, а в соответствии с их объективной представленностью в актах построения новых слов и предложений, что находит связь с транспозиционными процессами. Разработанный Гумбольдтом этноцентрический психологический подход стал основой когнитивного принципа в грамматике. А когнитивный метод применяют при исследовании транспозиции частей речи на современном этапе.

Точку зрения Гумбольдта разделял А.А. Потебня. Как нам известно, этот ученый внес весомый вклад в изучение явлений переходности. В одной из его работ отмечено следующее: «... невозможно считать такие грамматические категории, которыми являются глагол, существительное, прилагательное, наречие чем-то неизменным, не присущим человеческому мышлению. Наоборот, даже за недостаточно длительное время эти категории значительно меняются» [7, с. 76].

А.М. Пешковский писал: «Переходные факты в области частей речи являются следствием того, что отдельные слова на почве звуковых изменений и изменений значения, происходящих

в них самих и связанных с ними ассоциативно словах, медленно и постепенно переходят из одной категории в другую. Процесс этот вечен в языке» [6, 153].

И.А. Бодуэн де Куртэнэ постулировал язык как психическое явление, разделяя мнение большинства лингвистов второй половины XIX века. Ученый в частеречном значении увидел надязыковую, умственную природу, что позволяет сделать вывод о применении основателем Казанской лингвистической школы психологического подхода к рассмотрению категории частей речи.

«Распределение слов по частям речи не удовлетворяет и другому основному правилу деления объема понятия, а именно – тому правилу, что члены деления должны взаимно исключать друг друга. Так как в вопросе о частях речи мы имеем дело не с классификацией слов, то, может случиться, что одно и то же слово окажется одновременно подводимым под разные категории. Так, например, местоимение оказывается в то же время и существительным и прилагательным» [8, 22]. Подвижность слов в рамках границ частей речи объясняется транспозиционными процессами, своевременному выявлению которых нам помогает не только умение определять частеречную принадлежность, основанное на семантическом, формально-грамматическом и синтаксическом принципах, но и языковая интуиция. Невозможно не согласиться с А.М. Орловой, которая отмечает, что языковая интуиция способствует формированию различных навыков, в том числе грамматических, особенно в тех случаях, когда изучаемый лингвистический материал не имеет четких определений и границ [5, с. 80]. Из этого следует, что проблема определения частеречной принадлежности слова является сложной и неоднозначной, так как затрагивает не только лингвистический, но и психологический аспект.

Отражение перспективы продолжения нашего исследования находим в актуальном и на сегодняшний день изречении М.И. Стеблин-Каменского: «Высказывания по вопросу о том, на чем основано традиционное распределение слов по частям речи, многочисленны, разнообразны, но очень часто неясны и противоречивы. Вероятно, было бы благоразумнее дать их подробный обзор, за которым как за дымовой завесой можно было бы при желании укрыться от необходимости самостоятельного решения вопроса и от связанной с этим ответственности» [8, 22].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.

2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка; пер. с франц. [Текст] / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. л-ры, 1955. – 416 с.
3. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове [Текст] / В. В. Виноградов. – М.: Русский язык, 1972. – 614 с.
4. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов [Текст]. Ок. 25000 слов и словосочетаний / Л. П. Крысин. – Москва: Рус. яз., 1998. – 846 с.; (Библиотека словарей русского языка).
5. Орлова А. М. К вопросу об объективной обусловленности так называемого «чутья языка» // Вопросы психологии / Ред. А. А. Смирнов. – №5. – Сентябрь-октябрь 1955. – С. 71-83.
6. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. [Текст]. – 8-е изд., доп. / А. М. Пешковский. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
7. Потенция А. А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А. А. Потенция. – М.: Учпедгиз, 1958. – Т. 1/2. – 536 с.
8. Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. [Текст] / М. И. Стеблин-Каменский. – Л.: Изд. ЛГУ, 1973. – 41 с.

АННОТАЦИЯ

Винникова-Закутняя Т. С. О проблеме выделения принципов классификации частей речи в русском языке

В статье представлен обзор становления общепринятых принципов классификации частей речи в русском языке, на фоне которого рассмотрен проблемный вопрос влияния переходных явлений и языковой интуиции на определение частеречной принадлежности слов.

Ключевые слова: принципы классификации частей речи, транспозиция частей речи, явления переходности, языковая интуиция, психологический подход.

SUMMARY

Vinnikova-Zakutniaia T. S. On the problem of highlighting the principles of classification of parts of speech

The article provides a review of establishment of generally accepted principles of classification of parts of speech in the Russian language, against the background of which the author considers the problematic issue of transitional phenomena and language intuition on determining the affiliation of a word with a part of speech.

Key words: principles of classification of parts of speech, parts of speech transposition, phenomenon of transitivity, language intuition, psychological approach.

УДК 81'373.7

РЕЧЕВОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОСЛОЖНЕННЫХ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛО- ГИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ

Речевое употребление фразеологических единиц традиционно привлекает пристальное внимание лингвистов. Фразеологические единицы, не являясь «окаменелыми» образованиями, реализуют в речи способность к разнообразным индивидуальным вариациям. Появление в речи вариаций общеизвестных в литературном языке фразеологических единиц вполне закономерно, так как имеющаяся языковая система, удовлетворяя потребность выражения в целом, порождает трудности на пути к выражению нетривиальных содержаний, что приводит к тому, что пользующиеся общим языком не могут удовлетвориться его системными ресурсами [1, с. 280]. Речевое преобразование фразеологических единиц, являясь одним из способов преодоления подобных трудностей, обогащает экспрессивно-номинативные возможности языка.

Фразеологическая номинация обычно понимается как обозначение фразеологизмом явлений объективного мира. «Номинация есть процесс и результат наименования, при котором языковые элементы соотносятся с обозначенными ими объектами» [2, с. 237]. Объект – это предмет, процесс, признак, ситуация и т.п. Фразеологическая номинация носит как узуальный, так и окказиональный характер.

В процессе своего преобразования в речи фразеологические единицы (далее ФЕ) подвергаются семантическому осложнению разной степени.

Только принимая во внимание закономерности окказиональной номинации, можно проводить достаточно глубокое ономазиологическое изучение природы фразеологических единиц, так как любая фразеологическая единица, независимо от того, образована ли она в результате первичной или вторичной фразеологизации, представляет собой результат узуализации, закрепления во фразеологическом фонде какой-либо исконно окказиональной номинативной единицы, то есть либо потенциального фразеологизма, либо преобразованной фразеологической единицы.

Целью данной статьи является исследование преобразованных фразеологических единиц (далее ПФЕ), подвергшихся

значительным семантическим изменениям в результате замены компонентов, следствием чего является появление осложненных фразеологических номинаций.

К осложненным номинациям мы относим те преобразованные фразеологизмы, семантика которых обогащается новыми семами. В основе осложненных номинаций лежат признаки, которые исходные фразеологизмы не дифференцируют ввиду обобщенного характера их семантики. Преобразованные фразеологические единицы, номинируя референт нестандартным образом, эксплицируют те признаки, которые присутствуют в семантике прототипа имплицитно, в латентном состоянии.

Самым распространенным способом образования осложненных номинаций является тот, где прямые значения слов-заменителей накладываются на семантику прототипов и уточняют ее. Устойчивая внутренняя форма ФЕ представляет в семантике ПФЕ всю семантику исходной ФЕ, на которую непротиворечиво накладывается значение слова-заменителя.

Второй способ образования осложненных номинаций в самом общем виде сводится к модификации образной основы ПФЕ. В отличие от частично дефразеологизированных оборотов, все компоненты ПФЕ принимают участие в формировании модифицированного образа. Модифицированный образ позволяет извлечь дополнительную информацию, которая является дифференциальным элементом в семантике ПФЕ.

Нами выделяется особая группа, занимающая промежуточное положение между осложненными номинациями, формирующимися на базе прямых номинативных значений слов-заменителей и связанных с частичным разрушением образа исходной фразеологической единицы, с одной стороны, осложненными номинациями, имеющими модифицированный образ, с другой.

Эта сравнительно немногочисленная группа преобразованных фразеологических единиц образуется в тех случаях, когда слово-заменитель одновременно реализует в преобразованной фразеологической единице два лексико-семантических варианта.

Well, you can bring an ass to the water, but you can't make him drink. The world was the water and Egbert was the ass. (D.H. Lawrence, England My England, p.118).

Основной лексико-семантический вариант включается в план выражения преобразованной фразеологической единицы и поддерживает ее образность, а другой лексико-семантический вариант (производное или переносное значение) участвует в формировании семантики преобразованной фразеологической единицы. Контекст

всегда показывает, какой именно из лексико-семантических вариантов формирует семантику преобразованной фразеологической единицы.

Приблизительно то же самое наблюдаем в примере преобразования ФЕ the thin red line – the heroic resistance of few against many:

*The principals needed their principles to keep them warm: it grew minute by minute winder and colder. For one of the press cameramen it was a good joke: "You've got **the thin blue line** here all right" / DCIE/.*

Как и в рассмотренном выше примере, компонент red замещается словом blue, которое в одном из своих значений (of the colour between green and violet in the spectrum) относится к той же тематической группе что и замещаемый компонент. Контекст определяет, что в основу окказиональной номинации ложится иной лексико-семантический вариант – with blue-coloured skin through cold. В этом примере у контекста большая прогнозирующая сила, так как предложение, непосредственно предшествующее предложению, содержащему ПФЕ, однозначно предопределяет появление слова-знаменателя, в то время как в первом примере понимание того, какой лексико-семантический вариант выступает в качестве слова-знаменателя, приходит только с учетом широкого контекста.

Контекст однозначно определяет, какой именно признак лег в основу окказиональной номинации. Так, например, в основу формирования образного представления прототипа компонент red поставил признак "красный" (об одежде). Анализ ПФЕ без учета контекста также может допускать в основе формирования образа ПФЕ такой семантический признак, как wearing blue clothes. Тогда окказиональный смысл ПФЕ истолковывался бы как "героическое сопротивление немногих, одетых в голубые одежды, против многих", тогда как контекст показывает, что смысл ПФЕ "героическое сопротивление немногих, посиневших от холода, против многих".

В отличие от первого примера, в исходной ФЕ отсутствует прозрачная внутренняя форма.

Иногда не только контекст, но и сама замена показывает, какой именно лексико-семантический вариант определяет семантику ПФЕ. Это связано с характером модификации образа прототипа, когда реальный образ исходной ФЕ в результате преобразования в ПФЕ становится фантастическим, алогичным. Остановимся на примере преобразования ФЕ black sheep (of the family) scoundrel, unsatisfactory member / of family etc/:

Lanny told briefly about this “red sheep” of his mother’s family. “There aren’t apt to be two American painters such active reds” (Kenk.).

У слова-заменителя red основной лексико-семантический вариант – one of a range of colour from the long-wave and of the spectrum в результате замены создает нереальный образ. Расшифровка такого образа не позволяет определить семантику ПФЕ, что уже, наряду с контекстом, показывает, что семантику ПФЕ определяет другой лексико-семантический вариант – a Communist or extreme left-wing socialist.

Аналогичным является преобразование ФЕ between the devil and deep blue sea – faced with two equally unpleasant alternatives в следующем примере:

Mrs. Thatcher now stands between the devil and the deep wet sea (DCIE).

Семантическая несовместимость значения основного лексико-семантического варианта wet-covered or saturated with liquid (PD) с системным значением слова sea expanse of salt water that covers most of earth’s surface... показывает, что в качестве слова-заменителя выступает другой лексико-семантический вариант, контекст, его политическая направленность показывают, кокой именно из возможных лексико-семантических вариантов sentimental: weak, spiritless; liberal conservative выступает в качестве слова-заменителя.

Встречаются также замены, когда один лексико-семантический вариант отличается от другого не только значением, но планом выражения, как, например, при образовании ФЕ bring the house down – win very great applause and approval:

When a Parliamentary orator, as ones happened, reffered in his speech Oropesф, squillated, to Squillaci, the commerce of the Caesars, and brought the House down, this was because he was paying a compliment to their intelligence(Kenk)/.

В этом примере в качестве заменяемого компонента и слова-заменителя выступают два лексико-семантических варианта одного и того же слова house. В примере речь не идет о том, какой именно из лексико-семантических вариантов, основной или произвольный/переносный, выступает в качестве слова-знаменателя. Выбор может осуществляться только из тех лексико-семантических вариантов, которые в написании имеют прописную “Н», но контекст определяет, какой именно из таких ЛСВ употреблен в качестве слова-заменителя. Иное дело, что вариатив имеет образное модифицированное представление, а не подвержен частичной дефразеологизации.

Появление многих окказиональных осложненных номинаций связано с тем, что в семантике ПФЕ появляется окказиональная сема “пол”, выступающая э качестве дифференцирующего элемента. Как известно, большинство ФЕ характеризуются определенной антропоцентричностью, а в их семантических определениях очень часто содержится местоименное существительное “человек”. Референтами таких ФЕ являются лица обоих полов, в то время как в плане выражения таких ФЕ содержатся обычно указание на какой-либо один пол, как, например, «козел отпущения», «Лиса Патрикеевна». Приведение формы в большее соответствие определенной ситуации, конкретному референту как, например, “коза отпущения” (если референтом является лицо женского пола), рассматривается как окказиональное преобразование.

В лингвистическом плане такое преобразование является преодолением противоречий между целостным значением ФЕ и значениями отдельных компонентов. Словный характер компонентов, их системные значения оказывают давление на значение фразеологическое, ограничивают сочетаемость ФЕ и их способность номинировать некоторые референты. Например, ФЕ one’s cup of tea – what one likes, what suits one beat при своей весьма диффузной семантике не может сочетаться с именами, обозначающими напитки. Подтверждение может служить следующий диалог:

“... I make lousy coffee no matter what kind I get”.

“Do you measure?”

“Sure, and it’s still lousy. Coffee just isn’t: I nearly said my cup of tea” (/J. Steinbeck, The Winter of Our Discontent, p. 58).

Наличие в структуре вариатива компонента, который в системе языка имеет сему “пол”, позволяет замещать этот компонент на другой, который содержит дифференцирующую сему “пол”, соответствующую конкретному объекту. Наиболее ярким примером является преобразование адъективной компаративной ФЕ as a happy as a sandboy – very happy:

Leave the poor sweetie alone. She’s as happy as a sandgirl, dear. It’s years since she’s been able to wash the nappies out like this (DCIE).

Слово sandboy — является некротизмом и в настоящее время употребляется только в составе данной ФЕ. В качестве одного из возможных его значений COD дает следующее: (probably) boy hawking sand for sale. Как и всякий переосмысленный компонент в составе адъективных компаративных ФЕ, он усиливает тот признак, который называет непереосмысленный

компонент. Но, нетрудно заметить, что в компаративных ФЕ замена переосмысленного компонента мыслима как замена либо синонимом, либо тематическим близким словом. В противном случае невозможно соотнести полученные в результате преобразования выражения с прототипом и отличить его от свободного словосочетания. Отсутствие парадигматических связей у некротизма *sandboy* делает невозможным его замену другим словом. Иное дело, что такими связями обладает компонент *boy*, что допускает его замену словом *girl*, несмотря на то, что в результате образуется несуществующий в языке окказионализм.

Остановимся на преобразованиях ФЕ *paper tiger – person or thing threatening in appearance but ineffectual; as one man – in unison; Jack of all trades – smb who has knowledge and ability in varied skills and crafts*, в результате которой в семантике их ПФЕ появляются окказиональные потенциальные эксплицитные семы «женский пол».

That was the insistent demand made by Labour MPs yesterday as “paper tigress” Thatcher faced the Commons empty-handed after her Dublin Euroflop (Morning Star, Dec. 4, 1986).

The company, as one woman, were stunned by his speech (DCIE). Maybe it’s because of her parentage that Stacey Gregg plays Lynn Barter in ‘Crossroads’ is such a Jill of all talents (DCIE).

К особой разновидности окказиональных осложненных номинаций относятся такие ПФЕ, в составе которых замещающее слово по отношению к заменяемому компоненту выступает как реалия современного мира. Такие замены можно определить как «осовременивающие», а в более широком плане как ассоциативно-хронологические.

Остановимся на примерах преобразования ФЕ *bread and circuses – means of commanding the hearts of masses; guns or butter – national power and prestige, contrasted with the personal welfare and prosperity of its citizens; born with a silver spoon in one’s mouth – born of wealthy parents*:

I think it is always best to read the news of the world while the intelligence is still too sleepy to read a good book or to realize what a tragic mess we human beings have made of simple problem of providing bread and cinemas to everybody (Kenk).

In the current Soviet Five; Year Plan, great emphasis is laid on improving the living conditions of the Soviet people. In short, it comes down to: fewer missiles, more butter (DCIE).

“I was brought up rich”.

“Yeah”, I said. “You were born with a Cadillac in your mouth (Kenk)/

В семантике вариативов появляется окказиональная потенциальная конкретизирующе-уточнительная сема «современный». Ассоциативно-хронологические замены могут быть не только «осовременивающие», но и «исторические». В таких случаях компонент ФЕ замещается словом-заменителем, которое отражает реалию исторического прошлого. Рассмотрим пример преобразования ФЕ *from China to Peru – in, throughout, many parts of the world*:

She saw that the people of this world moved about in an armour of egotism, drunk with self-gasing, athirst for compliments, ... These were the sons and daughter of Adam from Cathay to Peru (T.Wilder, The Bridge of San Luis Rey, p. 37).

Слово-заменитель *Cathay* (от *Khitai*) является историческим названием Китая, под которым он стал известен средневековой Европе. В семантике ПФЕ появляется окказиональная конкретизирующе-аддитивная сема, а его смысл можно интерпретировать как «повсюду и издавна».

ПФЕ, относящиеся к осложненным номинациям, являются наиболее частотными и составляют 63% от общего количества преобразованных ФЕ, составивших материал нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. – 394 с.
2. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций / В.Г. Гак // Языковая номинация: Общие вопросы / Отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. – С. 230 – 239.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Cowie, A.P. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English / A.P. Cowie, R. Mackin, I.R. McCaig. Oxford; Oxford Univ. Press, 1984. – 685 p. (DCIE)
2. Lawrence D.H., England My England. Harmondsworth: Penguin Books, 1961. – 190 p.
3. Steinbeck J. The Winter of Our Discontent / J. Steinbeck. – Moscow: Vyssaja Skola, 1985. 271 p.
4. The Kenkyusha Dictionary of Current English Idioms. Tokyo: Kenkyusha, 1969. – 849 p. (Kenk.)
5. Wilder T., The Bridge of San Luis Rey / T. Wilder. New York: Albert and Charles Boni, 1928. – 235 p.

АННОТАЦИЯ

Волосевич С. П. Семантика фразеологических единиц при их преобразовании в речи

Рассматриваются вопросы осложнения семантики фразеологических единиц. Выявляются некоторые особенности такого осложнения. Анализируется влияние семантики слова-заменителя на семантику и образ исходной идиомы.

Ключевые слова: фразеологическая единица, семантическое осложнение, сема.

SUMMARY

Volosevich S. P. Semantics of English idioms when transformed in speech

Some issues of semantic complication of phraseological units are explored. Some peculiarities of such complication are brought to the fore. The impact of the semantics of the substitute-word on the semantics and image of the prototypical idiom is analyzed.

Key words: phraseological unit, semantic complication, seme.

*В.А. Вострецова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'373.7

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ
В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И УКРАИНСКОМ
ЯЗЫКАХ И ТРУДНОСТИ ИХ ПЕРЕДАЧИ
В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ**

Фразеологический фонд любого языка богат и неповторим. Несмотря на то, что происхождение части фразеологических единиц может иметь общие корни, каждая единица претерпевает изменения в своем языке, подстраиваясь под правила, нормы и требования языка, а также вкусы и традиции носителей этого языка. «Язык – зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира. Язык – сокровищница, кладовая, копилка культуры. Он хранит культурные ценности – в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной

и устной речи» [5, с. 14]. Фразеологические единицы, являясь неотъемлемым элементом языка, отображают события истории, отношение носителей языка к окружающей действительности, позволяют увидеть эмоциональную составляющую, присущую тому или иному народу.

Необходимо отметить, что традиционные формы многих фразеологических единиц могут меняться в процессе их использования в текстах разных видов и жанров, а также в процессе перевода таких единиц. В нашей статье мы хотим отдельно остановиться не только на словарных фразеологических единицах, но и на единицах, функционирующих в аудиовизуальном дискурсе.

Цель данной статьи состоит в рассмотрении особенностей функционирования в английском языке и возможных стратегий передачи англоязычных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом на русский, украинский и немецкий языки. Материалом для исследования послужили фразеологические единицы, отобранные из англоязычных сериалов, художественных и мультипликационных фильмов и их русскоязычных, украиноязычных и немецкоязычных версий. Актуальность данной статьи обусловлена развитием аудиовизуального перевода и интересом аудиовизуальных переводчиков к методам, способам и техникам создания качественного перевода фильмов разных типов и адекватной передачи отдельных единиц на языке перевода.

Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом формируют широкий пласт в современной фразеологии. Различные животные играли значительную роль в жизни человека, являясь неотъемлемой частью его жизни и сопровождая его всегда и повсюду. Некоторые из животных имели для человека символическое значение, другие – описывали и олицетворяли различные качества человека, его характер и внешность.

Согласно классификации А.В. Суперанской зоонимы относятся к группе имен живых существ и существ, воспринимаемых как живые. Термин «зооним» исходит от древнегреческого ζῷον «животное» и ὄνομα «имя». Отметим, что среди ученых существуют разногласия относительно того, какие лексемы можно отнести к зоонимам. Некоторые ученые считают, что к зоонимам можно отнести только имена/клички животных. Лингвист Н.В. Подольская дает такое толкование исследуемому термину – «собственное имя (кличка) животного, в т.ч. домашнего, содержащегося в зоологическом саду, «работающего» в цирке, в охране, подопытного или дикого» [4, с. 58]; Д.И. Ермолович

определяет зоонимы как «имена собственные, присваиваемые животным (в просторечии – клички животных)» [1, с. 113]; А.В. Суперанская также пишет, что зоонимы – это «имена различных животных, птиц и пр.» [5, с. 178], при этом ученый выделяет индивидуальные и групповые зоонимы.

Другие же ученые (Д.И. Ермолович, Н.В. Подольская, Ю.Г. Юсифов и др.) говорят о том, что к зоонимам можно отнести и имена нарицательные (например, кот, собака, корова и т.д.). Д.И. Ермолович определяет зоонимы в отдельную категорию и выделяет единичные и множественные зоонимы. В данной статье мы будем придерживаться широкой формулировки, подразумевая под зоонимами не только клички/имена животные, но и родовидовые названия животных, а также их производные.

Для анализа были отобраны фразеологические единицы с компонентом-зоонимом, функционирующие в текстах англоязычных сериалов, художественных и мультипликационных фильмов, и их эквиваленты в русскоязычных и украиноязычных версиях указанных аудиовизуальных продуктов, также были проанализированы фразеологические словари.

Отметим, что фразеологические единицы с компонентом-зоонимом могут иметь различные источники. Исследуемые единицы пришли в английский, русский и украинский языки в основном из повседневной жизни или быта человека, его профессиональной деятельности, окружающего мира, устного и письменного народного творчества, исторических и религиозных источников и др. (например, англ. *to buy a pig in a poke*, укр. купувати кота в мішку, рус. покупать кота в мешке; англ. *Trojan horse*, укр. Троянський кінь, рус. Троянский конь; англ. *one swallow does not make a summer*, укр. одна ластівка весни не робить, рус. одна ласточка весны не делает; англ. *a lost sheep*, укр. заблукала вівця, рус. заблудшая овечка).

Для рассмотрения структурно-семантических типов анализируемых фразеологических единиц за основу была взята классификация проф. А.В. Кунина, который выделял **субстантивные, адъективные, адвербиальные, глагольные, междометные и коммуникативные фразеологические единицы**. В аудиовизуальных текстах встречаются фразеологические единицы всех типов. Анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом показал, что наиболее частотными в английском языке являются **субстантивные** (*an eagle eye, a dead duck, an early bird, the black dog, a horse sense*), в русском и украинском языках – **адъективные** (рус. **храбрый как лев, скользкий как уж, упрямый как осёл,**

гол как сокол, нем как рыба; укр. *пихатий як індик, голий як руда миша, голодний як вовк, сивий як голуб, незграбний як ведмідь*) фразеологические единицы.

В русском и украинском языках также находим **субстантивные, а в английском – адъективные фразеологические единицы с компонентом-зоонимом** (рус. **белая ворона**, укр. **рання пташка**; англ. *as hungry as a wolf*). Во всех трёх языках встречаются глагольные (англ. *do a cold turkey*, рус. **извиваться как уж на сковороде**, укр. **верещати як свиня**), междометные (англ. *Holly cow!*, укр. **К свиням собачим!**, рус. **Пёс меня возьми!**), коммуникативные (англ. *bird is known by its flight*, рус. **пуганная ворона и куста боится**, укр. **краще горобець в руці, ніж лелека в небі**) фразеологические единицы.

В английском, украинском и русском языках **наименьшее количество из отобранных нами единиц составляют адвербиальные фразеологические единицы** (англ. *like a bat out of hell*, рус. **как сонная муха**, укр. **як очманілий кіт**).

Важно отметить, что в составе фразеологических единиц зоонимы могут приобретать отрицательную, положительную или нейтральную коннотацию. «Названия животных в разных языках вмещают разные качества. Это свидетельствует об индивидуальности образного мышления конкретного народа, что являет собой сложный ассоциативно-психологический процесс, а также о различиях в ценностной картине мира различных этносов. <...> Неоспорим тот факт, что в языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [3, с. 3]. Большая часть фразеологических единиц с компонентом зоонимом антропоцентричны, так как описывают характер или внешность человека, а также его действия. «Человек стремился к тому, чтобы охарактеризовать свое поведение, внешность, взгляды на окружающую действительность, а также дать характеристику другим индивидуумам, входящим в одну этнолингвистическую группу с ним, для чего он прибегал к сравнению с тем, что было ему ближе всего – животным миром» [7, с. 48].

Приведем примеры фразеологических единиц с отрицательной коннотацией: англ. *dog eat dog* **людина людині вовк**, рус. **человек человеку волк**; англ. *fight like cat and dog*, укр. **жити як кішка з собакою**, рус. **жить как кошка с собакой**; англ. *to be stubborn as a mule*, укр. **як баран впертись**, рус. **как баран упереться**.

Положительную коннотацию имеют следующие фразеологические единицы: **англ.** *as gentle as a lamb* (*as meek as a lamb*), **укр.** *слухняний як ягня* (лагідний як ягня), **рус.** *кроткий как ягнёнок*; **англ.** *healthy/strong as a horse*, *healthy/strong as an ox*, *healthy/strong as a bull*, **укр.** *сильний як бик*, **рус.** *сильный как бык*; **англ.** *one wouldn't hurt a fly*, **укр.** *і мухи (і комашини) не скривдить* (не зачепить), **рус.** *и мухи не обидит*; **англ.** *as busy as a bee*, **укр.** *працьовитий як бджола*, **рус.** *трудолюбив как пчелка*.

Фразеологические единицы с исследуемым компонентом могут иметь и нейтральную коннотацию, однако такие примеры встречаются значительно реже: **англ.** *take the bull by the horns*, **укр.** *взяти бика за роги*, **рус.** *взять быка за рога*; **англ.** *a lone wolf*, **укр.** *самотній вовк*, **рус.** *одинокый волк*; **англ.** *eagles fly alone*, *sheep flock together*, **рус.** *орёл парит один*, *ворон летит в стае*.

Количественный анализ фразеологических единиц, позволив распределить зоонимы-компоненты на четыре группы. В пределах каждой группы были выявлены наиболее частотные и наименее употребляемые зоонимы, встречающиеся в составе рассмотренных фразеологических единиц.

1. Зоонимы-названия домашних животных. Наиболее частотные в английском языке – *dog*, украинском – *баран*, русском – *баран* (**англ.** *to throw to the dogs*; **укр.** *дурний як баран*; **рус.** *смотрит, как баран на новые ворота*); наименее употребляемые в английском языке – *mule*, украинском – *корова*, русском – *корова*. Важно отметить, что с компонентом *dog* встречаются фразеологические единицы, как с положительной, так и с отрицательной коннотацией, а фразеологические единицы с компонентом *баран* в русском и украинском языках имеют отрицательную коннотацию. Данная группа зоонимов-компонентов фразеологических единиц является самой многочисленной в рассматриваемых языках.

2. Зоонимы-названия диких животных. Наиболее частотные в английском языке – *wolf*, украинском – *вовк*, лиса и *заєць*, русском – *волк* и их производные (**англ.** *a wolf in sheep's clothing*; **укр.** *вовк і раховані вівці бере, в очі лисицею, за очі вовчицею, сипати зайцям солі на хвіст*; **рус.** *волка ноги кормят*); наименее употребляемые в английском языке – *rat*, украинском – *щур*, русском – *крыса*. Фразеологические единицы с зоонимами *wolf*, *волк* и *вовк* в английском, украинском и русском языках соответственно имеют негативное значение, так как волк является

символом агрессивности, жадности, алчности, жестокости, хищности и враждебности, представляет большую опасность для общества. Фразеологические единицы с компонентом *лиса* и *заєць* (укр.) также имеют негативное значение, так как лиса символизирует *хитрость*, *лицемерие*, *лживость* и *коварство*, а *заяц* – *трусость* и *невысокие умственные способности*.

3. Зоонимы-названия птиц. Наиболее частотные в английском языке – *owl*, украинском – *сорока*, русском – *сова* и *сорока* (**англ.** *a night owl*; **укр.** *всяка сорока від свого языка гине*; **рус.** *не видит сова, какова сама, сорока на хвосте принесла*); наименее употребляемые в английском языке – *nightingale* и *magpie*, немецком – *Nachtigall* и *Elster*, украинском – *орел*, русском – *орёл* и *ворона*. Компоненты-зоонимы *owl* и *сова* в английском и русском языках соответственно придают фразеологическим единицам положительный оттенок, так как сова является символом мудрости и познания, однако встречаются фразеологические единицы с негативным оттенком в которых сова при сравнении с другими птицами проигрывает по внешности и удачливости. Все проанализированные фразеологические единицы, содержащие зооним *сорока*, имеют исключительно негативную коннотацию, символизируя болтливость и воровство.

4. Зоонимы названия насекомых. Наиболее частотные в английском языке – *fly*, украинском – *муха*, русском – *муха* (**англ.** *let that fly stick in the wall*; **укр.** *під мухою*; **рус.** *и мухи не обидит*); наименее употребляемыми являются в английском языке – *ant*, украинском – *мураха/мурашка*, русском – *муравей*. Фразеологические единицы с компонентом *fly*, *муха* и *муха* в английском, украинском и русском языках соответственно имеют негативную коннотацию, так как мухи символизируют зло и мировые эпидемии, указывают на скрытый, двойственный смысл, а также слабость и греховность. Встречаются редкие фразеологические единицы с указанным компонентом, имеющие положительную или нейтральную коннотацию, которые описывают доброго и мягкосердечного или бодрого и энергичного человека, редкую и хорошо сохранившуюся вещь.

Вопросу передачи фразеологических единиц уделено немало внимания в работах переводоведов. Все исследователи говорят о сложности работы с данными единицами, в связи с тем, что кроме наличия переносного или образного компонента значения, большая их часть не имеют общего источника, содержат разную культурную информацию, могут относиться к различным стилям речи; «фразеологизмам

принадлежит особая роль в вербальной коммуникации, они не просто передают определенную информацию, но и оказывают воздействие на чувства и воображение рецептора. Многие авторы и ораторы специально насыщают свои тексты такими средствами, чтобы создать желаемый эффект. Понятно, что и в переводе желательно сохранить этот эффект, и надлежащее воспроизведение фразеологизмов составляет одну из важных задач переводчика» [2, с. 170].

Переводоведы выделяют четыре основных способа перевода фразеологических единиц: использование фразеологического эквивалента (англ. *a lost sheep* – укр. заблукала вівця, рус. заблудшая овечка), использование фразеологического аналога (англ. *every bird likes its own nest* – укр. усякий кулик до свого болота звик, рус. всяк кулик свое болото хвалит), калькирование (*the higher the ape goes, the more he shows his tail* – укр. чим вище мавпа підніметься на дерево, тим видніше їй хвіст, рус. чем выше обезьяна взберется на дерево, тем виднее ее хвост) и описательный перевод (англ. *it's gone to the dog* – рус. ситуация ухудшилась). В связи с тем, что семантика фразеологических единиц «представляет собой сложный информативный комплекс, имеющий как предметно-логические, так и коннотативные компоненты» [2, с. 171], переводчик сталкивается с проблемой выбора способа перевода в каждом отдельном случае. Проблема выбора становится более острой в ситуации аудиовизуального перевода, так как в данной сфере существуют определенные факторы и требования, ограничивающие возможности переводчика.

В первую очередь переводчик должен знать, с каким типом аудиовизуального перевода ему придется работать (дубляж, субтитрирование, закадровый перевод, перевод телевизионного шоу, театральный перевод и др.). В каждом направлении существуют свои ограничители, которые не позволяют применить тот или иной способ передачи фразеологической единицы. Например, главным сдерживающим фактором при подготовке текста под дубляж является необходимость укладки полученного перевода под движения губ актеров (lipsync), поэтому в большинстве случаев переводчик не сможет воспользоваться фразеологическим эквивалентом, аналогом или калькой. В ситуации субтитрирования необходимость значительно сокращать текст перевода ограничивает действия переводчика еще больше. При наличии нескольких эквивалентов фразеологической единицы, выиграет та, которая короче. Для закадрового перевода таких ограничений меньше – необходимо вложиться в отрезок времени, за который актер произносит фразу в оригинале.

Переводчик обязательно должен понимать, на какую аудиторию рассчитан перевод – среднестатистического зрителя или специальную группу зрителей (дети, пожилые люди, зрители с ограниченными зрительными, слуховыми или ментальными возможностями и др.). Здесь важно учитывать, что в тезаурусе некоторых категорий зрителей может не быть той или иной лексики или же скорость чтения субтитров и восприятия информации намного меньше, чем у среднестатистического зрителя. Приступая к переводу аудиовизуального продукта, переводчику необходимо создать проект или портрет целевой аудитории, чтобы понимать, что нужно зрителю.

Проанализированные нами фразеологические единицы с компонентом зоонимом были отобраны из англоязычных фильмов, мультфильмов и сериалов с закадровым переводом на русском и украинском языках. Именно такой тип аудиовизуального перевода позволил переводчикам выбрать разные подходы к передаче исследуемых единиц.

Приведем примеры использования фразеологического эквивалента: англ. *one wouldn't hurt a fly* – укр. *і мухи не скривдять*, рус. *и мухи не обидит* (The Simpsons); англ. *a lone wolf* – укр. самотній вовк, рус. одинокий волк (Friends); англ. *to take the bull by the horns* – укр. взяти бика за роги, рус. взять быка за рога (Cougar Town).

При переводе следующих фразеологических единиц были использованы фразеологические аналогии: англ. *the world is your oyster* – укр. весь світ у твоїх ніг, рус. весь мир у твоих ног (Last Action Hero); англ. *gentle as a lamb* – укр. лагідний як ягня, рус. кроткий как ягненок (The king of the hill); англ. *to flog a dead horse* – укр. тягти kota за хвіст, рус. тянуть kota за хвост (The Ladykillers).

Калькирование было применено в следующих примерах: англ. *to hold your horses* – укр. притримай коней, рус. попридержи коней (The Simpsons); англ. *when pigs fly* – укр. коли полетять свині, рус. когда свиньи полетят (The Simpsons); англ. *to have a memory like an elephant* – укр. пам'ять як у слона, рус. память как у слона (The Simpsons).

Также нами были выявлены случаи использования описательного перевода: англ. *to wolf down* – укр. їсти, рус. давиться (The Simpsons); англ. *dog my cats* – укр. не вірю своїм очам, рус. ты смотри! (The Simpsons).

Важно отметить, что не всегда выбранные переводчиками способы передачи фразеологических единиц с компонентом зоонимом совпадают в украинском и русском языке: англ. *monkey*

business – укр. цирк якийсь (аналог), рус. что-то мартышничает (описательный способ) (*The Simpsons*); англ. *lion's share* – укр. левова частка (калькирование), рус. большая часть (описательный способ) (*The Simpsons*); англ. *an eagle-eye view* – укр. видно все (описательный способ), рус. с высоты птичьего полёта (аналог) (*The Simpsons*).

Иногда переводчики прибегают к опущению фразеологической единицы. Для закадрового перевода такой подход не свойственен, кроме тех случаев, когда переводчик не видит в оригинале фразеологическую единицу, воспринимая ее как свободное словосочетание. Нами был выявлен один случай опущения фразеологической единицы: англ. *queen bee* в русскоязычной версии мультфильма *The Simpsons* отсутствует. Отметим, что в ситуации субтитрирования и дубляжа опущение может встречаться чаще в связи с наличием ограничивающих факторов. Однако опускать можно только те единицы, которые не несут серьезной смысловой нагрузки в переводимом продукте.

Перевод фразеологических единиц в целом, и в аудиовизуальном дискурсе в частности, требует от переводчика, кроме высокого уровня владения иностранным и родным языком, наличия обширных фоновых знаний, также серьезного предварительного анализа переводимого продукта, знания требований и ограничивающих факторов каждого типа аудиовизуального перевода, знания целевой аудитории. Перспективным считаем рассмотрение способов передачи фразеологических единиц при дубляже и субтитрировании с учетом различных групп реципиентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермолович, Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – М. : Р. Валент, 2001. – 200 с.
2. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение : учебное пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2002. – 424 с.
3. Куражова, И. В. Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре : 10.02.04 «Германские языки» : автореф. ... дис канд. филол. наук / Куражова Ирина Владимировна. – Иваново, 2007. – 25 с.
4. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 199 с.
5. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 2007. – 365 с.
6. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Высшая школа, 2000. – 259 с.

7. Черникова, Е. М. Зоонимы и орнитонимы в составе фразеологизмов как способ отражения лингвокультурной информации (на материале французского и итальянского газетного текста) / Е. М. Черникова, Н. В. Шатрович // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2010. – № 21. – С. 4650.

АННОТАЦИЯ

Вострецова В. А. Функционирование фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в английском, русском и украинском языках и трудности их передачи в аудиовизуальном переводе

В данной статье рассматриваются фразеологические единицы с компонентом зоонимом в английском, русском и украинском языках на основе словарных статей и аудиовизуального дискурса. Автор выявляет структурно-семантические типы и источники происхождения анализируемых фразеологических единиц, выделяет группы зоонимов-компонентов фразеологических единиц, а также частотные зоонимы; описывает основные способы перевода фразеологических единиц с компонентом-зоонимом на русский и украинский языки.

Ключевые слова: фразеологическая единица, зооним, коннотация, перевод, аудиовизуальный дискурс.

SUMMARY

Vostretsova V. A. Functioning of phraseological units with zoonymic components in English, Russian and Ukrainian and difficulties of their rendering in audiovisual translation

The article considers phraseological units with zoonymic components in English, Russian and Ukrainian on the basis of vocabulary entries and audiovisual discourse. The author identifies structure semantic types and sources of origin of the phraseological units analysed; differentiates groups of zoonymic components and the most frequently used zoonyms; describes the main ways of rendering phraseological units with zoonymic components into Russian and Ukrainian.

Key words: phraseological unit, zoonym, connotation, translation, audiovisual discourse.

*Ю.Л. Дмитриева
(г. Горловка, ДНР),
О.Ю. Гореславская
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.161.1

ОБРАЗ ГОРЛОВКИ И ЕЕ ЖИТЕЛЯ В МАССМЕДИА: ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Образ неоднократно становился предметом исследовательского интереса учёных разных отраслей знания. В философии он рассматривается как одно из основных понятий теории познания, характеризующее результат отражательной (познавательной) деятельности субъекта. В математике образ – математический объект, интерпретируемый как результат преобразования другого математического объекта, который для первого служит прообразом. В материалистической гносеологии понятие «образа» является фундаментальной категорией. Оно употребляется по отношению к видам чувств отражения и категориям абстрактного мышления и рассматривается как сложное единство объективного и субъективного. Образ объективен по своему источнику – отражаемому объекту, и субъективен по способу (форме) своего существования.

В лингвистических исследованиях начала XXI в. предпринимаются попытки системного описания функционирования понятия «образ». Исследователи выделяют несколько подходов к интерпретации образа. Во-первых, его рассматривают как способ структурирования семантического континуума («способ квантования когнитивного пространства», по А. Н. Баранову и Ю. Н. Караулову) и результат отражения реалии в языке и сознании. При таком определении образ рассматривается как совокупность признаков реалии (в виде эмпирического, чувственно-наглядного представления и/или понятийного конструкта), которые во всем многообразии эксплицируются лексическими средствами.

Во-вторых, образ трактуется как способ структурирования словаря, отражающий деятельностно-практический аспект освоения действительности. Единицей лексико-семантической системы выступает, согласно концепциям ученых, ассоциативно-семантическое поле, под которым принято понимать лексическое множество, служащее средством номинации реалии во всем многообразии ее свойств и типовых связей.

В-третьих, образ представляет собой единицу, воспроизводимую в процессе метафорообразования.

Следовательно, он рассматривается и как единица структурирования языкового метафорического массива, и как объект анализа образной системы языка.

В ряде исследований образ совмещает несколько трактований. Например, Е. А. Юрина предлагает разграничивать образ¹, т.е. первичный чувственный образ, и образ² – вторичный ассоциативный (метафорический) образ. Лингвист отмечает, что такое разграничение обусловлено традицией рассмотрения образа в философии и психологии, а также двуплановостью его категориального содержания.

Целью работы является выявление и описание средств вербализации образа Горловки и ее жителя в текстах массмедиа.

Отметим, что рассмотрению языковых образов посвящены работы Н.Ф. Алефиренко, Б.М. Гаспарова, В.В. Красных, В.Н. Телия, И.А. Стернина, З.Д. Поповой, Е.А. Юриной, Н.А. Илюхиной, М.Я. Розенфельд и др. Учёные квалифицируют языковой образ и как категорию языкового сознания, и компонент семантической структуры слова, и как часть более сложной ментальной единицы – концепта.

Исследователи отмечают, что языковой образ проходит несколько этапов формирования. Первый этап связан с восприятием основных параметров объекта и их фиксацией в сознании. Образы на этом этапе предлагается называть перцептивными. Это «вербализованное зрительное восприятие предметного мира, фиксирующее форму, цвет, свет, объём и положение в пространстве поименованного предмета» [1, с. 115]. Второй этап предполагает формирование сложных структур, которые в лингвистической литературе определяются как метафорические образы. Е.А. Юрина называет такие образы «образами воображения» и указывает, что они возникают «в процессуальном творческом мышлении. В основе которого лежат симулятивные процессы – поиск аналогии между познаваемыми явлениями и их уподобление» [7, с. 16].

Исследователь отмечает, что в лингвистике в связи с категорией образности выделяют два типа образов: чувственные (перцептивные) и вторичные (ассоциативные) образы. Первые формируются в процессе восприятия органами чувств человека окружающего мира. «Очевидно, – пишет исследователь, – что носителями перцептивных первичных образов в лексической системе языка являются предметные имена существительные, качественные имена прилагательные, обозначающие физические свойства объектов, и глаголы конкретного физического действия в своих первичных значениях обозначающие соответственно конкретные предметы и чувственно воспринимаемые их

статичные и динамичные свойства» [7, с. 14]. Так, образ Горловки актуализируется в сознании людей, прежде всего, топонимом Горловка, который обобщает совокупность основных признаков анализируемого образа в сознании индивидуума и/или социума. Отметим, что в толковом словаре русского языка данная лексема не зафиксирована, однако она указана в труде Е. С. Отина «Происхождение географических названий Донбасса»: «В 1871 году под руководством инженера П.Н. Горлова началось строительство рудника «Корсуньская копь №1». Возле рудника образовался рабочий посёлок, положивший начало городу» [5, с. 48]. В новостных текстах данный вербальный знак употребляется для наименования города, а его производные – указания на принадлежность к населенному пункту, отнесенность к нему. Ср.: *18 мая Международный день музеев и День рождения П.Н. Горлова. К этому дню музеи города Горловки проведут прямые трансляции*[3]; В пятницу, 15 мая, на базе муниципального предприятия «Спорт, культура и здоровье» состоялось награждение удостоверениями Министерства молодежи, спорта и туризма ДНР горловских боксёров ДЮСШ №3 и РШ «Динамо»[3]; Онлайн-передача Горловского городского театра кукол «Зайкина лужайка»[3]; Открыла мероприятие заведующая методическим кабинетом при управлении образования администрации города Горловки Елена Евгеньевна Панченко, которая поприветствовала участников и пожелала им плодотворной работы [4]; Как и обычно, пестрили разнообразием своих товаров горловские супермаркеты[4]; В постоянной экспозиции Горловского художественного музея представлен «Женский портрет» (1820 г.) кисти Венецианова[4].

В данных примерах актуализирован не только образ конкретного города (лексические единицы город, Горловка, Горловский городской театр, горловский супермаркет, Горловский художественный музей), но и образ жителя рассматриваемого населенного пункта (вербальные знаки горловский боксёр, заведующая методическим кабинетом при управлении образования администрации города горловки).

В языковом опыте носителей русского языка образ жителя города вербализован, прежде всего, лексемой, с корнем-топонимом и суффиксом -анин-. В данном случае – вербальным знаком горловчанин, значение которой выводим из корня, называющего место жительства (горловч-) и суффикса -анин-, указывающего на лицо, проживающее в данном месте. Ср.: *15 мая выдающиеся горловчане получили заслуженные награды и благодарности от имени Главы ДНР по случаю празднования Дня Республики*[3]; В ответ горловчане лишь

улыбались, пожимали плечами, продолжая насыпать гречневую крупу[4]. Отметим, что у известного публициста г. Горловки Егора Воронова есть книга «Быть горловчанином», в названии которой также объективирован образ жителя г. Горловки. Использование инфинитива быть, который в языковом опыте социума употребляется в значении «существовать, происходить, случаться» [6], квалифицируем как указание на особенности горловчан, их отличие от других горожан.

Отметим, что рассматриваемые лексемы объективируют представление о конкретном городе и его жителях. Однако в новостных текстах анализируемые образы объективируются также языковыми знаками, которые вне контекста могут эксплицировать представление о каком-либо населенном пункте или о человеке вообще. Так, в выделенных примерах апелитив город функционирует в языковом опыте этноса в значении «крупный населенный пункт, административный, промышленный, торговый и культурный центр» [5]. Однако в контексте данный вербальный знак указывает на конкретный город, т.е. рассматривается нами как средство объективации образа Горловки. Например: Мы продолжаем вспоминать о памятных местах нашего города, *посвященных событиям Великой Отечественной войны*[4]; В довоенное время, как и сейчас, Горловка славилась своими спортсменами, которые защищали честь города на областных, республиканских, всесоюзных и международных соревнованиях[4]; Настроение чудесное, город блестит чистотой, радуют глаз клумбы с цветами, отовсюду музыка, музыка, музыка[4].

Кроме того, рассматриваемый образ вербализуется в новостных текстах «Кочегарки ДНР» и информационного портала «Горловка News» агоронимами площадь Ленина, площадь Победы, площадь им. П. Н. Горлова, годонимами улица Таганрогский пост, улица Транспортная, улица Крайняя, улица Высоковольная, улица Брусилова, эргонимами КСКЦ «Стирол», ГОУ ВПО «ГИИЯ», Центральная библиотека им. Шевченко и др. Ср.: На площади Ленина для всех присутствующих с патриотическими номерами выступили творческие коллективы Горловки [4]; Празднование традиционно началось с торжественного шествия, стартовавшего с площади Победы[4]; С утра, на площади им. П.Н. Горлова появилась точная копия танка Т-60, над которым в течение года трудились горловчане Андрей Костюк и Алексей Гаврильцов[3]; Горловский РЭС сообщает, что в связи с проведением ремонтных работ, 8 мая, с 20:00 до 00:00 (на 40 минут) будет отсутствовать подача электроснабжения в частном секторе поселка Кочегарка и по улицам Таганрогский пост; Транспортная; Крайняя;

Высоковольтная[3]; Существует на карте нашего города улица Брусилова – когда-то многолюдная, цветущая и счастливая, с плодородной землей и отовсюду раздающимся звонким смехом[4]; *15 октября уютный и просторный зал КСКЦ «Стирол»* едва ли смог разместить всех желающих разделить с инязом это радостное событие[4]; В канун празднования Дня Великой Победы ГОУ ВПО «ГИИЯ» подготовили комплекс мероприятий, приуроченных 75-летию Дня Победы [3]; Читальный зал Центральной библиотеки им. Шевченко собрал ценителей живого слова[4].

Ученые, рассматривая образ, отмечают, что он представлен обширным кругом средств воплощения: одни способны к прямой его экспликации (базовые лексемы Горловка, горловчанин и производное горловский, их синонимы), другие – к метонимической – через его части (улица, площадь, библиотека и под.), действия, состояния, и др.

Кроме того, аксиоматичен тезис о том, что образ не функционирует в сознании человека как нечто обособленное, он является частью картины мира индивидуума. Согласно Н.Ф. Алефиренко, будучи включённым в речемыслительную деятельность языковой образ взаимодействует с другими образами. Это обеспечивается таким свойством образа как пластичностью, т.е. «способностью к возможным перевоплощениям» [2, с. 269]. Например, образ Горловки тесно связан с образом ее жителя – горловчанина. Так, в предложении В начале мероприятия слово было предоставлено первому заместителю главы городской администрации Павлу Калиниченко, *который поздравил* коллектив медицинского учреждения от имени градоначальника Ивана Приходько, *отметив, что* люди, *ежедневно стоящие на страже* человеческих жизней, достойны почета и уважения [4] образ горловчанина выражен названиями лица по роду деятельности (первый заместитель главы городской администрации, градоначальник), лексемами люди, человеческий, коллектив. В тексте Сегодня в эксклюзивном интервью нам удалось узнать интересные факты создания музыкальной эстафеты «Песни, опалённые войной». Беседовала с нами преподаватель-методист школы искусств №1 г. Горловки Сергиенко Наталья Вадимовна[3] образ горловчанина объективирован падежной формой местоимения мы и вербальным знаком преподаватель-методист, который называет жителя населенного пункта по роду деятельности. Отметим, что образ города вербализован в названии учреждения культуры (школа искусств №1 г. Горловки). Наконец, в примере У жителя Горловки стражи порядка изъяли 2 гранаты с запалами[3] образ

горловчанина эксплицирован словосочетанием житель Горловки. В данном примере стражи порядка также квалифицируем как номинирование горловчан по роду деятельности. Следовательно, данные вербальные знаки объективируют образ жителя города.

Итак, образы города и его жителя тесно связаны между собой. Они взаимодействуют друг с другом. Образ города вербализован названием Горловка, наименованиями внутригородских объектов (площадь Ленина, площадь Победы, площадь им. П. Н. Горлова, улица Таганрогский пост, улица Транспортная, улица Крайняя, улица Высоковольтная, улица Брусилова, КСКЦ «Стирол», Горловский институт, Центральная библиотека им. Шевченко). Образ горловчанина вербализован как лексемой горловчанин, так и словами, называющими человека по роду деятельности. Однако в работе образы города и его жителя описаны не полно, что определяет перспективу дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Флинта, 2010. – 288 с.
2. Гаспаров, Б.М. Лингвистика языкового существования. Язык, память, образ / Б.М. Гаспаров. – М. : «Новое литературное обозрение», 1996. – 352 с.
3. Информационный портал Донецкой Народной Республики «Горловка News» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gorlovka-news.su> (дата обращения : 17.05.2020 г.).
4. Кочерапка ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gazeta-dnr.ru/category/gazety/kochegarka_dnr/ (дата обращения : 17.05.2020 г.).
5. Отин, Е.С. Происхождение географических названий Донбасса / Е.С. Отин. – Донецк: Юго-Восток, 2014. – 199 с.
6. Словарь русского языка : в 4-х т. [Электронный ресурс] ; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1999. – Режим доступа к словарю : <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения : 17.05.2020 г.).
7. Юрина, Е.А. Образный строй русского языка / Е.А. Юрина. – Томск, 2005. – 204 с.

АННОТАЦИЯ

Дмитриева Ю. Л., Гореславская О. Ю. Образ Горловки и ее жителя в масс-медиа: лингвокраеведческий аспект

В статье дано определение понятию «образ», сформулированы основные его черты как категории языкового сознания индивидуума и/или социума. Авторами выявлены и проанализированы лексические средства объективации как

образа Горловки, так и образа горловчанина. Данные образы тесно связаны друг с другом. В работе сделан вывод о том, что описанные языковые единицы актуализируют рассматриваемые образы лишь в контексте, вне его они могут эксплицировать образ любого населенного пункта и образ человека вообще.

Ключевые слова: образ, топоним, когнитивный признак, категория языкового сознания.

SUMMARY

Dmutrieva J. L., Goreslavskaya O. Y. The image of Gorlovka and its resident in mass media: lingo-local study aspect

The article defines the concept of image, formulates its main features as a category of linguistic consciousness of the individual and society. The authors identified and analyzed the lexical means of objectification of both the image of Gorlovka and its resident. These images are closely related to each other. In the work, it was concluded that the described language units actualize the images in question only in context; outside of it they can explicate the image of any settlement and the image of a person in general.

Key words: image, toponym, cognitive feature, category of linguistic consciousness.

*Ю.Л. Дмитриева
(г. Горловка, ДНР),
Д.Н. Царанова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.161.1

СРЕДСТВА ЭКСПЛЕКАЦИИ КОНЦЕПТА 'МУЗЕЙ' (НА МАТЕРИАЛЕ САЙТА МУЗЕЯ МИНИАТЮРНОЙ КНИГИ ИМЕНИ В.А. РАЗУМОВА)

Для обозначения ментальной единицы со сложной структурой, содержащей большой объем невербального и вербального знания был введен в научный обиход термин концепт. Структура концепта трехчленна: в ней выделяют понятийный, образный и ценностный компоненты. В отечественном языкознании **весомый вклад в разработку вопросов, связанных с темой исследования, внесли** Н.Ф. Алефиренко, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, М. В. Пименова, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин и др. Используя теоретические наработки, авторы описывают концепты конкретных и абстрактных феноменов, базовые концепты

культур, осуществляют попытки сравнить функционирование концептов, вербализованных одной словоформой, в разных лингвокультурах. Поскольку анализ средств вербализации концепта 'МУЗЕЙ' на материале сайта Музея миниатюрной книги имени В.А. Разумова ранее не проводился, это обуславливает актуальность нашей работы.

Объектом изучения в данном исследовании выступает концепт 'МУЗЕЙ', предметом – средства его вербализации. Материал исследования составляют тексты официального сайта Музея миниатюрной книги имени В.А. Разумова.

Целью работы является анализ вербальных знаков, эксплицирующих концепт 'МУЗЕЙ', а также выделение и описание его понятийного, образного и ценностного компонентов.

Под понятийным компонентом мы понимаем совокупность познанных существенных признаков объекта. Сумма данных признаков позволяет классифицировать феномен реального мира и отличать его от других. В.В. Колесов, М.В. Пименова и др. отмечают, что понятийный компонент может быть зафиксирован в словарной статье ключевого слова и слов, входящих с ним в синонимические и антонимические ряды [3, с. 38].

В языковом опыте носителей русского языка за словом музей закреплено следующее значение: «это учреждение, занимающееся собиранием, хранением и выставкой для обозрения памятников истории, искусства, научных коллекций и т.п.» [2]. Так, в толковании лексемы музей отображены такие признаки рассматриваемого компонента: «учреждение» и «аккумулировать и выставлять памятники материальной культуры».

Лексема учреждение употребляется в современном русском языке для обозначения «общественной или государственной организации с определенным штатом служащих и администрацией, ведающей какой-нибудь областью управления, хозяйства, торговли, научной или учебной работы и т.п.» [2]. Отметим, что на сайте музея признак «учреждение» объективирован следующими языковыми единицами: о музее, режим работы, услуги, контакты, администрация музея, сотрудники музея и т.д.

Названия пунктов меню сайта виртуальный тур, книжная акция, государственные закупки, видео вербализуют второй признак рассматриваемого компонента. Так, перейдя в раздел виртуальный тур, посетитель может увидеть представляемые музеем экспонаты, т.е. памятники материальной и духовной культуры. Отметим, что словесное описание отсутствует, соответственно, данная рубрика ориентирована на формирование зрительного образа содержимого музея. Напротив, в разделе видео размещены новостные репортажи о мероприятиях,

проводимых в музее: изображения сопровождаются вербальными комментариями. Анализ средств объективации рассматриваемого концепта в данном разделе составляет перспективу наших дальнейших исследований.

Словосочетание книжная акция эксплицирует представление о «действии, предпринимаемом для достижения какой-либо цели» [2]. Данный раздел содержит информацию опровержимых музеем как государственным учреждением мероприятий, объективированных вербальными знаками неупиваемая чаша, сувениры от коллег из Луганска, книги и космос, акция и т.д. Ср.: В 2018-2019 гг. в музее миниатюрной книги им. В.А. Разумова проводилась акция «Сокровища книжного Эльдорадо-2», которая была направлена на пополнение музейных фондов, *повышение интереса жителей города* к миниатюрным изданиям и чтению, а также привлечение новых посетителей [5]; В День книгодарения состоялось открытие новой экспозиции «Сокровища книжного Эльдорадо-2» [Там же] и т.д. Отметим, что название книжной акции рассматриваем как интеркультуре, поскольку лексема Эльдорадо актуализирует в сознании носителей русской лингвокультуры информацию о «сказочной стране золота и драгоценных камней, которую разыскивали в Америке первые испанские завоеватели» [4, с. 918]. В современном русском языке в переносном значении этот вербальный знак функционирует для обозначения «сказочных богатств и чудес».

Кроме того, введение данного слова в строку запроса поисковой системы Google позволяет выявить еще одно значение, зафиксированное в опыте русского этноса. Рассматриваемое слово номинирует сеть магазинов бытовой техники и электроники (см.: <https://www.google.com.ua/search?client=opera&q=эльдорадо&sourceid=opera&ie=UTF-8&oe=UTF-8>).

Отметим, что в статье «Сокровища книжного Эльдорадо-2» анализируемая лексема эксплицирует как название акции, проводимой музеем миниатюрной книги, так саму экспозицию. Также с помощью данного имени существительного объективирован ценностный компонент концепта 'МУЗЕЙ'. Рассматриваемый вербальный знак указывает на оценку сформированной в результате акции экспозиции сотрудниками музея (автор статьи – научный сотрудник Е.А. Самонов), а также формирует положительный образ самого учреждения у читателей сайта.

Понятийный компонент конкретизируется и в описании музея: Музей миниатюрной книги имени В.А. Разумова – *единственный* государственный музей подобного профиля на территории СНГ. Он хранит в своих стенах одну из крупнейших коллекций

миниатюрных изданий, ставшей той притягательной силой, которая привлекает многочисленных посетителей не только из Горловки, но и со всего мира [5].

Следовательно, рассматриваемый компонент концепта 'МУЗЕЙ' зафиксирован как в словарной статье ключевого слова, так и в названиях пунктов меню (разделов) сайта Музея миниатюрной книги имени В.А. Разумова с помощью вербальных знаков, эксплицирующих признаки «учреждение» и «аккумулировать и выставлять памятники материальной культуры».

Отметим, что исследователи указывают на фиксацию в лексическом значении ключевого слова концепта и образного компонента. Вслед за В.В. Колесовым интерпретируем образ как «отношение слова (знака) к идее, то есть воображаемый предмет на уровне сознания, представленный во всей полноте признаков» [3, с. 38]. Так, в названии Музея миниатюрной книги имени В.А. Разумова данный компонент объективирован прилагательным миниатюрный, которое указывает на размер экспонатов, представленных в музее, и существительным книга, называющим предметы хранения. Ср.: «Миниатюрный – соотносящийся по значению с существительным: миниатюра, связанный с ним» [2]; «Книга – печатное издание (в старину – также рукопись) в виде сброшюрованных, переплетенных вместе листов с каким-либо текстом» [2].

В число базовых признаков образного компонента концепта 'МУЗЕЙ' относим следующие: «внутренняя атмосфера» и «ресурсы».

Признак «внутренняя атмосфера» объективируется вербальными знаками наибольшая коллекция, притягательная сила, занимать особое место, старинные книги, сказочное чаепитие, искренняя благодарность, дружественная и праздничная. Ср.: Он хранит в своих стенах одну из крупнейших коллекций миниатюрных изданий, ставшей той притягательной силой, *которая привлекает многочисленных посетителей не только из Горловки, но и со всего мира* [5]; Особое место в микс-экспозиции «Вечная мудрость духовных книг» занимают старинные книги [Там же]; *В честь именин Мухи-Цокотухи в музее миниатюрной книги им. В.А. Разумова в рамках Года русского языка прошло сказочное чаепитие* «Нынче Муха-Цокотуха именинница» [Там же]; *Музей выражает* искреннюю благодарность всем, кто принял участие в подготовке и проведении юбилейного фестиваля, который прошёл в праздничной и дружественной атмосфере для всех присутствовавших [Там же].

Кроме того, рассматриваемый признак эксплицируется такими единицами языка, как коллектив, сотрудники музея, учащиеся, школьники, посетители музея. Ср.: В дружном коллективе и работа кипит и отдыш активен [5]; *Сезон субботников был открыт сотрудниками музея миниатюрной книги* им. В.А. Разумова [Там же]; *В ходе мероприятия* учащиеся и их педагоги узнали о не гаснущей звезде Сергея Есенина, малоизвестные факты из жизни и творчества великого русского поэта Серебряного Века [Там же]; *Одним из организаторов досуга* школьников является Музей миниатюрной книги имени В.А. Разумова, где на протяжении недели действовала развлекательно-образовательная программа [Там же]; *В настоящее время связь с Николаем Владимировичем все так же поддерживается*, а посетители музея имеют возможность любоваться все новыми и новыми творениями в микроминиатюре [Там же].

Признак «ресурсы», указывающий на «источник» [2] функционирования музея, выражен с помощью словоформ при поддержке, при участии, благодаря помощи и словосочетанием меценаты города. Ср.: В 2014 г. музей был участником в минигранте при поддержке Благотворительного Международного фонда «Возрождение» [5]; *В ходе мастер-класса* при участии ГОО «Горловские Самоцветы» учащиеся создали свой собственный символ мира в виде белого голубя [Там же]; *Книга* издана благодаря помощи меценатов города, а ее содержание ценно еще и тем, что большинство отзывов и пожеланий написаны в стихах [Там же]. Кроме того, каждая статья исследуемого нами сайта сопровождается ярким, красочным изображением, которое также ориентировано на формирование зрительного образа.

Итак, образный компонент анализируемого концепта объективирован в названии учреждения, в текстах сайта лексическими и грамматическими единицами языка, а также с помощью изображений.

При описании средств вербализации компонентов концепта 'МУЗЕЙ' нами выявлены языковые единицы, репрезентирующие лингвокраеведческую специфику его содержания. Это слова и словосочетания, называющие место расположения музея, имя человека, в честь которого он назван, а также его посетителей. Так, в предложениях Музей миниатюрной книги носит имя человека, чья жизнь и судьба неразрывно связаны с нашим городом и Донецкой областью – Вениамина Александровича Разумова [5]; *В.А. Разумов – почетный гражданин* г. Горловки; *Музей миниатюрной книги был основан в 1996 г. в частном доме* коллекционера В.А. Разумова, *в честь которого и был назван* [Там

же]; *В 2001 г. по его завещанию коллекция, которая насчитывала 7008 экспонатов, была передана* городу и получила статус городского музея [Там же] лингвокраеведческая специфика содержания рассматриваемого концепта эксплицирована именами существительными город, Горловка, коллекционер, В.А. Разумов и именами прилагательными Донецкий, городской. Указанные языковые единицы объективируют как образный (вербализация признака «место расположения»), так и понятийный (экспликация признака «учреждение») компоненты. Отметим, что словоформы коллекционер, экспонаты, коллекция квалифицируются нами как репрезентанты понятийного компонента концепта 'МУЗЕЙ'.

Номинации посетителей учреждения входят в тематическую группу «Название лиц по роду деятельности». Ср.: Особое внимание музей уделяет научно-образовательной работе с дошкольной, школьной и студенческой аудиторией, позиционируя себя при этом как культурно-досуговый, литературный центр [5]; *В подготовке выставки приняли участие* члены творческой организации «Горловские Самоцветы» клуба по интересам ДК «Шахтёр» «Русская Мозаика» и «Горлица», муниципального учреждения дополнительного образования г. Горловки «Центр детского творчества Калининского района» мастерская «Марья-искусница», которые предоставили свои прекрасные композиции на тему сказок Чуковского, выполненные из бисера, бумажной лозы, фетра, вязанные крючком [Там же]; *Музей миниатюрной книги имени В.А. Разумова напоминает* ребятам, их родителям и педагогам о том, что во время осенних каникул действует программа «Поэтическая осень заглянуть в музей Вас просит», в которой представлены литературно-тематические мероприятия для разной возрастной аудитории [Там же]. Отметим, что лингвокраеведческая специфика содержания концепта репрезентирована в приведенных примерах номинациями учреждений города Горловки («Горловские Самоцветы», ДК «Шахтёр», «Русская Мозаика», «Горлица», «Центр детского творчества Калининского района»).

Наконец, ценностный компонент концепта 'МУЗЕЙ', о котором уже упоминалось выше, эксплицирован следующими языковыми единицами почетный гражданин, единственный музей, огромное количество миниатюрных книг и т.д. Ср.: В.А. Разумов – почетный гражданин г. Горловки [5]; *Музей миниатюрной книги имени В.А. Разумова – единственный* государственный музей подобного профиля на территории СНГ [Там же]; *В коллекции Музея миниатюрной книги имени В.А. Разумова* огромное количество миниатюрных книг, *разнообразных по исполнению, содержанию и тематической*

направленности [Там же]. Приведенные вербальные знаки выражают положительную оценку, а их использование направлено на формирование позитивного имиджа учреждения и привлечения новой аудитории.

Следовательно, в структуре исследуемого нами концепта 'МУЗЕЙ' выделены понятийный, образный и ценностный компоненты, которые эксплицируются в текстах официального сайта Музея миниатюрной книги имени В.А. Разумова с помощью лексических и грамматических средств. В понятийный компонент входят признаки «учреждение» и «аккумулировать и выставлять памятники материальной культуры», которые объективированы названиями разделов меню сайта (о музее, режим работы, услуги, контакты и др.). Образный компонент рассматриваемого концепта включает базовые признаки «внутренняя атмосфера» и «ресурсы» (притягательная сила, занимать особое место, старинные книги, дружественная и праздничная, при поддержке, при участии, благодаря помощи, меценаты города). Ценностный компонент репрезентирован словами, передающими положительную оценку (почетный гражданин, единственный музей, огромное количество миниатюрных книг и т.д.).

Кроме того, нами были выделены и проанализированы языковые знаки, объективирующие лингвокраеведческую специфику содержания рассматриваемого концепта. Однако данное описание не является исчерпывающим, что обуславливает дальнейшие исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демьянков, В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры / В. З. Демьянков // Язык как материя смысла : Сб. ст. в честь академика Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. М. В. Ляпон. – М.: Издат. центр «Азбуковник», 2007. – С. 606 – 622.
2. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз., 2000. – Сайт : электронный. – URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 18.04.2020).
3. Колесов, В. В. Концептология: учеб. пособие / В. В. Колесов, М. В. Пименова ; Кемеровский гос. ун-т. – Кемерово, 2012. – 248 с.
4. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М.: Эксмо, 2006. – 944 с.
5. Музей миниатюрной книги имени В.А. Разумова. – Сайт : электронный. – URL: <https://mmk.ucoz.org/> (дата обращения: 18.04.2020).

АННОТАЦИЯ

Дмитриева Ю. Л., Царанова Д. Н. Средства экспликации концепта 'МУЗЕЙ' (на материале сайта Музея миниатюрной книги имени В.А. Разумова)

В работе рассматриваются компоненты концепта 'МУЗЕЙ'. Описываются средства его вербализации. Автор выделяет базовые признаки, входящие в каждый из компонентов структуры концепта и репрезентированные языковыми знаками в текстах официального сайта Музея миниатюрной книги имени В.А. Разумова. Также в работе акцентируется внимание на словах, объективирующих лингвокраеведческую специфику содержания рассматриваемого концепта.

Ключевые слова: концепт, понятие, образ, ценностный компонент, средства вербализации

SUMMARY

Dmitrieva J. L., Tsaranova D. N. Means of explication of the concept 'MUSEUM' (based on the website of the Museum of miniature books named after V. A. Razumov)

The paper considers the components of the concept 'MUSEUM'. The means of its verbalization are described. The author identifies the basic features included in each of the components of the concept structure and is represented by language signs in the texts of the official website of the Museum of miniature books named after V. A. Razumov. The paper also focuses on words that objectify the linguistic and local history specifics of the content of the concept under consideration.

Key words: concept, image, value component, means of verbalization.

*Н. А. Жихарева
(г. Горловка, ДНР),
А.Р. Емельяненко
(г. Макеевка, ДНР)*

УДК 81'367.32

КОММУНИКАТИВНАЯ ОШИБКА КАК ПРИЧИНА ВОЗНИКНОВЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ

Коммуникация является одной из основных потребностей человека, который, в свою очередь, является частью социума. Посредством навыка коммуникации индивид не только передает важную информацию, но и выражает свои чувства, эмоции, мысли.

Для более полного понимания процесса коммуникации обратимся к Е. А. Пекарской, которая выделяет следующие характерные для данного понятия черты, а именно «осуществляется как минимум двумя собеседниками. Реципрокность общения – наличие говорящего и слушающего, постоянно чередующих в диалоге свои позиции, вытекает из его сущности – служить обмену информацией» [5, с. 170].

Часто наблюдается отождествление таких понятий как «коммуникация» и «общение». Однако стоит отметить, что с точки зрения лингвистики данная тенденция не является полностью верной. Не представляется необходимым отрицать тот факт, что у рассматриваемых нами понятий есть смежные черты, такие как: речевая направленность, наличие двух и более участников речевого взаимодействия, наличие речевых ролей (адресанта и адресата речи), характерна реализация в виде диалога с попеременной сменой коммуникативных ролей и т.п. Но, вместе с тем, имеется и существенное отличие. А. К. Борзунова указывает на то, что «проводится различие между понятиями общение и коммуникация. Общение как сложная система взаимодействия двух и более людей рассматривается как субъектно-субъектное отношение. Коммуникация же определяется как один из видов всеобщей связи – так называемая направленная связь. В сущности, это передача чего-либо (в том числе и информации) от одних явлений, предметов и т.д. к другим. И в этом смысле коммуникация предстаёт как субъектно-объектное отношение» [1, с. 80].

Коммуникация между ее участниками реализуется посредством реализации речевых актов, которые являются минимальными единицами речевого взаимодействия.

Понятие речевого акта было введено Дж. Остином [6] в рамках разработанной им теории речевых актов. Согласно данной теории, коммуникация реализуется посредством речевого акта, который по своему объему приравнивается к предложению. По своей структуре речевой акт представляет собой многоуровневое образование, где традиционно вычленяют такие его структурные компоненты как локуция, иллокуция и перлокуция.

Что касается локуции, то она является непосредственно тем, что произносит адресант речи. Другими словами, локуция представляет собой план выражения речевого акта или его материальное воплощение.

В свою очередь иллокуция несет на себе смысловую нагрузку речевого акта, то есть является тем, что вкладывает в речевой акт адресант, что он непосредственно хочет донести до адресата речи.

Перлокуция же представляет собой тот эффект, который окажет на адресата речевой акт. Сюда можно отнести изменения в поведении, мыслях, планах, системе ценностей и т.д. Достижение запланированного перлокутивного эффекта расценивается как коммуникативный успех адресанта речи.

Е. А. Пекарская также указывает на то, что при построении речевого акта адресант речи должен уделять особое внимание личности адресата с целью построения его таким образом, чтобы достигнуть желаемого коммуникативного эффекта, при котором преследуемая перлокутивная задача речевого акта будет достигнута. То есть, «..Речь должна быть понята и принята. Именно такая речь и добивается поставленной цели – воздействия на адресата – и может считаться эффективной. Фрустрация же приводит к коммуникативным провалам, разрушает действенность общения. Одной из причин фрустраций становится речевая агрессия» [5, с. 174].

С целью урегулирования и оптимизации коммуникативных отношений был введен так называемый «речевой этикет», который помогает человеку понять, какие речевые формы можно использовать в тех или иных коммуникативных ситуациях. А. К. Борзунова дает следующее определение данного понятия: «Речевой этикет – разработанные правила речевого поведения, система речевых формул общения» [1, с. 80]. Также стоит отметить тот факт, что Л. А. Введенская [2] указывает на то, что нормы речевого этикета являются не только ситуативно, но и личностно ориентированными.

Знание и использование речевого этикета обеими сторонами коммуникации обеспечивает достижение успеха в коммуникации. Иными словами речевой этикет помогает

коммуникантам избегать коммуникативных ошибок, которые могли бы вызвать у оппонента негативную реакцию в виде коммуникативной агрессии или конфликта. То есть «речевой этикет» можно расценивать как речевую тактику, реализуемую через коммуникативные ходы на базе речевых актов. Однако не стоит забывать также и о том факте, что в сферу данного понятия входят как лингвистические, так и экстралингвистические факторы (или вербальные и невербальные компоненты), такие как интонационный окрас, мимика, жестикация и т.д.

Проблема успешной коммуникации волнует не только ученых-лингвистов, но и людей, чье умение правильно выстраивать речевую тактику принципиально важно для их профессии, например, политиков, бизнесменов, юристов и т.п. Поэтому неоднократно предпринимались попытки разобраться в формуле построения эффективной коммуникации. Над данной проблемой также работал и П. Грайс [3], который разработал Принцип Кооперации, его максимы, среди которых количество, качество, отношение и способ, соблюдение которых давало возможность выстроить успешный ход коммуникации.

Наряду с Принципом Кооперации П. Грайса существует также и универсальный коммуникативный принцип, который получил свое обоснование в лингвистике. Данный принцип заключается в том, что предусматривает выстраивание не только коммуникативной, но и общей стратегии поведения таким образом, чтобы исключить конфликтность в общении, так как она не является нормой, но свидетельствует об отклонении от нее.

Дж. Лич [7], который также работал над проблемой успешной коммуникации, выделил в своих работах шесть максим вежливости, а именно: такт, великодушие, одобрение, скромность, согласие и симпатия. Придерживаясь данных максим, коммуниканты должны быть в состоянии построить свою речь таким образом, чтобы избежать конфликтных ситуаций.

Л. М. Михайлов подчеркивает, что «речь, претендующая на целостный (когерентный) характер с успешным решением той или иной коммуникативной задачи, должна быть подчинена определенным правилам, согласована, скоординирована, т.е. требует тесного коммуникативного сотрудничества. При этом должны учитываться цели, мотивы, задачи общения, спецификация коммуниканта и другие факторы» [1, с. 170].

Иными словами, успешность коммуникации определяется не только достижением перлокутивной цели речевого акта, но и способностью коммуникантов не прибегать к элементам агрессии и конфликтности, придерживаясь политики взаимной вежливости и уважения.

Но не всегда в коммуникации удастся добиться положительного эффекта от реализации того или иного речевого акта. Порой адресанта речи может ожидать и коммуникативная неудача, причиной которой часто становится упоминаемый нами ранее коммуникативный сбой, или коммуникативная ошибка. А. К. Борзунова дает следующую дефиницию данному понятию: «Коммуникативная неудача – это ситуация, когда участники общения не могут реализовать свои намерения или коммуникативные ожидания, а также отсутствие взаимодействия, взаимопонимания и согласия между участниками общения» [1, с. 81].

Коммуникативный сбой, как правило, происходит на уровне речевого акта, который обычно приравнивается к речевому ходу в рамках выбранной адресантом речи коммуникативной тактики. Таким образом, один неправильно интерпретированный или построенный речевой акт способен стать причиной провала всей коммуникативной тактики, которой придерживался и которую выстраивал адресант речи, а, следовательно, желаемого перлокутивного эффекта достигнуть не будет представляться возможным. Кроме того, явления данного рода становятся причиной возникновения коммуникативных конфликтов, которые, в свою очередь, тесно связаны с понятием речевой агрессии. Другими словами, коммуникативная ошибка ведет к использованию деструктивных форм общения, ярчайшим представителем которых и является речевая агрессия.

Кроме того, А. К. Борзунова отмечает тот факт, что коммуникативная неудача не может быть рассматриваема в так называемом «чистом виде». Это связано с тесным взаимодействием в рамках данного понятия правил вербального и невербального общения, этикета и т.д. Также стоит учитывать наличие так называемых «барьеров», то есть коммуникативных препятствий, которые ведут к искажению смысла сказанного.

При рассмотрении неправильного построения или интерпретации речевого акта как причину возникновения коммуникативной ошибки, стоит обратиться к такому понятию как косвенный речевой акт.

Понятие косвенного речевого акта было выделено Дж. Серлем [8] и непосредственно связано с таким уровнем речевого акта как иллокуция. Дж. Серль говорит о том, что есть прямые речевые акты и косвенные речевые акты. В структуре прямого речевого акта присутствует только одна иллокуция, которая четко выражается через локуцию. Что касается косвенного речевого акта, то здесь в структуре речевого акта будут прослеживаться две иллокуции, одна из которых является прямой и выражается

в локутивном акте, а вторая – косвенной, и будет нуждаться в распознавании и интерпретации адресатом. Косвенные речевые акты, в свою очередь, делятся по способу образования на имплицитные и полуимплицитные. Полуимплицитные косвенные речевые акты – это речевые акты, в образовании которых прослеживаются отклонения от нормы в виде использования вводных слов, модальных глаголов и т.п. Данные «отклонения» свидетельствуют о наличии в структуре речевого акта косвенной иллокуции, которую следует распознать и интерпретировать. Что касается косвенных речевых имплицитного типа, то распознать их, в их большинстве, представляется возможным только благодаря экстралингвистическим факторам, либо в контексте. Особенностью имплицитных речевых актов является то, что в структуре одного типа речевого акта может заключаться косвенная иллокуция речевого акта другого типа, например, в квесетиве может быть скрыта косвенная иллокуция директива или экспрессива и т.д. При построении имплицитных косвенных речевых актов, для достижения коммуникативного успеха, адресант речи должен особое внимание уделить личности адресата, учитывать особенности его образования, воспитания и т.п., чтобы реализуемый им имплицитный косвенный речевой акт был распознан и правильно интерпретирован.

Одна из наиболее частотных коммуникативных ошибок связана как раз с использованием косвенных речевых актов, а в особенности, имплицитных. Неправильно построенный косвенный речевой акт может оказаться коммуникативной ошибкой, которая приведет к конфликту между оппонентами и, как следствие, может стать причиной использования речевой агрессии как средства протекции. В подобной ситуации не всегда представляется возможным перестроить речевую тактику таким образом, чтобы достигнуть поставленных коммуникативных и перлокутивных целей и ликвидировать элемент агрессии.

К коммуникативной неудаче, хоть и не такой критичной, как вышеупомянутая, относится и нераспознанность косвенной иллокуции в составе речевого акта адресатом речи. В данном случае мы говорим о нереализованном коммуникативном ходе в рамках коммуникативной тактики. И хотя элемент агрессии не будет появляться в коммуникации данного типа, тем не менее, основная цель не будет реализована.

Вместе с тем, существует и обратная проблема. Адресат речи, в силу каких-либо обстоятельств, например, личного негативного опыта, может интерпретировать прямой речевой акт как косвенный, обнаружив в нем подтекст или косвенную иллокуцию, которую адресант речи включать в речевой акт не

планировал. В данном случае, как и в двух предыдущих, мы имеем дело с коммуникативной неудачей, которая также может привести к коммуникативной агрессии.

Е. А. Пекарская отмечает, что существуют два основных вида агрессии: осознанная и неосознанная. Неосознанная коммуникативная агрессия проявляется как способ эмоциональной разрядки в стрессовой ситуации или как способ общения при низком уровне коммуникативной культуры. Осознанная речевая агрессия может выступать как инструмент для достижения определенных целей, которыми могут быть как защита от вторжения в личное пространство, так и дискредитация оппонента.

Таким образом, можно говорить о том, что речевая агрессия не является только реакцией на конфликт, вызванный коммуникативной ошибкой, но и может использоваться как средство для достижения определенного рода целей. Но, несмотря на то, что при достижении поставленной цели может быть использована речевая агрессия и в данном случае можно говорить о коммуникативном успехе, это не делает, на наш взгляд, данную коммуникативную тактику желательной к использованию. Тенденция к пренебрежению речевым этикетом и к намеренному снижению значимости интересов адресата и уважения к нему, которая в последнее время все активнее демонстрируется, например, средствами массовой информации, сказывается на общей коммуникативной культуре и культуре в целом, понижая ее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борзунова, А. К. Коммуникативные неудачи как следствие нарушения речевого этикета / А. К. Борзунова. – Текст : непосредственный, электронный // Молодой ученый. – 2012. – № 8 (43). – С. 79-83.
2. Введенская, Л. А. Русский язык и культура речи. Справочное пособие. Серия «Высший балл» / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова, Е. Ю. Кашаева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2002 – 384 с.
3. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 217-237.
4. Громова, Н. С. Речевая агрессия: от коммуникативных ошибок до правонарушений / Н. С. Громова // Юрислингвистика. – 2016. – № 5. – С. 173-189
5. Пекарская, Е. А. Речевая и поведенческая агрессия как причина коммуникативных неудач / Е. А. Пекарская //

- Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2009. – С. 170-174
6. Austin, J. L. How to do things with words / J. L. Austin. – Oxford University Press, 1962.
 7. Leech, J. Principles of pragmatics / J. Leech – Longman, 1983. – 250 p.
 8. Searle, J. R. Indirect speech acts / J. R. Searle // Syntax and Semantics. Vol. 3 : Speech Acts / [ed. by : P. Cole, J. L. Morgan]. – New York ; San Francisco ; London : Academic Press, 1975. – P. 59-82.

АННОТАЦИЯ

Жихарева Н. А., Емельяненко А. Р. Коммуникативная ошибка как причина возникновения речевой агрессии

В статье рассматривается понятие коммуникативной ошибки как основной причины возникновения речевой агрессии при коммуникации. Коммуникативная ошибка рассматривается как неправильная интерпретация или неуместное употребление речевого акта, что приводит к коммуникативной неудаче. Отдельное внимание авторы уделяют последствиям применения тактики речевой агрессии для достижения желаемого перлокутивного эффекта.

Ключевые слова: коммуникативная ошибка, речевой акт, косвенный речевой акт, коммуникативная тактика, коммуникативный ход, речевая агрессия.

SUMMARY

Zhikhareva N. A., Emelianenko A. R. Communicative error as a reason for speech aggression

The article presents the concept of communicative error as the main cause for speech aggression in the course of communication. A communicative error is considered as a misinterpretation or misuse of a speech act, which leads to a communicative failure. The authors pay special attention to the consequences of speech aggression tactics applied to achieve the desired perlocutionary effect.

Key words: communicative error, speech act, indirect speech act, communicative tactics, communicative move, speech aggression.

Н. А. Иванова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'255.4

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕЖДУНАРОДНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Нарастание глобализационных и интеграционных процессов в современном мире приводит к резкому увеличению форм международной коммуникации на межгосударственном уровне. Именно язык становится главным инструментом создания международных договоров и соглашений, которые выполняют регулятивную и нормотворческую функцию такой коммуникации. Исходя из этого, интерес к вопросу эквивалентности и адекватности перевода текстов международных документов растет, что и предопределяет актуальность исследования способов воспроизведения таких текстов на русском языке и выявления наиболее распространенных способов перевода и видов переводческих трансформаций, которые используются для решения данного вопроса.

Анализ последних исследований и публикаций позволяет отметить, что тем или иным особенностям международных договоров как объектов лингвистики и переводоведения неоднократно уделялось внимание ученых. Так, лексические и грамматические особенности перевода международных документов исследуются в работах И. С. Орловой, А. В. Васильченко, И. А. Сидоренко, Л. А. Яровой; стилистические особенности перевода документов международного права изучаются в научных трудах В. Ю. Кизим, И. А. Рудь, В. А. Гуменяк; терминологический подход к анализу международной документации раскрывается в исследованиях Н. Е. Кашишина, С. Б. Христюк; структурные, семантические и прагматические особенности перевода текстов международных договоров рассматриваются в исследованиях А. Р. Зарумы-Барских, Т. Осинцевой и др. Однако, несмотря на важность приведенных выше исследований, следует подчеркнуть, что ряд нерешенных вопросов, связанных со способами перевода английских текстов международных документов на русский язык, остаются открытыми.

Целью статьи является выявление способов перевода и трансформаций, которые применяются для обеспечения эквивалентности воспроизведения международных документов на русском языке.

Учитывая, что язык международных документов состоит из лексических, морфологических, синтаксических и семантических средств, направленных на достижение четкости и однозначности, поскольку им присущ стандартизированный тип речи, клишированность, сохранения императивности, четкости и точности изложения информации, а синтаксические особенности текстов, то есть тавтологии и разветвленные сложные предложения при переводе априори сохраняют синтаксический параллелизм и тема-рематические связи, приходим к выводу, что главной задачей перевода таких материалов является воссоздание содержания оригинала на различных уровнях эквивалентности [2, с. 112].

Следует отметить, что принадлежность текста оригинала к особому функциональному стилю влияет на характер переводческого процесса, а для международных документов, в свою очередь, характерна высокая степень стандартизации и регламентации, что может требовать от переводчика применения особых методов и приемов. Каждая лексическая единица, грамматическая форма, синтаксическая конструкция таких текстов несут свою собственную смысловую нагрузку, и если переводчику не удастся ее передать, то будут нарушены требования эквивалентности перевода, что, в свою очередь, приведет к нарушению норм официальности и стереотипности такой документации, и в конце концов, такой документ не будет иметь никакой юридической силы.

Лексические, грамматические, стилистические и синтаксические трудности перевода текстов международных документов возникают из-за различий в картинах мира англоязычной и русскоязычной лингвокультур. Прежде всего, фрагменты профессиональных знаний, например, международного права, в языковых картинах мира вербализируются специальными единицами – терминами, которые проявляют национально-культурную специфику, что также затрудняет адекватный выбор эквивалентных терминологических единиц при переводе. Кроме этого, каждой лингвокультуре присущ национальный коммуникативный стиль, и переводчик должен учитывать национально-культурную специфику построения дискурса. Наконец, специфика строения языка оригинала и языка-перевода, нормы их употребления также является источником осложнений в нахождении эквивалентных форм передачи содержания международных документов. Что касается грамматического уровня, то в английском и русском языках существуют свои морфологические и синтаксические нормы. В процессе передачи мысли на другом языке необходимо

найти такие средства и, в первую очередь, такие грамматические формы, которые так же соответствовали бы содержанию, так же сливались бы с ним, как сливается со своим содержанием форма оригинала, особенно когда речь идет о документации международных отношений [3, с. 69].

Касательно терминов международной документации следует отметить, что они, как правило, употребляются только в одном, специфическом для определенной информационной области значении, и именно поэтому не вызывают двойного толкования. При переводе юридической терминологии текстов международных договоров, одними из основных являются принципы сохранения и единства формы и содержания, а также принцип контекстности. Целью первого принципа является точная передача формы понятий и их основного значения (содержания). Второй принцип предполагает сохранение содержания, однако, перевод термина напрямую зависит от контекста.

Используя оба пути при воспроизведении терминологии, сохраняется основной смысл лексических единиц, но их перевод при этом варьируется в зависимости от контекста. Иногда в самом документе составители прибегают к толкованию значения терминов, которое они приобретают в определенном контексте. Так, термин *security* имеет различные значения в зависимости от вида международного документа и лексической сочетаемости слов, поэтому эквивалентами в русском языке выступают такие единицы, как безопасность, неприкосновенность, гарантия, обеспечение.

При переводе международных документов также следует обращать внимание на так называемые «ложные друзья переводчиков», то есть лексические единицы, которые в языке оригинала и перевода имеют похожую орфографическую форму и звуковую оболочку, однако, их значения в двух языках отличаются. Например, *aspiration* – чаяния, стремления; *competence* – квалификация; *public order* – общественный порядок; *instruments* – документы; *reformation and rehabilitation* – исправление и восстановление; *legal status* – юридический статус. Переводчику необходимо уметь распознать такую лексику в тексте документа и подобрать подходящее соответствие в русском языке, применив возможный в определенном контексте способ перевода. В данном случае использование транслитерации и транскрибирования приведут к искажению смысла оригинала.

В процессе перевода юридической лексики также часто применяется калькирование. Например, *deprivation of life* – лишение жизни; *self-determination* – самоопределение; *subsidiary organs* – вспомогательные органы; *procedural matters* –

процедурные вопросы; *provisional measures* – временные меры. Преимуществом приема калькирования являются краткость и простота полученного с его помощью эквивалента и его однозначная соотносительность с исходным словом, доходящая до полной обратимости соответствия. Необходимо заметить, что калькирование можно применять только тогда, когда образованное таким образом переводное соответствие не затрагивает нормы употребления и сочетаемости слов в русском языке [1, с. 188].

При переводе правовых терминов международных документов может использоваться транслитерация или транскрибирование (практическое транскрибирование), то есть передача звуковой или графической формы лексической единицы средствами алфавита [1, с. 188]. Например, *contingents* – контингент; *tyranny* – тирания; *realization* – реализация; *jurisdiction* – юрисдикция; *General Assembly* – Генеральная Ассамблея; *sovereignty* – суверенитет; *reputation* – репутация; *racial* – расовый. Такие способы перевода считаются квазинепереводными из-за того, что при их использовании процесс перевода осуществляется путём заимствования графической (при транслитерации) или звуковой (при транскрипции) формы слова, включая его значение, из языка оригинала в язык перевода.

Описательный перевод применяется тогда, когда уровень сложности предложения в исходном языке ниже, чем требуется для определенного контекста в языке перевода. Также стоит заметить, что русскому языку присуща большая конкретность, чем английскому, поэтому задача состоит в том, чтобы найти наиболее приемлемый вариант для норм языка перевода. Такую тенденцию можем наблюдать в случае перевода международной документации путем применения описательного перевода, то есть приема перевода лексических единиц языка оригинала, когда слово, словосочетание, термин или фразеологизм заменяется в языке перевода большим по количеству компонентов словосочетанием, которое адекватно передает смысл этого слова или словосочетания (термина), например: *metropolitan territory* – территория страны, имеющей колонии; *alleged offender* – лицо, подозреваемое в совершении преступления; *public social welfare institutions* – государственные учреждения, занимающиеся вопросами социального обеспечения; *acceptance* – факт принятия; *a party may relief...* – любая из сторон имеет право на освобождение от ответственности; *inherent dignity* – достоинство, присущее каждому человеку; *signatory states* – страны, подписавшие договор; *non-nationals* – лица без гражданства.

Среди особенностей перевода международной документации является использование лексико-грамматических трансформаций, некоторые из которых мы анализируем в нашей работе.

Пермутация используется при переводе названий организаций, должностей руководителей международных организаций, а также двухкомпонентных атрибутивных препозитивных словосочетаний: *trusteeship system* – система опеки; *periodic holidays with pay* – оплачиваемый периодический отпуск; *Secretary General* – Генеральный Секретарь; *the International Labor Organization Convention* – Конвенция Международной Организации труда; *law enforcement personnel* – персонал правоохранительных органов.

Трансформация замены частей речи применяется в тех случаях, когда использование в переводе лексической единицы, которая принадлежит к той же части речи, что и лексическая единица оригинала, приводит к нарушению грамматических норм и словоупотребления языка перевода: *ambassadorial level* – уровень посла; *nullifying or impairing the recognition* – уничтожение или умаление признания; *to review governmental, national and local policies* – пересмотр политики на правительственном, государственном и местном уровне; *periodic holidays with pay* – оплачиваемый периодический отпуск.

Изменение порядка слов как вид переводческой трансформации – это изменение расположения языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом оригинала. Элементами, которые могут подвергаться перестановке, являются обычно лексические единицы, словосочетания, части сложного предложения (клаузы) и самостоятельные предложения в тексте. Например: *The Members of the United Nations agree to accept and carry out the decisions of the Security Council in accordance with the present Charter* – Члены Организации соглашаются, в соответствии с настоящим Уставом, подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их. *This Constitution shall remain open for signature in the Archives of the Government of the United Kingdom* – Настоящий Устав сдается на хранение в архив правительства Соединенного Королевства, где он остается открытым для подписания. Указанные выше примеры свидетельствуют о том, что разногласия в характере синтаксического словоупотребления английского и русского языков приводят к изменениям компонентов тема-рематической структуры, обусловленных несовпадением традиций актуального членения высказывания в двух языках.

Таким образом, в ходе проведенного исследования было выявлено, что во время англо-русского перевода текстов

международных документов могут применяться такие переводческие трансформации, как замена частей речи, пермутация, смена порядка слов. Кроме того, на лексическом уровне широко используются калькирование, транслитерация, транскрибирование (практическое транскрибирование) и описательный перевод.

Сохранение формы текста международных документов, является условием их эквивалентного и адекватного перевода, а следовательно все внутренние элементы макроструктуры при переводе остаются неизменными.

Перспективным представляется детальное исследование структурных, семантических и прагматических особенностей англо-русского перевода текстов международных договоров, а также их изучения с позиции лингвистики текста, когнитивистики, социолингвистики, психолингвистики, что будет способствовать полномасштабному анализу соответствующих профессиональных текстов, учитывая проблемы, возникающие при работе с ними переводчика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беланова, Т. А. Анализ структуры документации на английском языке [Текст] / Т.А. Беланова // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. – Ессентуки, 2015. – № 11. – С. 181-187.
2. Глазкова, М. Ю. Перевод официально-деловой документации : учебное пособие / М.Ю. Глазкова, А.А. Стрельцов. – 2-е изд., испр. и доп. – Ростов н/Д. : Феникс : MapT, 2011. – 238 с.
3. Пестова, М. С. Перевод коммерческой документации = Translation of commercial documentation : учебное пособие для студентов филолог. фак. / М. С. Пестова. – Ростов н/Д. : Феникс, 2012. – 240 с.
4. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // Конвенции и соглашения : сайт. – 1997. – Текст : электронный. – сайт. – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 09.11.2020).
5. Международный пакт о гражданских и политических правах. – Текст : электронный // Конвенции и соглашения : сайт. – 1997. – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 09.11.2020).
6. International Covenant on Civil and Political Rights. – Текст : электронный // United Nations Human Rights : сайт. – 2002. – URL : <https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/CCPR.aspx> (дата обращения: 19.11.2020).

7. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. – Текст : электронный // United Nations Human Rights : сайт. – 2002. – URL : <https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/CESCR.aspx> (дата обращения: 19.11.2020).
8. Устав ООН. – Текст : электронный // Организация Объединенных Наций : сайт. – 1997. – URL : <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/> (дата обращения: 10.11.2020).
9. UN Charter. – Текст : электронный // United Nations : сайт. – 1997. – URL : <https://www.un.org/en/sections/un-charter/un-charter-full-text/> (дата обращения: 19.11.2020).

АННОТАЦИЯ

Иванова Н. А. Особенности перевода международной документации на русский язык

Статья посвящена лексико-грамматическим, стилистическим и прагматическим особенностям перевода англоязычной международной документации на русский язык. Особое внимание уделяется способам перевода терминологической лексики и ложных друзей переводчика. По результатам исследования установлено, что лексико-грамматические трансформации служат важным средством сохранения семантического наполнения международных документов. Наиболее употребляемыми переводческими трансформациями выступают изменение порядка слов, пермутация и замена частей речи.

Ключевые слова: международная документация, калькирование, описательный перевод, изменение порядка слов, пермутация.

SUMMARY

Ivanova N. A. Peculiarities of translating international documents into Russian

The article deals with the lexical-grammatical, stylistic and pragmatic features of translating English international documents into Russian. Particular attention is paid to the ways of translating terminological vocabulary and translator's false friends. The research has revealed that lexical and grammatical transformations are an important means of preserving the semantic content of international documents. The most used translation transformations are changing the word order, permutation and substitution of parts of speech.

Key words: international documents, loan translation, descriptive translation, changing the word-order, permutation.

М.Н. Панчехина
(г. Донецк, ДНР)

УДК 81'367.622

НЕПРЕДМЕТНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ «РЕЧЬ» В ЛИТЕРАТУРНОМ ТЕКСТЕ

Внутренний мир литературного произведения формируется при помощи изобразительных возможностей художественного слова, его образности и лингвокреативного потенциала. Поэтому при интерпретации произведения особую роль играют те лексико-семантические маркеры, которые обозначают ситуацию текстопорождения и формируют язык художественного произведения.

Цель статьи состоит в том, чтобы описать лишь одну группу слов такого типа – непредметные имена существительные со значением «речь». Анализ осуществляется на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Традиционные интерпретации описывают данное произведение как «текст в тексте» или же «текст о тексте». Несмотря на различие формулировок, все же очевидно, что ситуация текстопорождения внутри романа «Мастер и Маргарита» оказывается смыслообразующей для всего произведения в целом.

Частотность использования и контекст устанавливаются согласно данным Национального корпуса русского языка [1]. В скобках рядом со словом указывается количество вхождений в роман «Мастер и Маргарита».

Среди непредметных имен существительных со значением «речь» самыми частотными оказались следующие слова: вопрос (68), разговор (40), ответ (27), речь (24), молчание (23), выражение (14), предложение (13).

Наиболее востребованное слово вопрос имеет как минимум три значения в контексте булгаковского романа.

1. Первое значение – это традиционная трактовка слова вопрос как обращения, требующего разъяснения и дополнительной информации. Здесь целесообразно выделить различные типы высказываний подобного типа.

1.1. Контактостанавливающие вопросы.

К ним относятся те вопросительные высказывания, которые используются в речи героя с целью завести разговор. Для них

характерна стандартная модель общения, в которой участвует адресат и адресант: Первый же **вопрос**, который был задан Никанору Ивановичу, был таков: – Вы Никанор Иванович Босой, председатель домкома номер триста два-бис по Садовой?

Актуальность вопросов данной разновидности прослеживается на протяжении всей сцены допроса Иешуа, которая в конце концов завершается табуированием какой-либо беседы с осужденным: команде тайной службы было под страхом тяжкой кары запрещено о чем бы то ни было разговаривать с Иешуа или отвечать на какие-либо его вопросы.

В контексте булгаковского романа уникальность контактоустанавливающих вопросов состоит в том, что они могут использоваться как ответ. – *Да кто же он, наконец, такой? – в возбуждении потрясая кулаками, спросил Иван. Гость взгляделся в Ивана и ответил вопросом: – А вы не впадете в беспокойство? Мы все здесь люди ненадежные...*

Очевидно, что функция контактоустанавливающих вопросов гораздо шире этикетной. Скорее, она может быть обозначена как функция речевого воздействия на адресата, апеллирующая к призыву-обращению и называнию объекта речи.

1.2. Автокоммуникативные вопросы.

Для высказываний такого типа используется модель «Я – Я». Автокоммуникативные вопросительные фразы характерны для речевого поведения повествователя: Возникает **вопрос**, уж не в милицию ли спешил Максимилиан Андреевич жаловаться на разбойников, учинивших над ним дикое насилие среди бела дня? Нет, ни в коем случае, это можно сказать уверенно. Специфика высказывания подчеркивается тем, что в реплике содержится и вопрос, и ответ на него, причем высказывание принадлежит одному и тому же субъекту речи.

В предыдущих работах нами уже указывалось, что автокоммуникативная модель речевого поведения оказывается доминантной при формировании языкового портрета Ивана Бездомного. По-видимому, «автокоммуникация Бездомного предваряет более сложный процесс – метакоммуникацию, философский диалог ученика и мастера о неоконченном романе как длящемся во времени художественном высказывании» [3, с. 77]. То же самое верно и относительно автокоммуникативных вопросов, так как они подразумевают микроразговор о своей же реплике.

1.3. «Вечные вопросы».

Это особая группа, к которой относятся философско-религиозные размышления героев о мироустройстве, добре и зле: Но вот какой вопрос меня беспокоит: ежели бога нет, то,

спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще распорядком на земле? – *Сам человек и управляет, – поспешил сердито ответить Бездомный на этот, признать, не очень ясный вопрос.* Обозначенные высказывания противопоставлены контактоустанавливающим. Очевидно, что они не способствуют возникновению доверительных отношений между коммуникантами – напротив, приводят в замешательство и вызывают отрицательные эмоции (ср. в цитируемом фрагменте сердито ответить, не очень ясный вопрос).

Автором «вечных вопросов» чаще всего выступает Воланд или члены его свиты. Интересен диалог, который возникает между Азazelло, мастером и Маргаритой. На наш взгляд, здесь прослеживается аллюзия на извечную фразу из русской классики что делать? А уютный подвальныйчик, черт меня возьми! Один только **вопрос** возникает, чего в нем делать, в этом подвальныйчике?

Возникновение вопросов такого типа актуализирует важное в авторской картине мира противостояние «вечного» и «временного», при этом герой, вопрошающий о божестве и миропорядке, имеет, как правило, более высокий социальный статус, чем его собеседник (например, Воланд vs Бездомный, Азazelло vs мастер и Маргарита).

2. Второе значение слова вопрос – это дело, требующее практического решения. С такой семантикой используется словосочетание квартирный вопрос – отсылка к жилищному кризису, охватившему Москву в двадцатых годах двадцатого века: Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... **квартирный вопрос** только испортил их.

Указанное словосочетание выполняет и номинативную функцию. Оно используется как маркер художественного пространства, называя конкретный локус: Потом у случайного посетителя Грибоедова начинали разбегаться глаза от надписей, пестревших на ореховых теткинских дверях: «Запись в очередь на бумагу у Поклевкиной», «Касса», «Личные расчеты скетчистов»... Прорезав длиннейшую очередь, начинавшуюся уже внизу в швейцарской, можно было видеть надпись на двери, в которую ежесекундно ломился народ: «**Квартирный вопрос**».

3. Третье значение слова, близкое ко второму, но не тождественное ему, – это вопрос как проблема. В такой функции лексема используется в диалоге Пилата и Аффания, когда речь идет об убийстве Иуды из Кириафа: – *Не постигаю, каким*

образом это можно было сделать. – Да, прокуратор, это самый трудный вопрос во всем деле, и я даже не знаю, удастся ли мне его разрешить.

Специфика этого периферийного значения в том, что оно указывает на неуверенность говорящего в разрешении проблемной ситуации или же вообще предпочитает дистанцироваться от проблемы, только лишь констатируя ее. Ср., например: – *Ах, королева, – игриво трещал Коровьев, – вопросы крови – самые сложные вопросы в мире!*

Здесь очевидно расхождение со вторым значением, так как о практическом подходе и решении речи не идет: наоборот, актуализируется проблемное поле и сложность/невозможность/необязательность выхода из него.

Все указанные типы вопросов (1-3) подразумевают включенность в разновидности бесед как речевых жанров (автобиографическая беседа, экспериментальная беседа, беседа учитель – ученик и т.д.). Поэтому целесообразно рассмотреть, как проявляет себя внутритекстовый эквивалент беседы – слово разговор, находящееся на втором месте по частотности использования в булгаковском тексте после слова вопрос.

Семантика существительного разговор связана с обозначением только устного типа коммуникации. Акцент на живую, звучащую речь (а не на письменную форму) прослеживается в тех фрагментах, когда слово разговор используется в качестве метафоры: Слышно было, как во двореке в ветвях ветлы и липы вели веселый, возбужденный утренний разговор воробы.

Использование существительного в значении дело связано с описанием бытовых ситуаций: Другой разговор был бы, если б я побрился! Поэтому в бытовых беседах нередки случаи включения сниженной лексики, ругательств и т.д.: – *Если ты, сволочь, еще раз позволишь себе впутаться в разговор...*

Также указанное существительное коннотативно близко к семантике сплетни, слухи: Красавица Наташа, ее домработница, осведомилась о том, что сделать на второе, и, получив ответ, что это безразлично, чтобы развлечь самое себя, вступила со своей хозяйкой в разговор и стала рассказывать бог знает что, вроде того, что вчера в театре фокусник такие фокусы показывал, что все ахнули... Действительно, «сам процесс рассказывания у булгаковских героев сопровождается стремлением вовлечь слушателя в какую-либо нетипичную ситуацию» [2, с. 421].

Кроме бытовых бесед, в «Мастере и Маргарите» представлены следующие разновидности: деловой разговор, телефонный разговор, разговор автокоммуникативного типа, разговор метакоммуникативного типа.

К деловому разговору относятся фрагменты, описывающие коммуникацию Пилата и Каифы: Пилат накинул капюшон на свою чуть лысеющую голову и начал **разговор**. **Разговор** этот шел по-гречески. Пилат сказал, что он разобрал дело Иешуа Га-Ноцри и утвердил смертный приговор; Арчибальда Арчибальдовича и швейцара: Пока официанты вязали поэта полотенцами, в раздевалке шел разговор между командиром брига и швейцаром. Ты видел, что он в подштанниках? – холодно спрашивал пират.

К этой же группе принадлежат, несмотря на иронический контекст, некоторые беседы в свите Воланда: Я, – вступил в разговор этот новый, – вообще не понимаю, как он попал в директора, – рыжий гнусавил все больше и больше, – он такой же директор, как я архиерей! – Ты не похож на архиерея, Азazelло, – заметил кот, накладывая себе сосисок на тарелку.

Телефонные разговоры зачастую характеризуются коммуникативной неудачей. Ср.: Дайте сверхсрочный **разговор** с Ялтой. < > Но разговор с Ялтой не состоялся.

Отдельную группу высказываний представляют автокоммуникативные, в которых герой разговаривает как бы сам с собой. Выше мы уже отмечали, что такой тип речевого поведения характерен для Ивана Бездомного: – О чем, товарищи, **разговор!** – возражал новый Иван ветхому, прежнему Ивану, – что здесь дело нечисто, это понятно даже ребенку.

Также нами выделяются метакоммуникативные высказывания, в которых описывается ситуация разговора. По своей сути они представляют небольшое повествовательное вкрапление в текст романа, сообщение о коммуникации героя с кем-либо: Там с Никанором Ивановичем, у которого перед глазами как-то мутилось от приливов крови и душевного возбуждения, вступили в разговор, но разговор вышел какой-то странный, путаный, а вернее сказать, совсем не вышел. Или: **Разговор был тягостный, неприятнейший был разговор, ибо пришлось с совершеннейшей откровенностью рассказывать не только об этом паскудном сеансе и драке в ложе...**

Существительное **ответ** в булгаковском романе используется в традиционном значении – это слово или слова, вызванные каким-либо вопросом и содержащие подтверждение, отрицание информации или же формулирующие новые сведения. Ключевой для повествования эпизод связан с ответом на вопрос, кого из задержанных намерен освободить Синедрион – Вар-раввана или Га-Ноцри: Прокуратор хорошо знал, что именно так ему ответит первосвященник, но задача его заключалась в том, чтобы показать, что такой ответ вызывает его изумление. < > Брови на надменном лице поднялись, прокуратор прямо в глаза поглядел

первосвященнику с изумлением. – Признаюсь, этот ответ меня удивил, – мягко заговорил прокуратор.

С иной семантикой, в значении отклик, существительное используется в тех фрагментах, которые описывают невозможность вербального ответа. При этом адресат коммуникации либо использует невербальные средства коммуникации (мимику): В **ответ** буфетчик так горько улыбнулся, что отпали все сомнения: да, среди москвичей есть мошенники, либо вовсе молчит: Артист осведомился, нет ли еще желающих сдать валюту, но получил в **ответ** молчание.

Существительное **речь** чаще всего используется в периферийном значении публичное словесное выступление. Например: **речь** Берлиоза об Иисусе Христе, **речь** об истине арестанта Га-Ноцри, **речь** конференсье Бенгальского, убедительная **речь** артиста в Варьете, побуждающая сдать деньги. Нетрудно заметить, что в основе всех указанных устных выступлений перед аудиторией – идея словесного внушения, идея воздействия на слушающих при помощи специально подобранных высказываний. Ср. эпизод, описывающий поведение Бегемота: Он никуда не собирался удирать и даже, наоборот, сидя в сравнительной безопасности, завел еще одну **речь**. – Я совершенно не понимаю, – говорил он сверху, – причин такого резкого обращения со мной... И тут эту **речь** в самом начале перебил неизвестно откуда послышавшийся тяжелый низкий голос: – Что происходит в квартире? Здесь фактором демонстративного поведения оказывается сама способность антропоморфного персонажа изъясняться при помощи слов.

Характеристика процесса речи как отражения психоэмоционального состояния героя включается в текст романа едва ли не единожды. С этой позиции описывается коммуникативное поведение Маргариты в связи с болезнью мастера: А плечи, плечи с бременем... Искалечили, искалечили, – **речь** Маргариты становилась бессвязной, Маргарита содрогалась от плача. Тогда мастер вытер глаза, поднял с колен Маргариту, встал и сам и твердо сказал: – Довольно!

Существительному **речь** коннотативно противопоставлено существительное **молчание**. При этом оно традиционно обозначает тишину: **Молчание** на балконе некоторое время нарушала только песня воды в фонтане. Возможна и другая интерпретация, подразумевающая под молчанием отсутствие публичных речей, публичных высказываний о чем-либо, т.е. абсолютизация тишины. Примечателен эпизод, описывающий появление Воланда во время великого бала: С последним ударом неизвестно откуда слышавшихся часов **молчание**

упало на толпы гостей. Тогда Маргарита опять увидела Воланда.

Слово выражение используется для обозначения особых оборотов речи, формулировок, фраз. Их важность обусловлена конкретным художественным событием. Ср. эпизод, в котором уточняется речевое поведение Иешуа перед казнью: Зачем же отказываться от того, что предлагается по закону? В каких **выражениях** он отказался? – Он сказал, – опять закрывая глаза, ответил гость, – что благодарит и не винит за то, что у него отняли жизнь.

Существительное предложение в булгаковском романе интерпретируется нами как готовность сделать что-либо. Например: Но **предложение** отправить Канта в Соловки не только не поразило иностранца, но даже привело в восторг. Особого внимания заслуживает эпизод, когда предложение выполняет функцию деметафоризации: – *Голову ему оторвать!* – сказал кто-то сурово на галерке. – *Как вы говорите? Ась?* – тотчас оторвался на это безобразное предложение Фагот, – голову оторвать? Это идея! Бегемот! – закричал он коту, – делай!

Также в произведение включено предложение как малый речевой жанр, подразумевающий заявление о вступлении в брак. В тексте содержатся упоминания этого речевого жанра, однако точных формулировок не обнаружено: Ах, хорошо, Маргарита Николаевна! **Предложение** мне делал, – Наташа стала тыкать пальцем в шею сконфуженно пыхтящего борова, – **предложение!** Ты как меня называл, а? – кричала она, наклоняясь к уху борова. – Богиня, – завывал тот, – не могу я так быстро лететь.

Разумеется, что количество непредметных существительных со значением «речь» в романе М.А. Булгакова не ограничивается указанными словами. Мы рассмотрели значение лишь самых частотных, понимая, что используемые реже существительные объявление, спор, показание, призыв, приказ, предсказание не только актуализируют семантику речетворчества, но и выполняют функцию малых речевых жанров. При этом малые речевые жанры не противопоставлены литературному жанру текста – роману. Взаимодействуя внутри художественного целого, они формируют уникальный язык произведения, его лингвальное пространство, наполненное многоголосием героев.

В дальнейшем целесообразно рассмотреть функции других частей речи в литературном произведении: прилагательных со значением «тексты», глаголов со значением «речь», чтобы описать лингвокреативный потенциал художественного слова в романе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 17.11.2020).
2. Панчехина М.Н. Специфика речевых жанров в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / М.Н. Панчехина // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей I Международного симпозиума. – Симферополь, 2017. – Том 1. – С. 420–423.
3. Панчехина М.Н. Автокоммуникация в художественном произведении: к вопросу о речевом поведении Ивана Бездомного в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / М.Н. Панчехина // Современное есениноведение. – Рязань, 2018. – №4 (47). – С. 75–79.

АННОТАЦИЯ

Панчехина М. Н. Непредметные существительные со значением «речь» в литературном тексте

Статья посвящена проблеме речепорождения в художественном произведении. Устанавливается частотность использования, описываются функции непредметных имен существительных со значением «речь». Рассмотрена семантика слов *вопрос, разговор, ответ, речь, молчание, выражение, предложение*.

Ключевые слова: речь, речепорождение, речевой жанр, роман, язык художественного произведения.

SUMMARY

Pancheikhina M. N. Non-objective nouns with the meaning «speech» in a literature text

The article is devoted to the problem of speech generation in a work of art. There has been set the frequency of use and the functions of non-objective nouns with the meaning «speech» are described. The semantics of the words *question, conversation, answer, speech, silence, expression, sentence* is considered in the article.

Key words: speech, speech generation, speech genre, novel, language of a work of art.

А.А. Пузик
(г. Донецк, ДНР)

УДК81.0

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ В СФЕРЕ КАУЗАТИВНОГО ОТАДЪЕКТИВНОГО ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Для современного языкознания характерен возросший интерес к целому ряду проблем, связанных с сопоставительным и типологическим анализом языков. Предметом исследования в данной статье является фрагмент словообразовательной подсистемы немецкого, английского и украинского языков, а именно глаголы каузативной семантики, мотивированные именами прилагательными, ср.: нем. *ermöglichen*, укр. (в) уможливити, англ. *enable* 'делать возможным' – *möglich*, *able* 'возможный, вероятный';). Словообразовательное значение каузативных отадъективных глаголов (далее ОАГ) в сопоставляемых языках традиционно определяется как: "делать таким, как обозначает мотивирующее прилагательное" [5].

Целью данного исследования является попытка выявления характера межъязыковых лексико-семантических соответствий в сфере отадъективного глагольного словообразования сопоставляемых языков, а также определения, как заполняются смысловые лакуны в рядах ОАГ сопоставляемых языков, если в одном из этих языков то или иное значение возможно выразить посредством ОАГ, а в других языках сопоставления образование ОАГ сходного значения по различным причинам невозможно или окказионально возможно, но такие дериваты не зафиксированы в словарях.

Материалом исследования послужили данные наиболее авторитетных толковых и переводных словарей, поскольку частотность исследуемых единиц в различных типах текстов исключительно низкая.

Отадъективные глаголы каузативной семантики немецкого, английского и украинского языков обнаруживают значительные сходства на лексико-семантическом уровне. Это объясняется, во-первых, сходством лексической семантики каузативных ОАГ языков сопоставления на уровне выделенных словообразовательных субкатегорий, семантических классов, (под)групп.

Среди выделенных семантических классов каузативных ОАГ сопоставляемых языков наибольшие сходства на лексико-

семантическом уровне обнаружил семантический класс «собственно каузативных» ОАГ, объект ситуации которых – лицо и семантический класс «квазикаузативных» деадъективных глаголов с дополнительным семантическим компонентом (далее: ДСК) «представлять/изображать таким, как обозначает мотивирующий адъектив (далее: МА)», ср.: укр. тверезити ~ англ. *soberize* ~ нем. *ernüchtern* 'протрезвлять, отрезвлять'; укр. ослабити ~ англ. *enfeeble*, *faint*, *weaken* ~ нем. *schwächen*, *zermürben* 'изнурять, обессиливать'; укр. мертвити ~ англ. *dead* ~ нем. *töten* 'умерщвлять, убивать'; укр. ситити ~ нем. *sättigen* 'накормить досыта, насытить'.

В целом можно отметить, что во всех выделенных семантических группах и подгруппах представлены каузативные ОАГ английского языка, которые в отдельных случаях самостоятельно формируют данные семантические группы и подгруппы.

1. Каузативные «ОАГ-интернационализмы».

В сопоставляемых языках (как, впрочем, и в других индоевропейских языках [7]) получила дальнейшее распространение греческо-латинская модель образования глаголов каузативного значения от заимствованных имен прилагательных с помощью суффиксов: в немецком языке – *-isier-*, английском языке *-ize(-ise)*, украинском языке *-u(i)зува-*, в рамках которой образованы каузативные «ОАГ-интернационализмы». Наличие в немецком и украинском языках сопоставления того или иного заимствованного прилагательного латинского происхождения – потенциального МА для глагола – еще не гарантирует того, что от него образован каузативный ОАГ. Следует отметить, что наибольшее количество каузативных ОАГ, мотивированных заимствованными прилагательными в рамках вышеуказанного словообразовательного образца, обнаружено в английском языке. Так, Г. Маршан отмечает, что мощности данного словообразовательного образца в современном английском языке не исчерпаны: от каждого прилагательного латинского происхождения возможен глагол с суффиксом *-ize(-ise)* [8, с. 164; 6]. Наименьшее количество ОАГ каузативного значения, образованных от заимствованных прилагательных в рамках сходного словообразовательного образца, обнаружил украинский язык. Одной из причин такого количественного расхождения может быть то, что в украинском языке ограничена и потенциальная мотивирующая база заимствованных прилагательных, которые могли бы мотивировать соответствующие ОАГ каузативной семантики по сравнению с немецким и английским языками. Это, в свою

очередь, объясняется экстралингвистическими факторами: прилагательные латинского происхождения, как и образованные от них каузативные ОАГ, в немецком, английском и украинском языках принадлежат к научной лексике, а языком науки в Украине несколько десятилетий служил русский язык (он и выступал языком-посредником на пути заимствования лексики латинского происхождения в украинский язык) [3]. Поэтому в русском языке можно обнаружить каузативные ОАГ с суффиксом *-изирова(ть)*, не представленные в материале исследования украинского языка (гуманизировать, номинализировать и др., ср. [1]) (иногда также и в тех случаях, если в украинском языке обнаружено прилагательное латинского происхождения, заимствованное из русского языка, соответствующий ОАГ не зафиксирован в словарях украинского языка). Такие возможные причины для отсутствия ОАГ-интернационализмов как ограничения морфонологического характера и конкуренция со стороны других средств (в том числе и словообразовательных) выражения каузативного значения на материале украинского языка исключаются. Так, представляется возможным образование в украинском языке таких ОАГ: *гуманізувати, *фемінізувати, *максималізувати, *мінімалізувати, *номіналізувати, мотивированных прилагательными гуманний, феміністичний, максимальний, мінімальний, номінальний, а Г.М. Виняр отмечает, что в украинском языке 80-х, начала 90-х годов XX столетия прослеживается активизация словообразовательного образца «МА + -изува» [4, с. 104].

Каузативные ОАГ-интернационализмы условно можно разделить на две группы: 1) ОАГ, присутствующие в трех языках сопоставления и 2) ОАГ, отмеченные в двух языках сопоставления – немецком и английском языках. К первой группе отнесены: укр. американізувати, нем. *amerikanisieren*, англ. *americanize* ‘американизировать’ – американський, *amerikanisch*, *american* ‘американский’; укр. вулгаризувати, нем. *vulgarisieren*, англ. *vulgarize* ‘представлять какое-либо явление упрощенно, примитивно, искажая его истинный смысл, вулгаризировать; опошлять’ – вулгарний, *vulgär*, *vulgar* ‘вулгарный, грубый, примитивный’; укр. індивідуалізувати, нем. *individualisieren*, англ. *individualize* ‘индивидуализировать’ – індивідуальний, *individuell*, *individual* ‘индивидуальный’; укр. конкретизувати, нем. *konkretisieren*, англ. *concretize* ‘придавать чему-либо конкретное выражение, определять конкретно, точно, конкретизировать’ – конкретний, *konkret*, *concrete* ‘конкретный, точный’; укр. легалізувати, нем. *legalisieren*, англ. *legalize* ‘переводить на легальное положение, предавать

законности, узаконивать, легализовать’ – легальний, *legal*, *legal* ‘легальный, законный’; укр. локалізувати, нем. *lokalisieren*, англ. *localize* ‘локализовать, ограничивать определенным местом, не допускать распространения чего-либо’ – локальний, *local*, *local* ‘локальный, местный, ограниченный определенной местностью’; укр. нормалізувати, нем. *normalisieren*, англ. *normalize* ‘делать нормальным, устойчивым, как прежде, нормализовать’ – нормальний, *normal*, *normal* ‘нормальный’; укр. популяризувати, нем. *popularisieren*, англ. *popularize* ‘делать доступным, представлять в популярной форме, делать широко известным, популяризировать’ – популярний, *populär*, *popular* ‘популярный, широко известный’ и др. (всего 22 ОАГ в каждом языке сопоставления).

К второй группе отнесены такие ОАГ немецкого и английского языков, как: англ. *banalize*, нем. *banalisieren* ‘опошлять’ – *banal*, *banal* ‘банальный, пошлый’; англ. *externalize*, нем. *externalisieren* (псих.) ‘выплескивать наружу, выражать, высвобождать отрицательные эмоции’ – *external*, *external* ‘внешний, наружный’ и др. (всего 83 ОАГ каждого языка сопоставления).

В каждом из языков сопоставления обнаружены каузативные ОАГ, не нашедшие соответствий в виде каузативных ОАГ в одном или двух других языках сопоставления.

2. В качестве соответствий, согласно данным переводных словарей, выступают в немецком языке:

2.1 Синтаксическая конструкция «прилагательное в положительной или сравнительной степени + глагол», ср.: укр. зубожити ~ англ. *poor* (редко) и нем. «*arm machen*» ‘делать (более) бедным’: «*Ihre Verschwendungssucht hat ihn arm gemacht.*» (‘Ее страсть к расточительству сделала его бедным.’) (ОАГ немецкого языка *verarmen*, мотивированный прилагательным *arm* ‘бедный’, имеет инхоативное значение ‘становиться бедным, обеднеть’); англ. *dizzy*, *giddy* (редко) и нем. «*schwindlich machen*»: ‘вызывать головокружение’ «*Die Höhe machte sie schwindlich.*» (‘Высота вызвала у нее головокружение.’); укр. струнчити ~ англ. *slenderize*, *thin* (также «*make look slender*») и нем. «*dünn/schmal machen*» ‘делать тонким, стройным; стройнить’: «*Das Kleid macht schlank/dünn.*» (разг.) (‘Это платье стройнит [худит].’) (ср. также: «*In dem Kleid wirkst du schlank/dünn.*» (‘В этом платье ты выглядишь (очень) стройной.’)). ОАГ каузативной семантики немецкого языка *verdünnen* и *verschlanken* в своей семантической структуре не имеют соответствующего вышеуказанным квазикаузативным ОАГ украинского и английского языков лексико-семантического варианта (далее: ЛСВ) с дополнительным семантическим компонентом «на вид», ср.: нем. *verdünnen* ‘разбавлять,

разжижать; (редко) делать (более) тонким' – *dünn* 'тонкий; жидкий (о кофе и т. п.)', нем. *verschlanken* (жарг.) 'сокращать, уменьшать (объем продукции и т. п.)' – *schlank* 'незначительный'.

Ф. Чирх отмечает тот факт, что некоторые каузативные ОАГ в ходе развития немецкого языка (преимущественно в ранненововерхненемецкий период) были вытеснены синтаксическими средствами, ср.: *gesunden* 'делать здоровым' вытесняется конструкцией «*gesund machen*» ('делать здоровым') [10, с. 86]. В современном немецком языке функционирует ОАГ инхоативной семантики *gesunden* 'становиться здоровым, выздоравливать, поправляться, оправляться (после болезни, несчастья и др.)' – *gesund* 'здоровый', ограниченный возвышенным стилем.

Позицию «глагол» в синтаксических конструкциях немецкого языка чаще занимает связочный глагол *machen* 'делать' [2].

2.2 Производные глаголы, мотивированные именами существительными – производящими основами МА соответствующих ОАГ украинского и английского языков, ср.: укр. щасливити ~ англ. *happy* (редко) и нем. *beglücken* (высок.) 'осчастливить, облагодетельствовать (кого-л. чем-л.)' – *Glück* 'счастье'; укр. бруднити ~ англ. *muddy* и нем. *beschmutzen* 'грязнить' – *Schmutz* 'грязь'; укр. дірявити и нем. *durchlöchern, zerlöchern* 'делать дырявым, продырявить' – *Löcher* 'отверстия, дырки (множественное число от *Loch*)' (прилагательное *löcherig*); конструкции типа «существительное + глагол», ср.: укр. горбатити 'делать горбатым' и нем. «*einen Buckel machen*» (дословно: 'делать горб').

2.3 Лексические средства, не ОАГ, ср.: укр. п'янити ~ англ. *jollify* (разг.), *mellow, tipsify* (разг.) и нем. *berauschen* 'опьянять, дурманить': «*der Wein berauschte uns*» ('вино опьянило нас'); «*zu Kopfe steigen*» ('ударить в голову').

3. В качестве соответствий согласно данным переводных словарей выступают в английском языке:

3.1 Синтаксическая конструкция «прилагательное в положительной или сравнительной степени + глагол», ср.: укр. здорожити ~ нем. *verteuern* и англ. «*make more expensive*» 'поднять в цене, сделать дороже, удорожить'; укр. винуватити ~ нем. *anschuldigen* (книжн., высок.), *beschuldigen* (книжн.) и англ. «*find guilty*» 'обвинять (кого-л. в чём-л.)'; укр. близити (редко) ~ нем. *nähern* и англ. «*draw/bring/move near(er)/closer*» 'приближать': «*He brought the chair nearer.*» ('Он придвинул стул поближе.').

Позицию «глагол» в данной конструкции английского языка в большинстве случаев занимает лексема *make* 'делать';

совершать; сделать', реже глагол *render* 'приводить в какое-л. состояние, изменять состояние: «*render active*» 'активировать, активизировать'. Редко встречаются глаголы: *bring* 'доводить (to – до чего-л., какого-л. состояния); приводить (to a state of – в какое-л. состояние)' («*Having him talking all the time usually brings me to a state of exhaustion.*» ('Его разговоры обычно сильно утомляют меня.'); «*The statement brought him into a state of furious anger.*» ('Это заявление привело его в состояние бешенства.'), *find* 'признавать что-л. чем-л. (применимость, юридическую силу и т. п.)', *cause* 'послужить причиной/поводом для чего-л.; мотивировать что-л.'. Общим для вышеперечисленных глаголов является то, что все глаголы, независимо от их семантики, выполняют однородную синтаксическую функцию, а именно, функцию предиктирующей связки, поэтому в данном исследовании эти глаголы не подразделяются на связочные, полусвязочные и полнозначные [9].

3.2 Производные глаголы, мотивированные именами существительными – производящими основами МА соответствующих ОАГ украинского и немецкого языков, ср.: укр. горбатити и англ. *hump* – *hump* 'горб'; англ. *hunch* – *hunch* 'горб' ('горбить, сутулиться'): «*Try not to sit with your shoulders hunched up like that, it's bad for your neck muscles.*» ('Постарайся не сутулиться, это плохо для твоих мышц шеи.');

укр. дірявити и англ. *hole* 'продырявить; просверлить' – *hole* 'дыра; отверстие; прорезь': «*Keep yourself from being holed.*» ('Смотри, чтобы тебя не «продырявили.»').

Реже в качестве переводного эквивалента предлагаются конструкции типа «существительное + глагол», ср.: «*to bore a hole*» ('сверлить отверстие'); «*make a hole (in)*» ('сделать дыру, отверстие, продырявить (в чем-либо/ком-либо)').

3.3 Лексические средства, не ОАГ, ср.: укр. здорожити ~ нем. *verteuern* и англ. «*raise the price (of)*» 'поднять в цене, сделать дороже, удорожить'; укр. винуватити ~ нем. *anschuldigen* (книжн., высок.), *beschuldigen* (книжн.) и англ. *accuse (of), charge (with); blame (for)* 'обвинять (кого-л. в чём-л.)'; укр. ситити ~ нем. *sättigen* и англ. «*fill [up]*» 'накормить досыта, насытить': «*A salad like that is not enough for me or to fill me up.*» ('Такой салат не сможет меня «сделать сытым»/насытить.').

4. В качестве соответствий согласно данным переводных словарей выступают в украинском языке:

4.1 Синтаксические конструкции «прилагательное в положительной или сравнительной степени + глагол», ср.: англ. *eroticize* ~ нем. *erotisieren* и укр. «робити еротичним» 'делать эротичным'; нем. *brutalisieren, verbittern, verrohen* ~ англ.

bestialize, brutalize, embitter, ferocize, mortalize (редко) и укр. «робити жорстоким» ‘доводить до звероподобного состояния; озлоблять, раздражать; делать беспощадным, жестоким’ (возможны также переводы озлобляти, розлючувати, розлютити); нем. *verselbständigen* и укр. «робити самостійним» ‘делать самостоятельным, независимым’ (представляется возможным образование ОАГ *усамостійнити – самостійний); англ. *square* и укр. «робити квадратним, прямокутним» ‘придавать квадратную форму; делать прямоугольным’; англ. *crisp* и укр. «робити хрустким, хрускотливим, хрумким, хрумкотливим/роздавити з хрустом» ‘делать, хрустящим; (редк.) раздавливать с хрустом’.

Позицию „глагол“ в синтаксических конструкциях украинского языка в большинстве случаев занимает глагол робити ‘делать’.

4.2 Производные глаголы, мотивированные именами существительными – производящими основами МА соответствующих ОАГ немецкого и английского языков, ср.: англ. *fecundate* ~ нем. *schwängern* и укр. запліднити ‘оплодотворить’ – плід ‘плод’; англ. *volatilize* (тех.) ~ нем. *verflüchtigen* (тех.) и укр. випаровувати ‘выпаривать, превращать в пар’ – пар ‘пар’.

4.3 Лексическое средство, не ОАГ, ср.: англ. *eroticize* ~ нем. *erotisieren* и укр. збуджувати, розпалювати ‘вызывать эротические мысли, ощущения; возбуждать’.

Переводные словари на немецкий и английский языки в большинстве случаев дают два или более эквивалента, один из которых ОАГ, другой – конструкции типа «прилагательное + глагол» (и/или другая лексика), ср.: укр. білити ~ нем. *weißeln* – *weiß* ‘белый’ (*weißeln* (südd., österr., schweiz.) ‘белить’ и нем. *tünchen* (отсубстантивный глагол – *Tünche* ‘известковый раствор для побелки’) ~ англ. *whiteen* ‘белить’ – *white* ‘белый’, *lime*, *whitewash* (отсубстантивные глаголы – *lime* ‘известь’ и – *whitewash* ‘известковый раствор, побелка’); укр. щасливити и нем. *beglücken* (высок.) ‘осчастливить, благодетельствовать (кого-л. чем-л.)’ – *Glück* ‘счастье’, «*glücklich machen*» ~ англ. *happy* (редко) – *happy* ‘счастливый, довольный’ и «*make happy*» ‘(делать счастливым)’, *felicitate* (редко).

Заключение. В целом следует отметить, что переводные словари с двух других языков сопоставления на английский чаще предлагают в качестве переводного эквивалента ОАГ конструкции «прилагательное в положительной или сравнительной степени + глагол». Тот же вывод сделан и в отношении переводных словарей с одного языка сопоставления на немецкий. Следует однако отметить, что в немецком языке в качестве эквивалента чаще подается ОАГ и реже синтаксическая конструкция, по сравнению

с переводными словарями на английский язык, в которых, если и подается соответствующий немецкому или украинскому английский каузативный ОАГ, в качестве основного (первого в словарной статье) эквивалента предлагается синтаксическая конструкция. Вышесказанное позволяет заключить, что уже на уровне переводных словарей можно судить о частотности ОАГ и синонимичных конструкций указанного типа в немецком и английском языках. Этот вывод основан на том, что в словарях в качестве переводных эквивалентов подаются наиболее частотные единицы языка. Следует отметить, что в переводных словарях на немецкий и английский языки в словарной статье зачастую подаются синтаксические конструкции без каких-либо ограничений сфер употребления, хотя многие ученые отмечают тот факт, что ОАГ каузативной семантики функционируют, как правило, в письменной речи, а вышеуказанная соответствующая синтаксическая конструкция – в разговорной речи [8, с. 162-164]. В переводных словарях на украинский язык в качестве переводного эквивалента каузативным ОАГ немецкого и английского языков в большинстве случаев предлагается синтаксическая конструкция «прилагательное в положительной или сравнительной степени + глагол».

ЛИТЕРАТУРА

1. Авилова Н.С. Глаголы с суффиксом –ова– и его вариантами – ирова-, -изирова-, -изова– в русском языке // Исследования по грамматике русского литературного языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 42-72.
2. Астахова Л.И. Конструкция «глагол + прилагательное (причастие)» в современном немецком языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04/ Киев. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко. – К., 1980. – 23 с.
3. Беспояско Е.К. Развитие словообразовательной структуры современного украинского языка в связи с интернационализацией его лексического состава: Автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.02 / АН УССР, Ин-т языковедения. – К., 1980. – 22 с.
4. Віняр Г.М. Словотвірчі тенденції в сучасній українській мові / на матеріалі усного і писемного мовлення/ 80-х – початку 90-х років ХХ століття: Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.02. – Д., 1992. – 282 с.
5. Пузік А. А. Відприкметникові дієслова у німецькій, англійській та українській мовах : Автореф. дис... канд. філол. наук : 10.02.17 / А. А. Пузік; Донец. нац. ун-т. – Донецьк, 2000. – 20 с.

6. Aleas V.S. English causative verbs ending in -en, -fy and -ize. – Washington: Georgetown Univ., 1989. – 287 p.
7. Hatcher A.G. Modern English Word-Formation and Neo-Latin. – Baltimore: Johns Hopkins PR, 1951. – 226 S.
8. Marchand H. Die Ableitung deadjektivischer Verben im Deutschen, Englischen und Französischen// Indogermanische Forschungen. – 1969. – № 74. – S. 155-173.
9. Rohdenburg G. Attributive and predicative adjectives in English and German// Contrastive linguistics. – Stuttgart: Hochschulverlag, 1978. – P. 181-196.
10. Tschirch F. Geschichte der deutschen Sprache. Zweiter Teil. – Berlin: Schmidt, 1969. – 345 S.

АННОТАЦИЯ

Пузик А. А. Межъязыковые лексико-семантические соответствия в сфере каузативного отадъективного глагольного словообразования

Статья посвящена изучению характера межъязыковых лексико-семантических соответствий глаголов, образованных от прилагательных в немецком, английском и украинском языках, а также определению, как заполняются смысловые лакуны в рядах соответствий отадъективных глаголов сопоставляемых языков. Словообразовательное значение каузативных отадъективных глаголов в сопоставляемых языках определяется как «делать таким, как обозначает прилагательное».

Ключевые слова: отадъективный глагол, словообразовательная семантика, каузатив, лексико-семантические соответствия.

SUMMARY

Pouzik A.A. The cross-lingual lexical and semantic correspondences in the sphere of causative deadjectival verbal word formation

The article is devoted to the study of the nature of cross-lingual lexical- semantic correspondences of verbs derived from adjectives in German, English and Ukrainian, as well as to the definition of how semantic gaps are filled in correspondence rows of deadjectival verbs of compared languages. The derivational meaning of causative deadjectival verbs in the languages of comparison is traditionally defined as «to make smb. / smth. (as) an adjective denotes».

Key words: deadjectival verb, derivational semantics, causative, lexical-semantic correspondence.

*И.В. Решетарова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'42

КАРИКАТУРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Современный медиадискурс представлен многообразием форм (устный, письменный, электронный) и содержания. Вследствие бурного развития и широкой распространённости данного типа дискурса исследования языка СМИ продолжают оставаться актуальными и ставить новые задачи перед лингвистами. Медиадискурс и политический дискурс, пересекаясь в определённой области своего применения, обладают рядом сходных черт. К примеру, выступление политика на встрече с избирателями представляет собой политический дискурс, а трансляция данного выступления в новостном репортаже превращает его в политический медиадискурс. По наблюдению Г.А. Наминовой [6], СМИ играют значительную роль в организации политического дискурса. Предоставляя канал для его реализации, с одной стороны, и являясь активными интерпретаторами, с другой, СМИ существенно влияют на формы и смыслы передаваемой информации, обслуживая те или иные группы интересов.

Цель данной статьи – рассмотреть возможности использования карикатуры и её разновидностей в качестве стратегии дискредитации и языковой агрессии в средствах массовой информации в рамках исследования конфронтационных стратегий и тактик речевого поведения в политическом медиадискурсе.

Карикатура, по определению, предлагаемому в словаре С.И. Ожегова – это рисунок, комически или сатирически изображающий объект; в переносном значении – это смешное или жалкое подобие чего-либо [7]. Политическая карикатура – это, соответственно, сатирическое или юмористическое изображение политических событий и их участников.

Термин «политический юмор» в отечественной науке появился относительно недавно, хотя исследования юмора посвящено немало работ. Как правило, юмор исследуется с позиций лингвистики, антропологии, культурологии или психологии (например, исследования М.М. Бахтина, Л.В. Карасёва, Д.С. Лихачёва, Ю.М. Лотмана, М.Т. Рюминой и др.). Известны также работы философов и социологов, анализирующие особенности восприятия мира, присущие людям в ту или иную историческую эпоху. Например, А.В. Дмитриев рассматривает юмор как

родовое понятие, включающее в себя сатиру, иронию, шутку, пародию, и т. д. [3]. Учёный выделил основные направления и содержание социологии политического юмора, его основные объекты и субъекты, приёмы и социальные функции. Позднее А.А. Иванюшкин основной функцией политического юмора обозначил желание человека уйти от неприятной ему реальности, освободиться не только от внешней цензуры, но и от внутреннего цензора, от страха перед авторитарным запретом и властью [4].

Профессор английского языка Пол Льюис, занимающийся исследованием современного американского политического юмора, отмечает, что юмор может оказывать разное влияние: сообщать достоверную или ложную информацию, вызывать любовь или ненависть, выявить или скрыть проблему [9], что позволяет предположить, что юмористические средства применимы в качестве дискредитирующих и манипуляционных.

В условиях современного общества юмор, выйдя за рамки культурно-развлекательных мероприятий, проник практически во все сферы жизнедеятельности человека и утвердился в качестве своеобразного средства взаимодействия в различных общественных отношениях. Социально-политическая сфера жизни общества также не могла не подвергнуться его инвазии, где юмор выполняет две функции: манипуляционную и дискредитирующую. Немаловажную роль в данной парадигме отыгрывают средства массовой информации, использующие юмор в различных формах: анекдоты, граффити, карикатуры, фотожабы, демотиваторы, рассказы, видеоролики и др.

Вопросы воздействия на сознание человека (манипуляции сознанием, «промывания мозгов») носят выраженный междисциплинарный характер и разрабатываются в рамках различных наук – философии, психологии, истории, социологии, политологии, лингвистики и др. По мнению В.И. Карасика, воздействие на человека представляет собой комплексное влияние, как на его эмоциональную, так и на рациональную сферу, на сферу знания и поведения. Учёный выделяет воздействие на человека на трёх разных уровнях – культурологическом, социальном и психологическом [5, с. 147]. В.И. Карасик также утверждает, что данные типы воздействия реализуются в комплексе, т. е. говорить следует о социально-психологическом воздействии, которое реализуется в контексте культуры. Исследователи отмечают, что воздействие может быть намеренным и ненамеренным. Намеренное воздействие осуществляется четырьмя способами: посредством авторитета, законной власти, носителя институционального более высокого статуса; посредством манипуляции, т. е. маскируемой власти;

посредством убеждения или аргументации; посредством силы, физической или психической [8, с. 11]. Карикатура использует, как минимум, два из четырёх предложенных способа.

Политический медиадискурс априори является сферой коммуникации соперничества или так называемой агональной коммуникации, в которой широко применяются конфронтационные стратегии и тактики речевого поведения (угрозы, игнорирование, дискредитация, ложь, наклеивание ярлыков, оскорбления и т. д.). Исследователи средств массовой информации, их роли, значимости и влияния, определяют политические интервью, ток-шоу и дебаты как самые популярные жанры публицистики. Агональность присуща данному дискурсу, поскольку вербальное воздействие в такой коммуникации направлено на решение определённых задач: заставить партнера по коммуникации совершить то или иное действие, лишить его уверенности, заставить сомневаться, замедлить или подавить агрессивную реакцию и т. д. [2, с. 6]. Решение таких задач требует активного применения сильных средств убеждения или манипулирования. Вкладывая в массмедийные материалы необходимые для манипулятора установки, политический медиадискурс определённым образом влияет на сознание тех, кому адресованы сообщения. Кроме того, ориентация на массовую аудиторию также накладывает отпечаток на язык средств массовой коммуникации. Зачастую, массовой аудитории интересны лишь шоу, скандалы и разоблачения, в то время как логичные рассуждения навевают тоску. Именно желание захватить и удержать внимание массового потребителя побуждает журналистов прибегать к юмористическим средствам, как графического (карикатуры, фотожабы, демотиваторы и др.), так и языкового характера (привлечение просторечной и сниженной лексики, порождающий яркие ассоциации и чувственные образы, повторы, метафоричные описания и др.).

Политическая карикатура также одной из целей имеет привлечение внимания аудитории. Комизм, полученный путём преувеличения и/или выпячивания определённых черт и призванный «заклеймить» противника/неблаговидный поступок/неприемлемую ситуацию и т. д., заключается в броскую форму, которая заставляет задержать на себе взгляд. Забавная картинка, скрывающая некий ребус, порою может дать неожиданный результат. Если аллюзия, заложенная автором в идею карикатуры, понятна и легко раскрывается, её расшифровка приносит ощущение некой победы, а значит, откладывается в памяти гораздо прочнее. Часто, для усиления эффекта, политическая карикатура содержит ещё и текстовый

комментарий к изображаемому. Кроме того, в современном цифровом мире, удачная карикатура может практически молниеносно разлететься в сети, что позволит запустить заложенную в неё идею в массы.

Так, следуя данной логике, журналисты скандально известного французского издания Шарли Эбдо (Charlie Hebdo) реагируют карикатурами на все значимые политические события в мире. Их критике может подвергнуться любой объект и любая тема, в том числе трагическая. Порой кажется, что для авторов карикатур данного издания не существует никаких этических границ. Многие их публикации находятся на границе приемлемого, однако, следует согласиться, что отсутствие здравого чувства меры способно сыграть злую шутку с самими карикатуристами. Достаточно вспомнить кровавый теракт в их издательстве, в результате которого погибли 12 человек.

Шарли Эбдо придерживается антирелигиозных и крайне левых взглядов, поэтому в разное время высмеиванию подвергались практически все религии и многие политические деятели. Такую линию поведения можно объяснить применением стратегии дискредитации к оппонентам, стремлением лишить их уверенности, а людей, разделяющих их взгляды – заставить сомневаться. Достаточно большое количество людей выступают в поддержку «свободы слова», за право данного издания плясать на чужих костях без каких-либо последствий, однако, для большинства здравомыслящих людей это символ падения нравов и вседозволенности.

Разделяя мнение А.Г. Алтунян [1, с. 159], отметим, что политическая карикатура является таким же политическим текстом, как и любая статья или речь. Также как и словесный текст, карикатура рассказывает историю, даёт оценку изображённому событию, а значит, способна реализовывать те же задачи.

Говоря о политической карикатуре, нельзя упускать из вида дисфемизм. Современный дисфемизм обладает шаржевой сущностью. Шарж, как разновидность карикатуры, при сохранении внешней схожести, выделяет или выпячивает, заостряет и заменяет характерные признаки объекта. Таким образом, дисфемизм можно признать оружием языковой карикатуры, при помощи которой некая «жертва» предстаёт в нелепом и несуразном виде. Дисфемизм призван актуализировать негативную составляющую характеристики объекта. Рассматривая дисфемизм в роли языковой карикатуры в плоскости политического медиадискурса, на первый план выходит дисфемистическое обыгрывание имён политических деятелей. Например:

доктор Смерть (Ульяна Супрун – экс-министр здравоохранения Украины) – отсылка к её деятельности по реформированию системы здравоохранения, приведшая к серьёзным проблемам в последней;

ЗелиВова – (В.А. Зеленский – президент Украины) – отсылка к персонажу детской телепередачи «Улица Сезам», Зелибобе (большому синему псу в разноцветном галстуке и кроссовках, который веселил детей) и предшествующей профессиональной карьере В.А. Зеленского.

Пепе (П.А. Порошенко – предыдущий президент Украины) – отсылка к произношению инициалов ПП (Пётр Порошенко) и персонажу детского анимационного фильма – свинке Пеппе.

Подводя итоги, отметим, что политическую карикатуру, в графической или вербальной форме, можно отнести к средствам речевой агрессии. Речевая агрессия бывает активной или пассивной, прямой или опосредованной. Активная прямая речевая агрессия предполагает словесное оскорбление или унижение объекта; высказывание в его адрес угроз и деструктивных пожеланий. Такой тип агрессии менее частотен в политическом медиадискурсе, в то время как примеры активной опосредованной речевой агрессии, включающей инсинуации, карикатурное изображение, искривление и обыгрывание имён оппонентов, навешивание ярлыков встречается чаще. В политическом медиапространстве карикатура является чрезвычайно эффективным средством манипуляционного влияния, выполняя функции дискредитации, сатирического высмеивания и деморализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтунян А. Г. Анализ политических текстов : Учебное пособие / А. Г. Алтунян. – М. : Университетская книга; Логос, 2006. – 384 с.
2. Белоус Н. А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Наталья Анатольевна Белоус. – Краснодар, 2008. – 48 с.
3. Дмитриев А. В. Социология юмора / А. В. Дмитриев. – М. : Издательство РАН, 1996. – 214 с.
4. Иванюшкин А. А. Политический юмор как фактор взаимодействия общества и власти. дисс. ... канд. полит. наук / А. А. Иванюшкин. – Москва, 2006. – 154 с.
5. Карасик В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М. : Ин-т языкозн. АН СССР; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1991. – 495 с.

6. Наминова Г. А. Политический дискурс в современной России : Проблемы достижения общественного согласия : дисс. ... канд. полит. наук : 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии / Гелла Александровна Наминова. – М., 2001. – 192 с.
7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 2000. – 940 с.
8. Kramarae C. Introduction : Toward an Understanding of Language and Power / C. Kramarae, M. Schulz, W.M. O'Barr // Language and Power. – Beverly Hills : Sage, 1984. – P. 9-22.
9. Lewis P. Cracking up. American humour in a time of conflict / P. Lewis. – The University of Chicago Press, 2006. – 277 p.

АННОТАЦИЯ

Решетарова И. В. Карикатура в политическом медианпространстве

В статье анализируется статус карикатуры как средства дискредитации и языковой агрессии в средствах массовой информации.

Ключевые слова: карикатура, языковая агрессия, средства дискредитации.

SUMMARY

Reshetarova I. V. Caricature in the political media space

The article speculates on the caricature status as a means of discrediting and the linguistic aggression in modern mass media.

Key words: caricature, linguistic aggression, means of discrediting

*И. В. Рудковская
(г. Горловка, ДНР)*

УДК372.881.1

АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕНСИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Формирование коммуникативной компетенции и свободное практическое владение иностранным языком является одной из важнейших целей обучения иностранному языку в XXI веке. В связи с этим возникает вопрос, с помощью каких образовательных технологий можно сформировать и оценить уровень коммуникативной компетенции студентов вузов? В зарубежных исследованиях педагогическая технология трактуется как область исследований в практике (в рамках системы образования),

имеющая связи со всеми сторонами организаций педагогических систем для достижения специфических и потенциально воспроизводимых педагогических результатов.

Для определения эффективности технологий обучения иностранному языку в достижении желаемого результата обратимся к зарубежному опыту использования данных технологий для их конструктивного применения в отечественной высшей школе. Большой популярностью при обучении студентов иностранному языку вузов США используется психолингвистическая модель американского ученого С. Крашэна, основные положения которой заключаются в следующем:

- 1) различие в «приобретении» («acquisition») и «изучении» («learning») языка;
- 2) роль так называемого «монитора»;
- 3) уровень ввода информации;
- 4) роль чувственного фильтра;
- 5) естественный порядок изучения языка.

Различия между «приобретением» и «изучением» иностранного языка заключаются в том, что «приобретение», по теории С. Крашэна, совпадает по своему характеру с процессами овладения ребенком родным языком. Оно происходит в естественных условиях общения при подсознательном овладении обучающимся механизмами языка и возникает как результат творческого самовыражения личности. Обучение в этой системе включает большое количество разговорных интерактивных упражнений, ситуаций, близких к реальной жизни. Грамматика изучается только как средство, необходимое для коммуникации.

Следующим положением данной теории является монитор. Данная модель усвоения иностранного языка получила название мониторинной. Использование монитора зависит от индивидуальных психологических особенностей студентов: «отчаянные» говорят, не придавая значения лексической или грамматической правильности речи (низкий порог монитора), «сверхосторожные» боятся сказать что-либо на иностранном языке, мучительно вспоминая правила спряжения, склонения, согласования (высокий уровень монитора). Гипотеза ввода утверждает, что «приобретение» языка зависит от характера предъявления учебной информации. «Приобретение» будет более качественным, если благодаря положительным эмоциям преодолевается негативный чувственный фильтр (барьер) неприятия информации, если студенту предлагаются для восприятия отрывки реальной коммуникации на иностранном

языке, а сам он участвует в общении в значимых для него ситуациях.

Наибольшую безопасность и ценность представляет «братский» авторитет, в котором заложены отношения сотрудничества и равенства партнеров, который более всего способствует развитию личностных качеств. «Рационально-процедурный» авторитет это авторитет справочника без каких-либо эмоциональных и межличностных отношений. Считается, что преподаватель должен использовать в группе все авторитеты и определить, какой из них нужен в тот или иной момент. Для оптимизации процесса обучения и воспитания личности, способной к адекватной самооценке, способной соотнести свои интересы с интересами других, рациональное и наиболее ценное заключается в третьем положении – «отношения сотрудничества и равенства партнеров».

При выборе технологий обучения иностранным языкам предпочтение, в основном, отдается тем технологиям, в которых обучаемый выступает в роли активного субъекта учебно-познавательной деятельности, а ведущими являются групповые формы работ.

Технология обучения в сотрудничестве (cooperative learning), реализуемая в малых группах известна в педагогике давно. Идея обучения в группах относится к 20-м годам XX столетия, но разработка технологии совместного обучения в малых группах началась лишь в 70-е годы XX века. Идеологии обучения в сотрудничестве в Северной Америке, с одной стороны, в Израиле и Европе с другой, несколько отличаются. Вместе с тем их объединяют общие принципы и подходы. В Америке обучение в сотрудничестве в большей мере нацелено на формирование определенных навыков, умений, усвоение понятий, академических знаний, предусмотренных программой. В Израиле и в Европе такое обучение в большей мере ассоциируется с проектной деятельностью на уроках, с организацией дискуссий. Этот подход в большей мере, чем американский, базируется на методе проектов, предложенном Дж. Дьюи. Оба варианта этого метода успешно дополняют друг друга и служат прекрасной подготовкой к собственно проектной деятельности студентов.

Основная идея этой технологии заключается в создании условий для активной совместной учебной деятельности студентов в разных учебных ситуациях.

Альтернативой данной технологии в отечественных образовательных учреждениях профессионального образования является метод проектов, который предусматривает сочетание индивидуальной самостоятельной работы с работой в

сотрудничестве, в малых группах, в коллективе. Работа над проектом не только дает возможность использовать иностранный язык на уровне реальной коммуникации при обсуждении хода работы над проектом, полученных результатов, но и позволяет совершенствовать отдельные аспекты языка, обучать речевому этикету.

Анализ зарубежного и отечественного опыта использования интенсивных технологий обучения иностранному языку позволяет сделать вывод о том, что их разнообразие и большое количество безрезультатно, если не чередовать их с информационными технологиями, так как овладение коммуникативной и межкультурной компетенцией невозможно без практики общения и использования ресурсов Интернета на занятиях по иностранному языку, которые позволяют выйти за временные и пространственные рамки, предоставляя ее пользователям возможность общения с реальными собеседниками на актуальные для обеих сторон темы. Студенты посвящают достаточно много времени Интернету, задача преподавателя научить их использовать его ресурсы для изучения иностранного языка. К примеру, на некоторых веб-страницах и медиа-сайтах новостей и газет, издаваемых за рубежом, таких как BBC World Service, CNN News, The New York Times и др., студентам предоставляется возможность не только прочитать, но и прослушать новости на многих языках мира, выбрав для себя подходящий уровень владения английским языком и прослушать новости в режиме Learning English.

На занятиях по иностранному языку в вузах с помощью Интернета можно решать целый ряд дидактических задач: формировать навыки и умения чтения, используя материалы глобальной сети; совершенствовать умения письменной речи; пополнять словарный запас студентов; формировать устойчивую мотивацию к изучению английского языка; формировать самообразовательную компетенцию. Кроме того, Интернет-технологии в значительной степени помогают удовлетворить потребность в общении, повышают мотивацию к изучаемому предмету, способствуют коммуникации с представителями различных культур, расширяют знания о людях и культуре другой страны.

Таким образом, разнообразие педагогических технологий, с одной стороны, обусловлено развитием педагогической науки и практики, с другой стороны, тем количеством идей, которые обосновываются психолого-педагогической теорией. Поэтому каждая разрабатываемая педагогическая технология имеет свое конкретное функциональное назначение. Безусловно, специфика

учебного предмета должна быть учтена при конструировании учебного процесса, новместестемобщепедагогическиеположения будут иметь приоритетное значение в разработке той или иной технологии, направленной на формирование коммуникативной компетенции в процессе обучения иностранному языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полат, С.Е. Новые технологии в обучении иностранным языкам / С.Е. Полат // Иностранные языки в школе. 2000. №1. С. 4-11.
2. Стародубцева, Е. Обучение языку с использованием ИКТ / Е. Стародубцева // Высшее образование в России. – 2007. №5. – С. 93-95.
3. Krashen, S.D. Principles and Practice in Second Language Acquisition. Language Technology Methodology Series / Prentice Hall Internet(UK) LTD, 1987. 392 p. – Режимдоступа: <http://www.dean.usma.edu/DEAN/images/academicprogram.gift> 05.0605, с. 15.
4. Nunan, D. Language Teaching Methodology: A Textbook for Teachers / D. Nunan. Prentice Hall, 1998.
5. Stewick, E. Memory, Meaning and Method-Rowley / E. Stewick. – 1976, Режимдоступа: <http://www.usma.aimv.edu/bicentennial/history/Preface.asp> 20.09.02, с. 25.
6. Yalden, J. Principles of Course Design for Language Teaching / J. Yalden. — New York: Cambridge University Press, 1995. – 207 p.

АННОТАЦИЯ

Рудковская И. В. Из опыта художественно-эстетического воспитания Германии, Франции и США

В статье рассматривается опыт художественно-эстетического воспитания ведущих европейских стран и США. Процесс развития художественно-эстетического воспитания имеет длительную историю и в разные периоды жизни общества носил разные очертания и имел разное значение. При этом сегодня художественно-эстетическое воспитание в разных странах имеет разное значение. Художественно-эстетическое воспитание захватывает различные стороны психики человека - эмоциональную сферу, мысли и волю, способствует развитию его интеллекта, высших духовных чувств, формированию мировоззрения, оказывает громадное влияние на поступки человека. Знакомство с политикой государств в области просвещения, с педагогическими теориями и учебно-воспитательной практикой в зарубежных странах позволяет вскрыть объективно действующие в педагогической сфере

закономерности, выявить прогрессивные явления и новшества, определить пути развития актуальных задач, стоящих перед школой в настоящее время.

Ключевые слова: художественно-эстетическое воспитание, школьное образование, эмоциональная сфера, художественные ценности, уровень культуры, подрастающее поколение.

SUMMARY

Rudkovskaya I. V. From the experience of artistic and aesthetic education in Germany, France and the USA

The article examines the experience of artistic and aesthetic education of leading European countries and the USA. The process of development of artistic and aesthetic education has a long history and at different periods in the life of society had different outlines and different meanings. Moreover, today artistic and aesthetic education in different countries has different meanings. Artistic and aesthetic education captures various aspects of the human psyche, the emotional sphere, thoughts and will, contributes to the development of his intellect, higher spiritual feelings, the formation of his worldview, and has a tremendous impact on human actions. Acquaintance with the policies of states in the field of education, with pedagogical theories and educational practice in foreign countries allows us to reveal the laws that are objective in the pedagogical sphere, to identify progressive phenomena and innovations, and to define ways to develop the current challenges facing the school at present.

Key words: artistic and aesthetic education, school education, emotional sphere, artistic values, level of culture, younger generation.

*И. С. Святобаченко
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'373.48

ВЛИЯНИЕ СТРУКТУРНОГО ТИПА СКАЗУЕМОГО НА ФУНКЦИОНАЛЬНУЮ ПЕРСПЕКТИВУ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Центром любого предложения-высказывания является его грамматическая основа (подлежащее и сказуемое в двусоставных предложениях либо главный член – в односоставных предложениях). На сегодня в языковедении является распространённым тезис относительно ведущего статуса сказуемого как центрального организующего компонента. С этим утверждением сложно не согласиться, поскольку именно

сказуемое в большей степени отображает пресуппозицию. Так, именные части речи называют тот фрагмент действительности, о котором идёт речь в высказывании, в то время как глагол (который зачастую и является сказуемым или служит элементом составного или сложного сказуемого) отображает процессы, придаёт динамику высказыванию. По нашему мнению, сказуемое существует во всех типах предложений, однако в односоставных номинативных и генетивных оно является формально не реализованным (имплицитным). Таким образом, объектом нашего исследования является функциональная перспектива предложения, предметом – влияние типов сказуемых на распределение коммуникативной нагрузки между компонентами функциональной перспективы высказывания.

В современной лингвистике существует значительное количество классификаций сказуемого в предложении, отображающих различные подходы к данной категории: логический, формальный, грамматический, когнитивный, коммуникативный и т.д.

В рустике распространённым является разделение сказуемых на простые и составные, в составных при этом выделяют именные и глагольные сказуемые (И. Распопов [5], В. Бабайцева [1] и др.). В то же время такая концепция предусматривает некоторые вариации. К примеру, В. Белошапкина предлагает в пределах именного сказуемого выделять существительные, прилагательные и местоимённые подвиды сказуемых [2]. Такая теория является целесообразной, однако только в случае фокусирования исследования именно на морфологических особенностях реализации сказуемого; в противном случае столь детальное рассмотрение особенностей сказуемого приведёт к необоснованному расширению составляющих классификации и избытку морфолого-грамматических терминов.

Существуют также достаточно оригинальные подходы к классификации сказуемых и их функционированию в предложении. П. Лекант при рассмотрении простого сказуемого предлагает учитывать продуктивность типа сказуемого, вследствие чего появляются такие формы сказуемого, как согласованные (продуктивные) и несогласованные (непродуктивные). Кроме того, исследователь в пределах простого сказуемого выделяет осложнённые формы, в которых лексическое значение сказуемого не изменяется, однако приобретает определённую экспрессивную либо модальную окраску. В пределах составного глагольного сказуемого лингвист также выделяет осложнённое составное сказуемое, характеризующееся наличием трёх или более компонентов в составе [4]. Данный подход, как мы считаем,

переносит акцент при классификации сказуемых с формально-грамматического на функционально-грамматический аспект и выносит исследование вопроса типов сказуемых за пределы традиционной парадигмы их рассмотрения.

В русском языке, хоть и редко, однако встречаются формы сказуемого, которые сложно однозначно рассматривать как осложнённое именное или глагольное сказуемое, поскольку осложнёнными («задвоенными») элементами в нём являются именно глагольные единицы, которые в то же время характеризуются меньшей степенью десемантизованности, по сравнению с составными глагольными сказуемыми. Такие образования В. Бабайцева и Л. Максимов выносят в отдельный тип сказуемого (и мы абсолютно согласны с данной точкой зрения) – сложное сказуемое. Основным отличительным признаком таких единиц является наличие трёх и более компонентов в составе (при этом компоненты представлены самостоятельными частями речи или словами-связками) [1]. Так, к сложным сказуемым относятся единицы типа: Я должен был только передать вам письмо (К. Паустовский) – где сказуемым является трёхкомпонентное образование «должен был передать». Как видим, в этом случае нельзя говорить об осложнённой форме составного сказуемого, поскольку именного компонента в этом образовании нет вовсе, а глагольные элементы сохранили свою семантику.

Таким образом, согласно нашей концепции, возможным является выделение таких типов сказуемых: простое сказуемое, составное сказуемое (подтипами которого являются составное именное и составное глагольное сказуемые) и сложное сказуемое. При этом к простому сказуемому относим также образования с аналитическими формами глаголов, глаголы с экспрессивными и модальными вариантами, а также повторения слов.

В нашем исследовании мы обращаемся именно к функциональной перспективе предложения, а не к актуальному членению предложения, т.к. первая из концепций является более гибкой благодаря своей трёхэлементной структуре (топик, фокус и коммент), что, в свою очередь, даёт нам возможность более чётко и в деталях проработать распределение коммуникативной нагрузки в пределах грамматического центра предложения, в частности, в пределах сказуемых разных типов.

По нашему мнению, именно от структуры сказуемого во многом зависит коммуникативная структура всего предложения, в частности, его функциональная перспектива. Например, простое сказуемое содержит название действия (обобщённое, абстрагированное), а члены предложения, занимающие актантные позиции относительно этого сказуемого, уточняют это

действие, актуализируют его именно при этих обстоятельствах и непосредственно в этом речевом акте.

Несколько иной является ситуация с составным сказуемым, поскольку в его состав хотя и входят глаголы (в составном глагольном сказуемом) или глаголы и именные части речи (в составном именном сказуемом), однако глаголы-связки частично утрачивают семантику действия, вследствие чего в таких образованиях остаётся один предикативный центр, а десемантизированная часть отодвигается на периферию предикации. Соответственно, наибольшая коммуникативная нагрузка (фокус высказывания) приходится на единицу с полной семантикой, которая входит в состав сказуемого, а десемантизированный глагол приобретает функцию «посредника» между тем, о чём говорится в сообщении (топиком) и новой сообщаемой информацией, коммуникативно наиболее ценной (фокусом), т.е. является комментарием высказывания. При этом коммуникативный и грамматический аспекты сказуемых тесно взаимосвязаны. Подобную точку зрения на исследуемую проблему высказывает Л. Касаткин: «В простом сказуемом вещественное (конкретное) и грамматическое (абстрактное) значения выражены одной словоформой или лексикализированным сочетанием слов. В составном сказуемом вещественное и грамматическое значения выражаются раздельно, в двух компонентах» [3, с. 666]. Такая точка зрения учёного также свидетельствует о неравномерности распределения коммуникативной нагрузки между компонентами предиката высказывания.

Исследуя семантико-функциональную сторону сказуемых различных типов, П. Лекант предлагает рассматривать вспомогательный компонент в составном глагольном сказуемом как неполнозначный и таковой, который даёт определённую оценку основному действию [4]. Действительно, вспомогательное слово в составном сказуемом не утрачивает полностью семантику (например, глагол «быть» не сохраняет семантику в полной мере в составном именном сказуемом, однако и не переходит в разряд неполнозначных или служебных слов; фазовые глаголы сохраняют семантику, при этом не являясь семантическим ядром сказуемого). В то же время семантическая эмфаза перемещается в сторону основного глагола или именной части составного сказуемого. Таким образом, происходит процесс своеобразной модификации, спецификации значения вспомогательного глагола, который, в свою очередь, обозначает определённое типичное действие, связанное с фазовостью процесса, либо модальности сообщаемого в предложении (например, начал – обобщённое фазовое значение начала действия; начал рисовать – действие

конкретизировано; хотела – типичное ментально-чувственное действие; хотела спросить – действие конкретизировано. При этом даже названные в примерах глаголы на обозначение типологизированных действий характеризуются различной степенью семантической неполноты).

В сложном сказуемом происходит процесс, подобный тому, который наблюдается и в составном сказуемом: коммуникативный центр предикативного образования (фокус высказывания) – непосредственно глагол, который является определяющим относительно организации всей структуры сложного сказуемого, в то же время другие элементы приобретают статус коммента, вводящего коммуникативный центр в состав сообщения. Однако разница происходящих процессов в составном и сложном сказуемых, во-первых, в количественном составе элементов (в составном сказуемом их три и более), во-вторых, в ещё более сложной семантической градации единиц в составе сложного сказуемого по сравнению с составным.

Итак, рассмотрим особенности функциональной перспективы предложения с учётом особенностей грамматической, морфологической и структурной особенностей сказуемых в предложениях.

В двусоставных полных предложениях с простым сказуемым и прямым порядком слов функциональная перспектива высказывания будет иметь линейную форму, а предикат (сказуемое) будет выступать в роли фокуса высказывания уже на первом уровне членения: Ранней весной этого года некто Пётр Евсеевич Гасилин случайно попал на общее собрание жильцов своего дома. (М. Зошенко)

Следует отметить, что состав компонентов функциональной перспективы предложения напрямую зависит также от его распространённости / нераспространённости и заполненности актантных позиций при глаголе-сказуемом. Так, в рассматриваемом предложении заполнены актанта обстоятельства (случайно) и актанта непрямого дополнения (на собрание). При условии наличия заполненных актантных позиций (хотя бы одной) мы можем говорить о членении функциональной перспективы второго уровня, при котором коммуникативная нагрузка будет распределяться по-другому, вследствие чего

препозиционное относительно сказуемого обстоятельство станет выполнять функцию топика высказывания второго уровня, а сказуемое (при наличии прямого / непрямого дополнения) станет комментарием второго уровня, в то время как дополнение возьмёт на себя коммуникативную нагрузку фокуса сообщения:

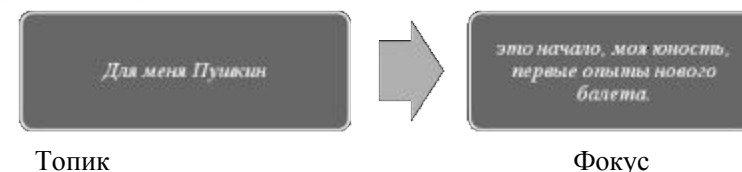
Топик²Коммент²

Фокус

Обращаем внимание, что в данном случае мы работаем только с заполненными актантными позициями сказуемого, не беря во внимание зависимые от других членов предложения единицы, поскольку наша задача – выявить особенности функционирования сказуемых различных типов в функциональной перспективе предложения. При исследовании коммуникативно-функциональной нагрузки всех единиц в предложении речь будет идти уже не о двух, и даже не о трёх уровнях членения, а о значительно расширенной схеме функциональной перспективы предложения, содержащей количество уровней членения, равное количеству членов предложения.

В составных сказуемых ситуация несколько иная: и в глагольных, и в именных составных сказуемых фокус высказывания приходится на семантически значимый компонент предиката, в то время как частично десемантизированные компоненты составных сказуемых представляют собой коммент высказывания и выполняют роль «посредников» между топиком и фокусом высказывания. Однако есть и существенное различие: в составном именном сказуемом фокус высказывания не перемещается на другие единицы при коммуникативном членении второго и последующего уровней, поскольку семантически значимая часть сказуемого выражена именной частью речи и не имеет потенциально заполняемых актантных позиций дополнения. При наличии же в предложении составного глагольного сказуемого семантически значимая часть может иметь заполненную постпозиционную актанту, которая при коммуникативном членении высказывания второго и последующего уровней переместится в фокус высказывания так же, как это происходит в случаях с простыми сказуемыми и дополнениями при них. Рассмотрим эти данные на примерах:

– предложение с составным именным сказуемым: Для меня Пушкин – это начало, моя юность, первые опыты нового балета. (Г. Уланова)

Топик

Фокус

Специфика анализируемого предложения, во-первых, в отсутствии формально реализованного глагола связки «есть» (что соответствует нормам русского языка), следовательно, в отсутствии формально реализованного коммента; во-вторых, наличие однородных сказуемых, которые на первом уровне коммуникативного членения входят в состав единого фокуса высказывания, а на последующих уровнях членения распадутся на три отдельных равнозначных элемента-фокуса высказывания. Однако общая тенденция распределения коммуникативной нагрузки в предложениях с составным именным сказуемым сохраняется;

– в предложениях с составным глагольным сказуемым коммуникативная структура высказывания первого уровня членения напрямую зависит заполненности актантной позиции дополнения, а также позиции самого дополнения. К примеру, в предложении Совесть, вера и нравственная сила помогли ему выстоять (С. Гиндин) – в фокусе высказывания пребывает семантическое ядро сказуемого, представленное инфинитивом, а коммент реализуется через комплетивный глагол. Дополнение, находясь в интерпозиции относительно компонентов сказуемого, будет принадлежать к комменту высказывания.

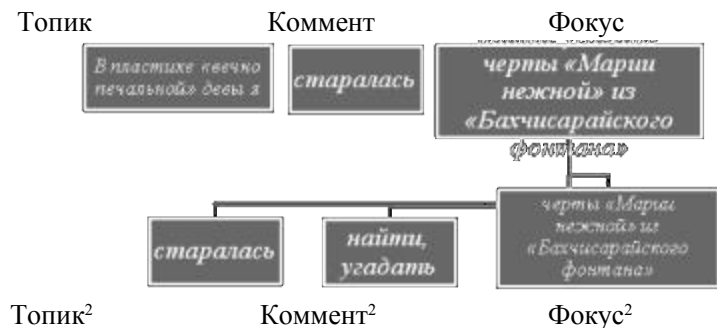
Топик

Коммент

Фокус

Однако если дополнение находится в постпозиции относительно составного глагольного сказуемого, независимо от того, прямое оно или косвенное, дополнение будет в составе фокуса высказывания: В пластике «вечно печальной» девы я старалась найти, угадать черты «Марии нежной» из

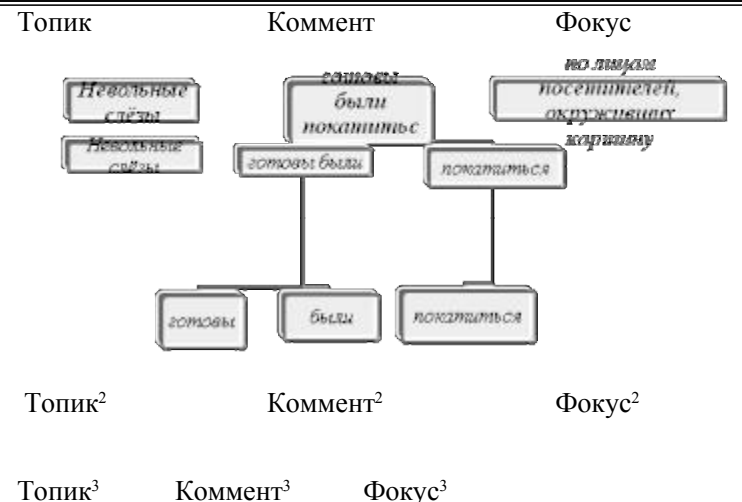
«Бахчисарайского фонтана» (Г. Уланова); при этом на втором уровне членения составное глагольное сказуемое в полном составе переместится в коммент второго уровня, а дополнение, как и в предложениях с простым сказуемым и заполненными актантами дополнения, станет фокусом высказывания второго уровня:

В предложениях с составным глагольным сказуемым с незаполненными актантами при нём семантическое ядро сказуемого занимает позицию фокуса сообщения, а вспомогательный или комплетивный глагол играет роль коммента: И я принялась мечтать, фантазировать... (Г. Уланова)

Функциональная перспектива предложений со сложными сказуемыми будет разниться, в зависимости от количественных, структурных и семантических характеристик компонентов предиката. Однако наблюдаются тенденции, схожие с процессом распределения коммуникативной нагрузки в предложениях с составными глагольными и именными сказуемыми; тем не менее, функциональная перспектива предложений со сложными сказуемыми будет иметь больше уровней членения, даже в пределах рассмотрения только сказуемого: Невольные слёзы готовы были покатиться по лицам посетителей, окруживших картину. (Н. Гоголь)

Таким образом, вопреки сложившемуся мнению о том, что чаще всего роль фокуса высказывания выполняет именно сказуемое, мы в исследовании доказали: место сказуемого и его компонентов в функциональной перспективе предложения в значительной степени зависит от структурного типа сказуемого, а также от заполненности его актантных позиций.

В то же время вопросы распределения коммуникативной нагрузки между различными второстепенными членами предложения на втором и последующих уровнях членения в современной лингвистике ещё не достаточно изучены и являются перспективой наших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В.В. Современный русский язык. Учеб. для пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация / В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.
2. Белошапкова В.А. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др.; Под ред. В.А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1989. – 800 с.
3. Касаткин Л.Л. Русский язык: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений / Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, Л.П. Крысин и др. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 768 с.
4. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. Учеб. пособие для студентов филол.

- специальностей ун-тов и пед. ин-тов / П.А. Лекант. – М. : «Высшая школа», 1974. – 160 с.
5. Распопов И.П. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис: Учеб. пособие / И.П. Распопов, А.М. Ломов. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1984. – 352 с.

АННОТАЦИЯ

Святобаченко И. С. Влияние структурного типа сказуемого на функциональную перспективу предложения

Статья посвящена исследованию особенностей распределения коммуникативной нагрузки между компонентами функциональной перспективы предложения, в зависимости от структурной и морфологической специфики сказуемого, а также влиянию заполненности актантных позиций сказуемого на исследуемое явление.

Ключевые слова: функциональная перспектива предложения, топик, коммент, фокус, сказуемое.

SUMMARY

Svyatobachenko I. S. The influence of predicate structural type on the functional sentence perspective

The article deals with the study of communicative capacity divided between the functional sentence perspective components, depending upon structural and morphological predicate specificity, and also with the predicate actant position fullness that influences the phenomenon under consideration.

Key words: functional sentence perspective, topic, comment, focus, predicate.

*В. А. Филатова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.111-26

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФЕНОМЕНА «ПАМЯТЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ РОАЛЬДА ДАЛЯ «МАЛЬЧИК. РАССКАЗЫ О ДЕТСТВЕ»)

Феномен человеческой памяти как составляющей процесса осмысления реальности бытия является предметом изучения многих дисциплин – философии, психологии, культурологии, литературоведения, лингвистики. Каждая из перечисленных наук даёт свои определения и классификации «памяти». Различные

виды и типы памяти отвечают за восприятие, переработку, хранение, утрату информации, то есть, обеспечивают мнемические процессы, представляющие функционирование механизмов памяти.

Вопросы понимания феномена памяти и мнемических процессов в лингвистике, философии и психологии проанализированы Р.Ф. Исхаковой в кандидатской диссертации «Когнитивно-семантический анализ мнемических глаголов (на материале современного английского языка)» (2009 г.). Теоретические подходы к исследованию памяти в современных социально-гуманитарных науках детально описаны И.В. Тивьяевой в докторской диссертации «Когнитивно-коммуникативная концепция мнемической деятельности» (2018 г.) [3, с. 16-66]. На материале английского языка И.В. Тивьяева исследует лексико-семантическую и грамматическую организацию мнемического высказывания и приходит к выводу, что в маркировании процессов памяти основное значение имеют «глаголы с системным значением памяти, глагольные коллокации памяти, неглагольные единицы, для которых значение памяти также является ядерным, и лексические единицы с метонимическим значением памяти» [3, с. 307].

Цель данной статьи – проанализировать, как лексически представлены процессы хранения, воспроизведения и утраты информации из памяти в автобиографической повести Р. Даля «Мальчик. Рассказы о детстве»; исследовать основные глаголы памяти и слова ретроспективной семантики.

«Мальчик» – автобиографическое произведение, посвящённое детству Роальда Даля, которое начинается с уведомления, что его книга – не автобиография. (“An autobiography is a book a person writes about his own life and it is usually full of all sorts of boring details. This is not an autobiography. I would never write a history of myself” [4]. – «Автобиография – это книга, которую пишут, чтобы рассказать о собственной жизни, и в ней, как правило, полно всяких скучных деталей и подробностей. Эта книга – никакая не автобиография. Я никогда не взялся бы писать историю собственной жизни» (здесь и далее перевод И. Захарова) [1].

Тем не менее, в этом предисловии дана установка на повествование от первого лица, которая определяет форму изложения в виде непосредственного рассказа. А основная коммуникативная задача при создании автобиографического произведения, как известно, является передача информации о своём прошлом, что непосредственно связано с различными видами и процессами памяти (хранение, воспроизведение, забывание). На лексическом уровне эти процессы маркируются

глаголами, устойчивыми выражения с глагольным ядром, существительными. Все перечисленные части речи далее представлены в предисловии:

“On the other hand, throughout my young days at school and just afterwards a number of things happened to me that I *have never forgotten*.”

Each of them, even after a lapse of fifty and sometimes sixty years, has remained seared on *my memory*.

I didn't have *a search for* any of them...

Some are funny. Some are painful. Some are unpleasant. I suppose that is why I *have* always *remembered* them so vividly. All are true” [4].

«С другой стороны, в юном возрасте, то есть в школе и сразу после нее, со мной случалось немало такого, про что я никогда не забуду.

Все они, хотя минуло вот уже пятьдесят, а то и шестьдесят лет, до сих пор у меня в памяти.

Так что нет нужды силиться их вспомнить...

Некоторые воспоминания – забавны. Другие – болезненны. Третьи – неприятны. Может, потому я помню их так живо. И все – правда» [1].

Как видно из приведённого отрывка предисловия, автор воспоминаний настраивает читателя, что его произведение будет представлять собой повествование-воспоминание, в котором чётко обозначены даты описываемых событий (пятьдесят-шестьдесят лет назад). Дата написания зафиксирована в первой главе (“Starting-point” – «Точка отсчета»): “I am writing these words in 1984” [4, с. 3]. – «Я пишу эти строки в 1984 году» [1]. Что в дальнейшем даст повествователю возможность сравнивать события, употребляя темпоральные наречия “*now*”, “*then*” и “*still*”, подчёркивая временной разрыв между описываемыми событиями и моментом воспоминаний. Например: “Like the cathedral, the school is *still* there and *still* flourishing” [4, с. 23]. – «Как и собор, эта школа и по сей день действует на том же месте и по-прежнему процветает» [1].

Разница между событиями в настоящем и в прошлом на лексическом уровне подчеркивается с помощью словосочетаний “*in those days*” (18 случаев употребления), “*at that time*” (3 случая), “*at the time*” (5 случаев). Перечисленные выражения очень близки по значению и относятся к тематической группе прошлого:

“It was a tremendous thing *in those days* for a young man to be going off to Africa to work” [4, с. 217]. – «В те времена это было очень даже нешуточное дело – ехать в Африку, да еще такому молодому человеку» [1].

“*I think I was eight at the time*” [4, с. 78]. – «Наверное, мне тогда было лет восемь» [1].

“*In those days* fuel meant only one thing. It meant coal. There were no oil-burning motorships on the high seas *at that time*” [4, с. 7]. – «В те времена слово «топливо» имело только один смысл. Оно означало «уголь». Тогда не было морских судов с двигателями внутреннего сгорания, в которых используется дизельное топливо или солярка» [1].

В повествовании также:

– отчётливо задана точка начала личных детских воспоминаний:

“*So in 1918, when I was two*, we all moved into an imposing country mansion beside the village of Radyr, about eight miles west of Cardiff. I *remember* it as a mighty house with turrets on its roof and with majestic lawns and terraces all around it” [4, с. 12]. – «Так что в 1918 году, когда мне было два года, все мы переселились в импозантный загородный особняк близ деревни Радир, примерно в двенадцати километрах к западу от Кардиффа. Помню мощный дом с башенками на крыше и царственно роскошные газоны и террасы вокруг него» [1].

– анализируются особенности детской памяти:

“It is astonishing how little one remembers about one's life before the age of seven or eight. I can tell you all sorts of things that happened to me from eight onwards, but only very few before that” [4, с. 18]. – «Просто поразительно – до чего же мало мы запоминаем до семи-или восьмилетнего возраста. Я могу рассказать вам про кучу всякой всячины, случавшейся со мной начиная с восьмилетнего возраста и далее, но очень немного про то, что происходило со мной до того» [1].

Особенности обработки информации в памяти, по мнению Р. Исхаковой, «передаются в английском языке глаголами *remember* и *forget*» [2, с. 5]. И.В. Тивьяева выделяет десять «мнемических глаголов относительно маркирования процессов памяти в рамках мнемического высказывания» в английском языке: *remember, recall, reminisce, recollect, remind, forget, memorize, misremember, unforget, mind*; наибольшим потенциалом среди которых обладает глагол – *to remember* [3, с. 240].

В словаре английского языка и культуры (“Longman Dictionary of English Language and Culture”) даётся несколько определений глагола “to remember”:

1) *to (be able to) bring back to one's mind (information, past events etc); keep in memory*;

2) *to take care not to forget*” [5, с. 1165].

Глагол “to forget” имеет противоположное значение:

"1 *to fail to remember or keep in the memory*; ... 3) *to stop thinking about, put out of one's mind*" [5, с. 539].

В автобиографической повести Р. Даля «Мальчик. Рассказы о детстве» глагол **to remember** употребляется 29 раз и маркирует:

– процесс хранения информации в памяти:

"The Headmaster is the only teacher at Llandaff Cathedral School that I can **remember**, and for a reason you will soon discover, I can **remember** him very clearly indeed" [4, с. 43] – «Этот директор – единственный учитель Соборной школы в Лландаффе, которого я могу вспомнить, и вы скоро узнаете, почему я помню его очень отчетливо» [1].

– утрату информации:

"I went for a whole year to Elmtree House but I **cannot** even **remember** what my classroom looked like" [4, с. 19]. – «Я ходил целый год в этот Дом Вяза, но не помню даже, как выглядела классная комната» [1].

"I **cannot remember** all the other thousands of splendid things that old Corkers cooked up to keep his class happy, but there was one that I **shall never forget** which was repeated at intervals of about three weeks throughout each term" [4, с. 187]. – «Не вспомнить уже все прочие замечательные штуки, придуманные учителем Коркерзом, чтобы развлечь свой класс, но одну его выходку я никогда не забуду, да и повторялась она не реже чем раз в месяц» [1].

И.В. Тивьева подчёркивает два традиционно выделяемых вида воспоминаний: «непроизвольное, имеющее место, когда мнемический опыт актуализируется без специальной задачи, и произвольное, обусловленное реализацией конкретной задачи» [3, с. 247]. На лексическом уровне оба вида воспоминаний передаются глаголом **to remember**. Проиллюстрируем примерами из автобиографической повести Р. Даля:

1) "Even now, sixty years later, I can still **remember** that Dobson's father was a doctor and that he lived, as I had learnt from the label on Dobson's tuck-box, at The Red House, Uxbridge, Middlesex" [4, с. 138]. – «Даже теперь, шестьдесят лет спустя, я все еще помню, что отец Добсона был врачом и что этот Добсон жил в Аксбридже, в графстве Миддлсекс» [1].

2) "I have no doubt at all that, thirty-five years later, when I was looking for a plot for my second book for children, I **remembered** those little cardboard boxes and the newly-invented chocolates inside them, and I began to write a book called *Charlie and the Chocolate Factory*" [4, с. 184]. – «Когда через тридцать пять лет я все никак не мог придумать, про что написать свою вторую детскую книжку, я вспомнил про эти картонные коробки с образцами новых, только что изобретенных сортов шоколада,

и стал сочинять книгу, которую назвал «Чарли и шоколадная фабрика» [1].

В тех случаях, когда попытки, направленные на воссоздание хранящейся в памяти информации, не приносят успеха, наблюдается мнемический процесс потери информации, который лексически выражается глаголом **to forget**. В автобиографической повести «Мальчик» **to forget** в разных грамматических формах употребляется 15 раз, для того чтобы показать непроизвольный или произвольный характер забывания:

"And then he read out the other three names which I **have forgotten**" [4, с. 50]. – «...потом он прочел еще три фамилии, которые я сейчас уже не помню» [1].

"The first goes away the moment you walk out of the school grounds and the second **is forgotten** as soon as the ship enters port" [4, с. 109]. – «Первая сразу же проходит, стоит только выйти за ворота школьного двора, про вторую забываешь, как только корабль входит в портовую гавань» [1].

Из приведённых примеров видно, что глаголы **to remember** и **to forget** употреблены как лексические маркеры процессов памяти в автобиографическом тексте.

Читатель воспринимается как языковая личность, способная понимать и анализировать информацию. Для автобиографического повествования Р. Даля характерно включение в текст обращений к читателю с мнемическими глаголами:

"And **do not forget** please that it was these very hands and fingers that she plunged into the sweet-jars ..." [4, с. 33]. («И не забывайте: этими самыми руками и пальцами она лазила в банки со сладостями ...» [1]).

"**Do not forget** that there were no commercial aeroplanes in those times" [4, с. 60]. – «Не стоит забывать, что в те времена не было пассажирской авиации» [1].

"You **must remember** that there was virtually no air travel in the early 1930s" [4, с. 170]. – «Надо вам напомнить, что в начале 1930-х годов по воздуху практически не путешествовали» [1].

"It **is worth reminding** the reader once again of my age" [4, с. 139]. – «Надо еще раз напомнить читателю, сколько мне тогда было лет» [1].

Для того чтобы убедить читателя в правдивости своих слов и в точности своих воспоминаний, Р. Даль дополняет смысловое значение глагола **to remember** наречиями **clearly** (5 случаев употребления выражений **I can remember very clearly**), **vividly** (2 случая) и **rightly** (единожды в значении «если я правильно помню» – **if I remember rightly**).

Кроме глаголов мнемической семантики процессы памяти могут быть выражены другими частями речи, а именно – существительными и прилагательными «с системным значением памяти» [3, с. 262]. И.В. Тивьяева рассматривает шесть значений лексемы *memory*, которые описывают «различные аспекты вербализации памяти и ее процессов» [3, с. 262]. Среди определений существительному *memory* в английском словаре, приведём первые два: “ability to remember events and experience” и “an event or experience that one remembers from the past” [5, с. 875] (способность помнить события и опыт и собственно воспоминание из прошлого).

В автобиографическом тексте Р. Даля существительное *memory* употребляется 6 раз и означает:

– сознание как место хранения информации:

“It is possible that Mr Coombes was a perfectly normal being, but *in my memory* he was a giant” [4, с. 43]. – «Имя ему было – мистер Кумбз, и в моей памяти хранится картинка крупного человека...» [1].

– воспоминание о событиях в прошлом:

“So much, then, for *my memories* of kindergarten sixty-two years ago. It’s not much, but it’s all there is left” [4, с. 20]. – «Вот и все мои воспоминания шестидесятидвухлетней давности про мой детский сад. Не густо, но это все, что осталось» [1].

“My second and only other *memory* of Llandaff Cathedral School is extremely bizarre” [4, с. 25]. – «Второе и последнее мое воспоминание о Соборной школе в Лландаффе поражает своей диковинностью» [1].

С существительными мнемической семантики также употребляются глагольные единицы со значением хранения или удержания в памяти:

“Only two moments *remain* clearly *in my mind*” [4, с. 24]. – «Только два эпизода отчетливо запечатлелись в моем сознании» [1].

“Great excitement is probably the only thing that really interests a six-year-old boy and it *sticks in his mind*” [4, с. 19]. – «Волнение, большое возбуждение – видимо, только это по-настоящему интересует шестилетнего мальчика и застревает у него в мозгу» [1].

“I *do have* a blurred *memory* of sitting on the stairs and trying over and over again to tie one of my shoelaces, but that is all that *comes back to me* at this distance of the school itself” [4, с. 19]. – «Мне смутно припоминаются какие-то ступеньки, и я сижу на одной из них и все пытаюсь завязать шнурок на ботинке, но больше мне ничего не удается вспомнить об этой самой школе» [1].

Воспоминания могут быть положительными или отрицательными, приятными или неприятными. Чтобы обозначить оттенок воспоминаний, в препозиции к существительному автор воспоминаний употребляет имя прилагательное с субъективной, эмоциональной оценкой. Например: “I have only one *unpleasant memory* of the summer holidays in Norway” [4, с. 78]. – «Только одно неприятное воспоминание осталось у меня от летнего отдыха в Норвегии» [1].

Слова, принадлежащие к другим частям речи, по мнению И.В. Тивьяевой, имеют «ограниченные возможности в отношении манифестации процессов памяти в англоязычной коммуникации» [3, с. 266]. Исследовательница выделяет только три имени прилагательных мнемической семантики – *memorable*, *unforgettable*, *reminiscent* [3, с. 266]. Два из них употребляются в детских воспоминаниях Р. Даля: *memorable* – в значении «памятный, запоминающийся» и *unforgettable* – «незабываемый»:

“None of them, that is, until suddenly, one *memorable* afternoon, we found the dead mouse” [4, с. 35]. – «Ни один, то есть, не пошел в дело, но только до тех пор, пока вдруг, в один хорошо всем памятный день, после школы нам не подвернулась дохлая мышь» [1].

“Apart from being the creamiest ice-cream in the world, the flavour was *unforgettable*” [4, с. 65]. – «Не говоря уже о том, что это было самое сливочное мороженое из всех сливочных мороженых на свете, еще и аромат оно издавало незабываемый» [1].

Подводя итог, отметим, что в автобиографическом произведении Роальда Даля «Мальчик. Рассказы о детстве» поставленная коммуникативная задача (передача информации о прошлом) на лексическом уровне передается различными частями речи. Чаще всего процесс сохранения информации в памяти, восстановления или, наоборот, утраты маркируется при помощи глаголов *to remember* и *to forget*. Существительное *memory (memories)*, означающее сознание, где хранится информация, или непосредственно сами воспоминания, может употребляться самостоятельно или включаться в глагольные сочетания. При помощи лексемы *memory* описываются все процессы, связанные с памятью. Прилагательные мнемической семантики, функционирующие в английском языке, также употреблены в повествовании для описания значимых событий или впечатлений. Большое количество слов ретроспективной семантики погружает в атмосферу прошлого, иллюстрирует успешные или малоуспешные попытки извлечь информацию из памяти и точно воспроизвести её, чтобы убедить читателя в искренности своих слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль Р. Мальчик. Рассказы о детстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://e-libra.ru/read/334620-mal-chik-rasskazy-o-detsve.html>
2. Исхакова Р. Ф. Когнитивно-семантический анализ мнемических глаголов (на материале современного английского языка) : автореф. дис. на соискание учён. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 – Германские языки / Р. Ф. Исхакова. – 2009. – 19 с.
3. Тивьяева И. В. Когнитивно-коммуникативная концепция мнемической деятельности : дис. доктора филол. наук : спец. 10.02.19 – Теория языка / И. В. Тивьяева. – 2018. – 389 с.
4. Dahl R. Boy: Tales of Childhood / Roald Dahl. – Puffin Book, 2016. – 244 p.
5. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Pearson Education Limited, 2005. – 1620 p.

АННОТАЦИЯ

Филатова В. А. Лексико-семантическая репрезентация феномена «память» (на материале автобиографической повести Роальда Даля «Мальчик. Рассказы о детстве»)

В статье на лексическом уровне анализируются три процесса работы памяти (хранение, воспроизведение, забывание) в автобиографической повести английского писателя Р. Даля «Мальчик. Рассказы о детстве». Автором статьи исследованы основные мнемические глаголы (*to remember / to forget*) и слова ретроспективной семантики (существительные, прилагательные, темпоральные наречия). Частотность выражения процессов памяти принадлежит глаголу *to remember* и существительному *memory*.

Ключевые слова: память, автобиографическое повествование, мнемические глаголы, слова ретроспективной семантики.

SUMMARY

Filatova V. A. The lexical and semantic representation of memory phenomenon (based on Roald Dahl's autobiographical novel «Boy: Tales of Childhood»)

The article analyzes three processes of memory (storage, reproduction, forgetting) in R. Dahl's autobiographical novel «Boy: Tales of childhood» at the lexical level. The author of the article investigated the main mnemonic verbs (*to remember / to forget*) and the words of retrospective semantics (nouns, adjectives, temporal adverbs). The frequency of expression of memory processes belongs to the verb *to remember* and the noun *memory*.

Key words: memory, autobiographical narrative, mnemonic verbs, retrospective semantics words.

С. Б. Фомина
(г. Алчевск, ЛНР)

УДК 81'1/4

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ БИНАРНЫХ
КАТЕГОРИЙ «ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ»
И «НЕПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ»
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Современные фразеологические исследования включают широкий круг проблем, которые связаны с семантикой, структурой, составом, а также особенностями функционирования фразеологизмов. К наиболее актуальным можно отнести такие проблемы как, например, уточнение значения фразеологической единицы, изучение процессов возникновения новых фразеологизмов и их закрепление в языке, черты эмоционально-оценочных характеристик фразеологизмов, использование фразеологизмов в речевой деятельности человека и другие.

Интерес к фразеологии объясняется, прежде всего, большим семантическим, структурным и функциональным разнообразием тех единиц, которые воспринимаются как устойчивые соединения слов. Однако специфика объекта исследования фразеологии как отдельной лингвистической отрасли вызывает трудности в определении как места фразеологического уровня в иерархии языковой структуры, так и места фразеологии среди других лингвистических дисциплин. Одна из приоритетных задач фразеологии – создание типов классификаций фразеологизмов, основанных на различных принципах, вопросы, касающиеся методов их изучения и семантизации.

Актуальность статьи обусловлена необходимостью специального исследования форм языковой и культурной репрезентации категории внешности человека в английской фразеологии, т.к. фразеосемантическая система языка отражает социокультурный код личности, а круг интересов таких современных направлений как психолингвистика, лингвокультурология, социоллингвистика лежит в рассмотрении языка с антропоцентрической точки зрения, т.е. человек анализируется в языке, а язык в человеке.

Предметом исследования являются семантические особенности средств фразеологической вербализации бинарных

категорий «Привлекательность» и «Непривлекательность» в английском языке.

Цель состоит в описании семантических характеристик фразеосемантических полей «Привлекательность» и «Непривлекательность» в современном английском языке и выявлении специфики его конститuentов.

Фразеологизм рассматривается как лингвистическое явление и представляет собой семантически целостную, относительно устойчивую, воспроизводимую, экспрессивную единицу, выполняющую номинативную функцию. Вербализация фразеологического уровня языка определяется через прагматическое и коннотативное значение.

Национально-культурная специфика фразеологии рассматривается как с позиции синхронии, так и диахронии. Это позволяет носителям языка, основываясь на знании своей национальной культуры, правильно расшифровывать главную идею, лежащую в основе фразеологизма, однако, для представителей иной культуры, могут ускользать значимые смыслы. Например, истоки фразеологизма *get on the high horse* (держаться высокомерно) [10] берут основу в феодальном обычае нести военную службу на лучших лошадях, так кавалерия смотрела сверху вниз на обычных пехотинцев. Фразеологические единицы не только отражают культуру и быт того или иного языка, но и помогают сделать речь наиболее выразительной и эмоциональной.

Большинство языковедов выделяет целостность значения фразеологизма, его неделимость, а также способность воспроизводиться в готовом виде. Таким образом, учеными выделяются различные признаки фразеологизмов: семантическая целостность или семантическая неделимость; метафоричность; воспроизводимость; наличие не менее двух знаменательных слов; сложность перевода с других языков.

В структурно-семантическом плане фразеологические единицы являются сложными образованиями, так как представляют собой сочетание двух или нескольких компонентов. Лексическое значение слова и значение фразеологизма не адекватны, хотя и коррелируют между собой. Не все фразеологические единицы семантически соотносятся со словом при осязательности, казалось бы, их близости, иногда невозможно передать значение фразеологизма одним словом: точить зубы; большая шишка; *high blood*; *be free of one's flesh* (быть храбрым) и тому подобное.

В современной лингвистике фразеосемантическое поле рассматривается как вид семантического поля. Согласно определению понятия фразеосемантического поля М. В.

Никитиным «это семантическое поле, которое состоит из фразеологизмов (или фразеологических единиц), относящихся к определенной тематике». Также, М. В. Никитин утверждает, что такие поля имеют различные семантические признаки, согласно определенным категориальным признакам [4; с. 347]. В структуре фразеосемантического поля наиболее важным является определение ядра и периферии.

Л. И. Антропова в своей работе дает следующее определение понятия «фразеосемантическое поле» – «это совокупность лексических единиц, или фразеологических единиц, которые объединены общей идеей или тематикой и характеризуются определенными внутрисистемными отношениями». При этом, она разделяет понятия фразеосемантическое поле и фразеосемантическая группа. В ее понимании фразеосемантическая группа является подвидом или же подгруппой фразеосемантического поля [1; с. 59]. Ядро фразеосемантической группы составляет синонимический ряд фразеологических единиц, объединенных общим для них инвариантом.

Составным компонентом лексико-семантического, а в данном случае фразеосемантического поля, являются лексико-семантические группы слов (ЛСГ). Л. М. Васильев считает, что «термином лексико-семантическая группа можно обозначить любой семантический класс слов (лексем), объединенных хотя бы одной общей лексической парадигматической семой или хотя бы одним общим семантическим множителем» [2; с. 105–113]. ЛСГ выделяются на основе семантического признака – определяющей семы, повторяющейся во всех лексических единицах класса и дифференцирующих сем, противопоставляющих данную лексему другим лексемам структуры микрополя. В значениях ЛСГ всегда есть единая категориальная лексическая сема. Как лексика, так и ее фразеологический состав, характеризуется свойством группироваться по семантическим классам.

Так, фразеологизмы с семантикой показателей привлекательности человека формируют фразеосемантическое поле, а фразеологизмы, описывающие внешние признаки, поведение, характер или телосложение человека, образуют фразеосемантическую группу этого поля, так как они описывают человека, но уже в более узком смысле.

Лексико-семантическая (ЛСГ) и фразеосемантическая (ФСГ) группы являются разновидностью семантической группы: в одних характеризуются семантические признаки слов, в других – фразеологические единицы (ФЕ). В основе дефиниции ФСГ в А. И. Черной [7; с. 121]: «Под фразеосемантической

группой мы понимаем совокупность фразеологических единиц, принадлежащих, в формально-грамматическом отношении, к одной части речи, в которых общие семантические и дифференциальные признаки (смысловые и стилистические), которые полностью характеризуют смысловую структуру фразеологической единицы.

В рамках фразеосемантической группы интегральные и дифференциальные семы находятся во взаимоотношениях, и создают иерархическую систему, при этом каждый семантический признак является дифференциальным. Выделение семантических признаков и их сопоставление в виде иерархической системы имеет большое методологическое значение для построения ФСГ. Выделенные в результате анализа фразеологического значения и идентификации семы, интегральные и дифференциальные семантические признаки являются основой построения ФСГ. Под фразеосемантической группой мы понимаем совокупность фразеологических единиц и устойчивых словесных комплексов, объединенных общей идеей, характеризующихся внутренними системными парадигматическими отношениями, имеющими интегральные элементы, тот или иной набор дифференциальных признаков. Ядро фразеосемантической группы составляет синонимический ряд фразеологических единиц, объединенных общим для них инвариантом. В структуре фразеосемантического поля наиболее важным является определение ядра (центра) и периферии [6].

Общепринятой считается классификация привлекательности и непривлекательности по аксиологическому (оценочному принципу). Так, внешний облик является средством отражения индивидуальных особенностей человека и их оценки другими людьми. Черты лица, общий силуэт тела – это первые информационные данные, доступные органам восприятия, находящиеся на виду во время социального взаимодействия [5]. Внешний облик определяют в американской психологии как физическую характеристику, которая включает в себя пропорции телосложения, черты лица, рост, цвет кожи и прочее. Подчеркивается также культурная и социальная обусловленность оценки человека как привлекательного или непривлекательного, с учетом его внутреннего мира. Именно социум создает стереотипы представлений о красоте внешней и внутренней, несоответствие личности этим стереотипам вызывает отрицательное и отчужденное отношение общества [3; с.140].

Рассмотрим фразеосемантические поля «Привлекательность» и «Непривлекательность» на основе наиболее употребляемых

ФЕ в интернет-источниках и рассчитаем удельный вес каждой из черт от общих характеристик. Общее количество фразеологизмов, исследуемых нами полей насчитывает 80 номинаций, где фразеологическое поле «Привлекательность» насчитывает 28 ФЕ фразеологизмов, «Непривлекательность» 52 ФЕ.

Итак, рассмотрим поле «Привлекательность», путем выборки и интерпретации положительных черт на основе модели типологии личности. Обратим внимание, что представление о привлекательности, красоте человека, зачастую включает категориальные признаки как телосложения, так и роста, телосложения соответственно.

Лицо и общие показатели внешности: *as pretty as a picture* (не человек, а картинка); *milk and roses* (кровь с молоком); *fashion plate* (красивый как с картинки); *cute as a bug's ear* (симпатичный), *handsome as Apollo* (красив как Аполлон); *not a hair out of place* (выглядит превосходно).

Характер: *high mind* (благородный); *like a clock* (точный); *a goody two shoes* (добродетельный); *pure as a lily* (добросердечный, непорочный); *as solid as a rock* (твердый как скала, надежный), *a clear (good) conscience* (совестливый); *a big heart* (благородный); *as good as gold* (золотой человек), *honest to God* (честный), *as bold as brass* (смелый), *good-natured* (быть благодушным), *nimble as a squirrel* (шустрый как белка), *a good mixer* (общительный), *merry as a marriage-bell* (очень веселый, жизнерадостный).

Отметим, что художественная литература является источником фразеологизмов: *"merry as a marriage-bell* – это выражение создано Дж. Байроном: *"Soft eyes look'd love to eyes which spake again, And all went merry as a marriage-bell"* ('Childe Harold's Pilgrimage') [10].

Ум: *shining eyes* – блестящий ум, *a good egg* (умница), *a clever dog* (умница, ловкий).

Фразеологизмы зачастую употребляются в СМИ с целью привлечения внимания аудитории, придавая газетному стилю элементы разговорного: *"She evokes her character's classic colonial glamour, but depicts her dashing about nursing the sick and injured, and being a generally good egg."* (Она пробуждает в героине классический колониальный гламур, но изображает ее помешанной на уходе за больными и ранеными, и вообще просто умницей) [8].

Манеры, поведение: *as graceful as a swan* – грациозен как газель, *a poker face* (невозмутимый);

Одежда, стиль: *as neat as a pin* (одетый как с иголки), *look like a million dollars* (выглядеть на все сто), *dressed to kill* (разодетый).

Рассмотрим поле «Непривлекательность», путем выборки и интерпретации отрицательных черт.

Рост низкий: *knee-high to a duck* (от горшка два вершка); *knee-high to a mosquito* (крошечный);

высокий: *built like a brick* (каланча пожарная (очень высокий)).

Телосложение: худой: *meat sack* (мешок костей), *as thin as a rake* (тоньше спички), *skinned rabbit* (настоящий скелет, кошка драная), *skin and bone* (кожа и кости), *thin as a lath* (худой как щепка);

толстый: *as fat as a pig* (слишком толст), *as heavy as a lead* (толстяк).

Лицо: *as ugly as a sin* (страшен, как грех); *bulbous nose* (нос картошкой); *between hay and grass* (ни кожи, ни рожи); *pale as death* (бледный как смерть); *white as a sheet* (бледный как полотно), *an ugly duckling* (гадкий утенок), *blue stocking* (непривлекательная женщина)

Характер: *half angel half bird* (ни рыба ни мясо), *greedy pig* (жадная свинья), *lord of monkeys* (хитрый как лиса), *know black from white* (быть себе на уме), *an oily tongue* (лстец), *two-faced Janus* (двуликий Янус), *a fair cow* (мошенник, негодяй), *the hound of hell* ((разг.) негодяй), *white liver* (трусливый), *a yellow dog* (подлый трусливый человек), *fair-weather friend* (ненадежный друг), *false head* (вероломный), *a gay dog* (беспутный человек), *lazy beggar* (лентяй), *a nosey Parker* (негат. любопытная Варвара), *cheap skate* (скупец), *a black sheep* (паршивая овца), *a dirty dog* (дрянь, подлец), *neither fish nor fowl* (безвольный), *have rats in the attic* (странный человек), *quick on the trigger* (импульсивный), *a publicity hound* (хвастун), *black horse* (темная лошадка), *tricky Dick* (Хитрый Дик, зловредный).

Идиома *tricky Dick* произошла от прозвища бывшего президента США Ричарда Милхауса Никсона, данного ему в ходе выборов в Конгресс в 1948. Основой его предвыборной кампании были популистские обвинения соперников [11].

Фразеологизм *two-faced Janus* связан с именем древнеримского бога восхода и захода солнца, обычно представляющий собой одну голову с двумя бородатыми лицами спиной к спине, глядя в противоположных направлениях [9].

Ум: *ore hair than wit* (на голове густо, да в голове пусто), *silly cow* (глупая корова).

Манеры, поведение: *a tame spaniel* (подлиза, лстец), *a bull in a china shop* (слон в посудной лавке – неуклюжий), *as cool as a cucumber* (невозмутимый, хладнокровный), *like a lamb* (простак).

Одежда, стиль: *down at heel* (плохо одетый), *look a sight* (жалкое зрелище), *mutton dressed as lamb* (престарелая модница), *to look a sight* (жалкое зрелище).

Таким образом, в полях «Привлекательность» и «Непривлекательность» нашли отображение как национальный и исторический опыт, так и повседневный жизненный опыт англоязычного населения.

Анализ фразеологического поля «Привлекательность» показывает, что наибольшее число ФЕ относится к группе «Характер» 14 (50%), следующая группа «Лицо и общие показатели внешности» 6 ФЕ (22%), затем выделим группу «Одежда, стиль» 4 ФЕ (14%), далее выделим группы «Манеры» 2 ФЕ (7%) и «Ум» 2 ФЕ (7%). Таким образом, высказывание немецкого философа Эммануила Канта «Прекрасное — это символ морального добра» отражается во внутреннем мире, что является частью красоты человеческой.

В фразеологическом поле «Непривлекательность» наибольшее число фразеологических оборотов относится к группе «Характер» 24 (46%), следующая группа «Лицо» 7 ФЕ (15%), «Телосложение» 7 ФЕ (15%), «Рост» 4 ФЕ (7%), затем выделим подгруппу «Одежда, стиль» 4 ФЕ (7%), группы «Манеры» 4 ФЕ (7%) и «Ум» 2 ФЕ (3%).

Ранжирование классификационных признаков (групп) фразеосемантических полей «Привлекательность» и «Непривлекательность» по полевой структуре формирует представление об их иерархическом расположении в зонах ядра и периферии. К ядерным характеристикам фразеосемантических полей можно отнести характер человека. Как говорит индийская мудрость: «Украшение человека — мудрость, украшение мудрости — спокойствие, украшение спокойствия — отвага, украшение отваги — мягкость». К ближней периферии относятся внешние показатели, а именно лицо, телосложение и рост, причем среди показателей привлекательности, все эти компоненты представляют единое целое.

Таким образом, анализ фразеосемантического поля показал, что аксиологический признак лежит в основе качественных показателей привлекательности человека, а «В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли» (А. П. Чехов).

ЛИТЕРАТУРА

1. Антропова Л. И. Современная разговорная речь. Монография. / Л. И. Антропова. — Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ им. Г. И. Носова», 2005. — 111 с.

2. Васильев Л. М. Теория семантических полей / Л. М. Васильев // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 105–113.
3. Непп М., Холл Дж. Невербальное общение / М. Непп, Дж. Холл – СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. – 254
4. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. Учебное пособие. 2-е издание, дополненное и исправленное / М. В. Никитин — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – 819 с.
5. Рамси Н., Харкорт Д. Психология внешности / Н. Рамси, Д. Харкорт – СПб.: Питер, 2009. – 256 с.
6. Фомина С. Б. Семантико-когнитивный подход в лингвистическом анализе темпоральных фразеологизмов современного английского языка / С. Б. Фомина // // Культура слова: эл. научный журнал. – 2019 – №1(2). URL: <https://jword.ru/archive/2/21>
7. Черная А. И. К вопросу о выделении и составе фразеосемантического поля / А. И. Черная // Исследования по лексической сочетаемости и фразеологии. – М., 1974. – С. 117–131.
8. Decca Aitkenhead Gillian Anderson: ‘I have to constantly settle myself down from the state of being aggravated’ // The Guardian – 2017 – Saturday 11 March [Electronic resource] / URL: <https://www.theguardian.com/culture/2017/mar/11/gillian-anderson-times-when-really-bad> (дата обращения : 12.04.2020).
9. Draft EO to ‘Make Federal Buildings Beautiful Again’ causes stir with current, former officials // Federal News Network, Feb 7, 2020 / URL: <https://clck.ru/McJv6> (дата обращения: 10.02.2019).
10. СЭА: Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс] / URL: : <http://dic.academic.ru/> (дата обращения : 02.10.2020).
11. Learn English Online – Idiomatic Expressions [Electronic resource] / URL: http://www.myenglishpages.com/site_php_files/random-idiom.php?c=899 (дата обращения : 02.10.2020).

АННОТАЦИЯ

Фомина С. Б. Фразеологическая вербализация бинарных категорий «привлекательность» и «непривлекательность» в английском языке

Статья посвящена проблеме функционирования семантических особенностей средств фразеологической вербализации бинарных категорий «Привлекательность» и «Непривлекательность» в английском языке. Описаны семантические характеристики

фразеосемантических полей «Привлекательность» и «Непривлекательность», выявлена специфика их конститuentов.

Ключевые слова: фразеология, фразеосемантическое поле, фразеосемантическая группа, классификационные признаки, типология личности, ядро, периферия.

SUMMARY

Fomina S. B. Phraseological verbalization of the binary categories «Attractiveness» and «Unattractiveness» in English

The article is devoted to the problem of the functioning of the semantic features of the means of phraseological verbalization of the binary categories «Attractiveness» and «Unattractiveness» in the English language. The semantic characteristics of the phraseosemantic fields «Attractiveness» and «Unattractiveness» are described and the specificity of their constituents is revealed.

Key words: phraseology, phrase-semantic field, phrase-semantic group, classification signs, personality typology, core, periphery.

*Н. А. Ясинецкая,
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'255.4'373.49

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ЭВФЕМИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. П. ЧЕХОВА)

Лингвистическая суть эвфемизации речи состоит в том, что явления, которые воспринимаются обществом как заведомо отрицательные, неуместные, неблагоприятные, скрываются или вуалируются при помощи нейтральной по смыслу лексики или описательных выражений. Эвфемизмы помогают манипулировать сознанием и восприятием реципиента благодаря созданию нейтральной или даже кажущейся положительной коннотации. Для эвфемизации речи характерны три аспекта – социальный, психологический и лингвистический.

Следует отметить, что эвфемия наиболее популярна в средствах массовой информации, поскольку тематика представленных в них материалов разнообразна (политика, экономика, культура, религия, спорт), аудитория читателей и слушателей широка, и часто требуется расчётливость и осторожность в высказываниях, чтобы не задеть, не оскорбить их чувств и избежать конфликтов. Однако, как показывают исследования, художественные

произведения также не лишены примеров эвфемизации речи. Переводчику художественной литературы важно осознавать специфику эвфемии для обеспечения максимально возможной степени эквивалентности текстов оригинала и перевода как в плане семантической и структурной схожести, так и в плане потенциального коммуникативного воздействия на читателя.

Сложность перевода эвфемизмов обусловлена их особым прагматическим влиянием на адресата, а также тем фактом, что каждый язык имеет собственные ресурсы для эвфемизации речи. Изучение и систематизация переводческих решений и тенденций при переводе эвфемизмов являются актуальными, поскольку такое исследование раскрывает возможности достижения эквивалентности и адекватности перевода тексту оригинала и максимально точной передачи прагматической направленности текста.

Наша цель – определить языковые средства и способы эвфемизации в художественном тексте, а также проанализировать способы передачи эвфемизмов в переводах. Материалом исследования послужили произведения классика русской литературы Антона Павловича Чехова и их переводы на английский язык, выполненные Констанс Гарнетт и Айви Литвиновой. Методологической базой исследования стали идеи и концепции, воплощённые в трудах отечественных и зарубежных лингвистов по эвфемии и политкорректности (в частности, Ю.В. Алексиковой, Л.В. Артюшкиной, М.Л. Ковшовой, Л.П. Крысина, В.П. Москвина, М.Ю. Палажченко) и лингвокультурологии (В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасовой, В.А. Масловой). Научная новизна работы состоит в сопоставлении и систематизации переводческих решений при передаче эвфемизмов в художественном дискурсе.

Среди языковых средств эвфемизации исследователи выделяют использование слов с широкой семантикой для названия конкретных вещей, использование иноязычных слов и терминов, слов, обозначающих неполноту действия или слабую степень свойства, употребление аббревиатур [3, с. 25]; метафорическую и метонимическую номинации, прономинализацию, паронимическую замену, использование книжных слов и выражений, родо-видовые замены, перифраз, антономазию, мейозис [4, с. 60]. Комплексную классификацию способов эвфемизации предложил А.М. Кацев, поделив все способы образования эвфемизмов на три группы: 1) семантические способы (генерализация, метонимизация и поляризация значений); 2) изменения формы слова-табу

(звуковая аналогия, отрицательная префиксация (литота), сокращение); 3) заимствования из других языков [2, с. 35].

Некоторые лингвисты (В.З. Санников, Ю.С. Баскова) выделяют ещё один способ образования эвфемизмов – графический – и относят к нему синкопу (замену середины слова многоточием), апокопу (замену конца слова многоточием) и замену целого слова многоточием. К фонетическим способам создания эвфемистических наименований традиционно относят звуковую аналогю, звукоподражание, редупликацию и рифмованный сленг. Такие эвфемизмы позволяют передать нужный смысл, не называя табуированного слова. Разработкой вопроса классификации эвфемизмов занимались также зарубежные лингвисты, в частности, Дж. Айто, Р. Холдер, Дж. С. Нимэн. Следует отметить, что предложенные исследователями классификации способов эвфемизации дополняют друг друга и в определённой степени зависят от стиля и сферы употребления эвфемизмов.

Опираясь на предыдущие научные изыскания и классификации, в проанализированных нами произведениях А.П. Чехова мы выделяем следующие способы эвфемизации:

1) семантико-стилистические:

- генерализация (дело праздничное, тяжело (о болезни), пили (спиртные напитки), навеселе, нужда, в армяшкину лавку забрался, известный народ);
- прономинализация (того, как бы не того);
- использование книжных слов и выражений (скончался, душу богу отдаёт);
- использование варваризмов (*jeune premier* {первый любовник (франц.)});
- использование разговорных слов и выражений (загубишь, по миру ходила, канитель, нечистый попутал; не бог весть);
- использование устойчивых сочетаний (неровен час, не приведи бог);
- стилистическое сравнение (болезнь не свой брат);
- использование мейозиса (просит копеечку);
- использование литоты (небезопасно, не бог весть);
- метонимический перифраз (пользовался дурной славой, ходивший без места, оставить водку и пиво, богоугодное заведение, душевнобольные, телесные наказания, последний градус чахотки, забыться навеки, жениться на деньгах, на отдых пора, не употреблять повелительного наклонения, в мешок да в воду, ружьём балуешься);
- метафоризация (клал густые краски, будет тебе тень наводить);

- антономазия (Ивана Абрамыча звали «знаете ли»);
- олицетворение (флигель ремонта захочет);
- поляризация значений (молодцы красть);
- 2) морфологические:
 - отрицательная префиксация (небезопасно, неровен час, нечистые);
 - использование уменьшительно-ласкательных суффиксов при создании мейозиса (просит копеечку);
- 3) синтаксические:
 - восклицательные предложения (Молодцы красть! ... на отдых пора! Я ему покажу Кузькину мать!);
 - инверсия прилагательного (дело праздничное);
 - апозиопезис (И револьвер мой, кажется, того...; Погода, не приведи бог...; как бы, неровен час, не того...).

В исследуемых произведениях мы не обнаружили фонетических и графических способов эвфемизации. Как показывает материал, средства эвфемизации нередко сочетаются между собой и используются в комплексе; при этом семантико-стилистические средства являются преобладающими и подкрепляются морфологическими и синтаксическими.

Эвфемизмы в художественном тексте выполняют ряд специфических функций: способствуют созданию «литературной» формы, создают и усиливают юмористический эффект, дополняют характеристики персонажей, создают яркие художественные образы [5, с. 15].

Так, короткий рассказ характеризуется рядом формальных и содержательных особенностей, таких как открытая форма (действие начинается внезапно, а конец резко прерывает историю), отсутствие готовых ответов и побуждение читателя к размышлению, высокая степень близости к реальности. Последнее качество обеспечивается, в том числе и наличием эвфемизмов, основанных на использовании разговорной лексики, фразеологизмов, метафор, олицетворения, сравнений и других выразительных средств и стилистических приёмов.

Наряду с другими художественными приёмами, благодаря эвфемизмам, которые А.П. Чехов вкладывает в уста своих героев в диалогах, их речь становится живой, образной и насыщенной. Персонажи произведений предстают перед читателем реальными людьми из народа с характерными чертами:

- с чувством юмора и ироничными (Да вот, это самое, хоть насчет лошадей. Молодцы красть! [8, с. 506]);
- со своими слабостями и пристрастиями (Которые пьяные спят, а которые еще с утра в Репино поуходили. Дело

праздничное... [8, с. 503]; Два-три раза приходил к Андрею Ефимычу коллега Хоботов; он тоже советовал оставить спиртные напитки... [8, с. 695]),

– неуверенностью в себе (Похоже на то, как будто он дал обет никогда не возвышать голоса и не употреблять повелительного наклонения [8, с. 683]),

– проблемами (Как-то весною, после Святой, фельдшер, давно уже уволенный из больницы и ходивший без места, поздно вечером вышел в Репине из трактира и побрел по улице без всякой цели [8, с. 511]); В халатишке, в смешном колпаке и в туфлях, иногда босиком и даже без панталон, он ходит по улицам, останавливаясь у ворот и лавочек, и просит копеечку [8, с. 678]; Болезнь не свой брат, я понимаю [8, с. 702]),

– опасениями, тревогами и страхами (Известно, как всегда, беговые дрожки, ну, лошадь и необходимые причиндалы, да, кроме того, часы при мне и всё прочее, так что еду и остерегаюсь, как бы, неровен час, не того... [8, с. 506]; Я знаю, ты разыщешь у мамки деньги, загубишь и ее, и меня, и пойдёшь на Кубань любить других девушек, но бог с тобой [8, с. 510]; Иной около жены – «Маня, Маня», а если бы его воля, то он бы эту Маню в мешок да в воду [8, с. 1072]) и, конечно же,

– благоговением пред высшими и потусторонними силами (Ишь, нечистые расхотелись!; Ехал в больницу и с дороги сбился. Погода, не приведи бог... [8, с. 505]).

При помощи эвфемизмов, которые А.П. Чехов использует в своих, часто метафорических, описаниях места действия (Двор пользовался дурной славой, и заехать в него поздно вечером, да еще с чужою лошадью, было небезопасно [8, с. 502]; Когда Андрей Ефимыч приехал в город, чтобы принять должность, «богоугодное заведение» находилось в ужасном состоянии [8, с. 682]), персонажей (В своих суждениях о людях он клат густые краски, только белую и чёрную, не признавая никаких оттенков [8, с. 679]; Грохольский залюбовался. Лиза не бог весть какая красавица [7, с. 218]; Ружьём балуешься... Я, когда помоложе был, тоже любил это баловство [7, с. 1114];) и ситуации в целом (Ничего, ничего, коллега, не унывайте... Будет вам тень наводить [8, с. 688]; Простые люди говорят: нечистый попутал. И я могу теперь про себя сказать, что меня попутал нечистый [8, с. 1169]), он создаёт яркие и запоминающиеся художественные образы.

При переводе эвфемизмов одной из трудностей является их распознавание в оригинальном тексте и правильная их интерпретация. В связи с культурными различиями, сферы эвфемизации могут не совпадать, и тогда переводчик сталкивается

с отсутствием подходящего эквивалента в языке перевода, который мог бы передать необходимый смысл.

Учитывая тот факт, что концептосферы формируются в конкретных культурных условиях, они различны у разных народов. Такие различия приводят к тому, что одно и то же слово порой воспринимается в разных, даже противоположных, значениях. Нельзя забывать, что перевод осуществляется не только с языка на язык, но и с культуры на культуру [1, с. 108]. Когда речевые клише в двух языках не совпадают или эквиваленты вообще отсутствуют, переводчику необходимо сделать правильный выбор, чтобы переведённый текст сохранил степень завуалированности и художественной образности, дух оригинала и авторский замысел.

Исходя из эвфемистических выражений, выбранных из произведений великого мастера короткого рассказа А.П. Чехова, а также опираясь на научные труды таких выдающихся лингвистов и переводоведов как В.Н. Крупнов, Л.С. Бархударов, Е.К. Павлова, Н.М. Потапов, В.Н. Комиссаров, нами были выделены несколько основных способов перевода эвфемизмов:

– синтаксическое уподобление: Двор пользовался дурной славой [8, с. 503] – *The inn had a bad reputation* [6, с. 5];

– описательный перевод: было небезопасно [8, с. 502] – *was not free from risk* [6, с. 5]; Молодцы красть! [8, с. 505] – *Fine fellows at stealing!* [6, с. 8]; Когда Андрей Ефимыч приехал в город, чтобы принять должность, «богоугодное заведение» находилось в ужасном состоянии [8, с. 682] – *When Andrey Yefimitch came to the town to take up his duties the “institution founded to the glory of God” was in a terrible condition* [6, с. 26].

Как показывает исследование, при переводе эвфемизмов оригинального произведения переводчики нередко прибегают к следующим трансформациям:

– генерализация: Двор пользовался дурной славой [8, с. 503] – *The inn had a bad reputation* [6, с. 5];

– конкретизация: Как-то весною, после Святой, фельдшер, давно уже уволенный из больницы и ходивший без места... [8, с. 511] – *Yergunov, who had long before been dismissed from the hospital and was hanging about without a job*... [6, с. 21];

– семантическая модуляция: «... так что еду и остерегаюсь, как бы, неровен час, не того...» [8, с. 506] – “... so I was on my guard as I drove along, for fear of some mischance” [6, с. 9]; «Ничего, ничего, коллега, не унывайте... Будет вам тень наводить» [8, с. 688] – “It’s all right, all right, colleague; don’t lose heart. Don’t go piling it on!” [6, с. 33];

– добавление слова: «Ишь, нечистые расходились!» – проговорила Любка [8, с. 509] – “*Ugh! the unclean spirits are abroad!*” said Lyubka [6, с. 8]; Иной около жены – «Маня, Маня», а если бы его воля, то он бы эту Маню в мешок да в воду [8, с. 1072] – *It’s “Manya this” and “Manya that” with many a man by his wife’s side, but if he had his way he’d put that Manya in a sack and drop her in the water* [6, с. 78].

– замена частей речи: Дело праздничное... [8, с. 503] – *It’s a holiday*... [6, с. 6]; Лиза не бог весть какая красавица... [7, с. 218] – *Liza was so incredibly beautiful*... [9];

– перестановка компонентов: Погода, не приведи бог... [8, с. 505] – *It’s such weather, God preserve us*... [6, с. 6]; В своих суждениях о людях он клял густые краски, только белую и чёрную... [8, с. 679] – *In his criticisms of people he laid on the colours thick, using only black and white*... [6, с. 24].

При переводе метафорически мотивированных эвфемизмов в некоторых случаях наблюдается стилистическая трансформация по замене образов: «Ничего, ничего, коллега, не унывайте... Будет вам тень наводить» [8, с. 688] – “It’s all right, all right, colleague; don’t lose heart. Don’t go piling it on!” [6, с. 33]; «У меня и в мыслях не было обижаться на вас. Болезнь не свой брат, я понимаю» [8, с. 702] – “I have never had a thought of taking offence. Illness is no joke, I understand” [6, с. 65].

Следует отметить, что многие переводческие трансформации продиктованы несовпадением синтаксических структур или разницей в объёме семантических значений слов (например, появляется возможность заменить словосочетание словом: Похоже на то, как будто он дал обет никогда не возвышать голоса и не употреблять повелительного наклонения [8, с. 683]) – *It seemed as though he had taken a vow never to raise his voice and never to make use of the imperative* [6, с. 29]). Однако переводчику необходимо стремиться сохранять авторский стиль и средства выразительности оригинала, поскольку, например, нейтрализация стилистически маркированных лексических единиц в художественном тексте нередко ведёт к ослаблению выразительности и эмоциональной составляющей.

Удачным переводческим решением следует считать сохранение стилистической окраски лексических единиц в составе эвфемизмов, в частности, подбор подходящих эквивалентов разговорных слов: Я знаю, ты разыщешь у мамки деньги, загубишь и её, и меня... [8, с. 510] – *I know you will find mother’s money, and will do for her and for me*... [6, с. 13]. В британском варианте английского языка выражение *do for somebody/something* является разговорным и означает «to kill someone or

harm something or someone very badly». Как и в русском языке, данное выражение в некоторой степени вуалирует сказанное, выполняя функцию эвфемизма.

Рассмотрим ещё один пример: В халатишке, в смешном колпаке и в туфлях, иногда босиком и даже без панталон, он ходит по улицам, останавливаясь у ворот и лавочек, и просит копеечку [8, с. 678] – *In his wretched gown, in his absurd night cap, and in slippers, sometimes with bare legs and even without trousers, he walks about the streets, stopping at the gates and little shops, and begging for a copper* [6, с. 23]. В русском языке слово копеечка становится разговорным благодаря уменьшительно-ласкательному суффиксу *-ечк-*; в переводе ему вполне соответствует слово *copper* (в разговорной речи – медяк).

Обратим внимание на семантический аспект перевода. Так, слово канитель используется в разговорной речи для обозначения нудного, с проволочками тянущегося дела. В переводе предложения «Пора, пора поправляться, коллега, – сказал Хоботов, зевая. – Небось вам самим надоела эта канитель» [8, с. 702] – *“It’s high time you were well, dear colleague,” said Hobotov, yawning. “I’ll be bound, you are sick of this bobbery”* [6, с. 68] эквивалентом выбрано слово *bobbery* (шум, гам, шумиха, смута, пертурбация, кипеш, скандал). Несмотря на то, что оба существительные маркированы в словарях как разговорные, и, следовательно, стилистика текста соблюдена, такой перевод является не совсем точным, поскольку в слове *bobbery* отсутствует семантический компонент «нудный, длительный, тянущийся».

Следующий пример демонстрирует ошибочную интерпретацию переводчицей Констанс Гарнетт эвфемистического разговорного выражения не бог весть какой «посредственный, не особенно хороший»: Грохольский залюбовался. Лиза не бог весть какая красавица. Правда, её маленькое кошачье личико, с карими глазами и с вздёрнутым носиком, свежо и даже пикантно, её жидкие волосы черны, как сажа, и кудрявы, маленькое тело грациозно, подвижно и правильно, как тело электрического угря, но в общем... Впрочем, в сторону мой вкус. Грохольский, избалованный женщинами, любивший и разлюбивший на своем веку сотни раз, видел в ней красавицу [7, с. 218] – *Groholsky was lost in admiration. Liza was so incredibly beautiful. It is true her little kittenish face with its brown eyes, and turn up nose was fresh, and even piquant, his scanty hair was black as soot and curly, her little figure was graceful, well proportioned and mobile as the body of an electric eel, but on the whole... However my taste has nothing to do with it. Groholsky who was spoilt by women, and who had been in love and out of love*

hundreds of times in his life, saw her as a beauty [9]. Результат – прямо противоположное значение в переводе и смещение акцента на восприятие персонажа (Грохольского), а не авторское, как было в оригинале.

Переводчику следует прилагать усилия по поиску наиболее подходящих эквивалентов и стараться передавать эвфемизмы эвфемизмами. Сравним два перевода предложения «И я могу теперь про себя сказать, что меня попутал нечистый» [8, с. 1167] – 1) Айви Литвиновой: *“And now I can say that I have been snared by the devil, too”* [11] и 2) Констанс Гарнетт: *“And I may say of myself now that the Evil One has beguiled me”* [10], – отметим, что предпочтительным является второй вариант. Следует принимать во внимание все особенности коннотации, восприятия той или иной лексической единицы или фразеологизма и в полной мере доносить до читателя перевода отличительные черты речи персонажей как составляющей их общих характеристик, сохранять полноту смысловой насыщенности художественных образов, идею и стиль автора оригинала.

Таким образом, эвфемизмы в художественном произведении выполняют ряд специфических функций, таких как: реализация «литературной» формы, создание и усиление юмористического эффекта, дополнение характеристик персонажей, создание ярких художественных образов. Одной из основных трудностей перевода эвфемистических наименований и выражений является идентификация эвфемизма в тексте и его правильное толкование. Без этого переводчик не сможет передать ни исходное денотативное значение единицы, ни её эвфемистическую функцию.

Для того, чтобы распознать эвфемизм в художественном тексте, переводчику необходимо иметь представление о средствах эвфемизации. Проанализировав ряд произведений великого русского классика и мастера короткого рассказа А.П. Чехова, мы выделили ряд семантико-стилистических, морфологических и синтаксических средств эвфемизации, на которые следует обращать внимание при переводе. Ещё одной проблемой может стать непонимание эвфемистической сущности слова или выражения, что может привести к стилистической потере или даже, в редких случаях, к прямо противоположному толкованию завуалированного высказывания.

Препятствием для адекватного перевода эвфемизмов в художественном тексте может стать и несогласованность понятийных систем разных языков. В том случае, если эвфемистическое выражение невозможно перевести при помощи синтаксического уподобления (калькирования) или подбора

аналога, применяется описательный перевод. Перевод нередко сопровождается такими трансформациями как генерализация, конкретизация, семантическая модуляция, добавление слов, перестановка компонентов, замена частей речи.

Мы также выделили ряд удачных и менее удачных переводческих решений при передаче эвфемизмов. Качественная передача коннотативного значения и отражение прагматики эвфемизма в переводе зависят от таких факторов, как распознавание эвфемизма в тексте, понимание эвфемистической сущности слова или выражения и выбор соответствующего актуального средства эвфемизации в языке перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродский М. Ю. Политический дискурс / М. Ю. Бродский // Политическая лингвистика. – 2011 – № 1 – С. 103–111.
2. Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия / А. М. Кацев. – Ленинград, 1988 – 201 с.
3. Крысин Л. П. Русское слово, своё и чужое : Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин – М. : Языки славянских культур, 2004. – 888 с.
4. Москвин В. П. Эвфемизмы : системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. – 2001. – № 3. – С. 58–69.
5. Темирбаева Е. К. Эвфемизмы в языке политики и художественной литературе / Е. К. Темирбаева // Слово в словаре и тексте. – М., 1991. – С. 13-21.
6. Чехов А. П. Избранные рассказы / А. П. Чехов ; пер. К. Гарнетт. – М. : T8RUGRAM, 2017. – 188 с. (Russian Classics)
7. Чехов А. П. Полное собрание повестей, рассказов и юморесок в двух томах. Том 1. – М. : АЛЬФА-КНИГА, 2017. – 1279 с.
8. Чехов А. П. Полное собрание повестей, рассказов и юморесок в двух томах. Том 2. – М. : АЛЬФА-КНИГА, 2017. – 1279 с.
9. Chekhov A. A Living Chattel [Electronic resource] / A. Chekhov ; transl. from Russ. by C. Garnett // The Tales of Chekhov. Vol. 13 : Love and Other Stories. – Access code : <https://www.gutenberg.org/files/13414/13414-h/13414-h.htm>.
10. Chekhov A. The Lady with the Dog [Electronic resource] / A. Chekhov ; transl. from Russ. by C. Garnett // The Tales of Chekhov. Vol. 3. – Access code : <http://www.online-literature.com/wilde/1297/>.
11. Chekhov A. The Lady with the Dog [Electronic resource] / A. Chekhov ; transl. from Russ. by I. Litvinov // Chekhov's Short Stories. – NY : Norton, 1979. – P. 221-235. – Access code : <https://ru.scribd.com/document/421470261/The-Lady-With-the-Dog>.

АННОТАЦИЯ

Ясинецкая Н. А. Семантико-прагматические особенности и способы перевода эвфемизмов в художественном тексте (на материале произведений А. П. Чехова)

Цель работы – исследование семантико-прагматических особенностей эвфемизмов в художественной литературе и выявление возможных способов перевода, а также лексико-семантических, грамматических и стилистических трансформаций, необходимых для отражения специфики эвфемизмов в переводе. В качестве иллюстративного материала были использованы эвфемизмы в коротких рассказах и повестях А. П. Чехова и их соответствия в англоязычных переводах. Определены средства эвфемизации в оригинале и переводе, выявлены способы передачи эвфемизмов и виды переводческих трансформаций.

Ключевые слова: имплицитный смысл, эвфемизм, семантико-прагматические особенности, средства эвфемизации, переводческие трансформации.

SUMMARY

Yasinetskaya N. A. The semantic and pragmatic features of euphemisms in a literary text and ways of their translation (based on short stories by A. P. Chekhov)

The purpose of the research was to study the semantic and pragmatic features of euphemisms in works of literature and identify their ways of translation, as well as lexical-semantic, grammatical and stylistic transformations necessary to render the peculiarities of euphemisms in literary translation. The illustrative material was selected from A. Chekhov's short stories and novelettes and their translations into English. The author reveals the means of euphemization, identifies the most frequent ways of translation and points out the relevant types of translation transformations.

Key words: implication, euphemism, semantic and pragmatic features, means of euphemization, translation transformations.

*Н. В. Аникеевко
(г. Донецк, ДНР)*

УДК 372.881.111.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ «ДЕБАТЫ» ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Дебаты – это дискуссия, в которой два или более человека отстаивают противоположные точки зрения по определенной теме или вопросу, стараясь заставить окружающих принять их сторону. Толковый словарь Ушакова определяет дебаты как «прения, обсуждения вопроса, споры». [3] Большинство людей знакомы с участием в неформальных дебатах, таких, как попытка убедить друзей, почему тот или иной фильм, песня, книга, спортивная команда и т. д. лучше других; однако, они часто переходят в личные разборки и не имеют правил. Формальные дебаты часто имеют правила, гарантирующие, что дискуссия останется в исходной теме. Дебаты долгое время были неотъемлемой частью политики, особенно парламентской. Большую популярность в последние несколько лет приобрели телевизионные дебаты по разным вопросам политики, экономики и других сфер жизни.

Дебаты все чаще используются как технологический прием в учебной деятельности.

Эта технология часто используется в дисциплинах, где нужно представлять и защищать разные точки зрения. Такими дисциплинами являются история, право, политика и социология. По мнению Н. Ф. Боярского и С. А. Наумова, «дебаты как интерактивная образовательная технология являются исключительно важным средством формирования у граждан навыков аргументации, умения слушать оппонента, умения анализировать мнение собеседника, задавать вопросы, формулировать ответы на заданные вопросы, вести дискуссию в духе толерантности, соблюдая речевые и этические нормы». [1, с. 80].

Тем не менее, навыки, которые дебаты помогают развивать, широко применимы и в преподавании многих других учебных предметов, например, иностранного языка. Ведь дебаты не только развивают критическое мышление обучающихся, но и их коммуникативные навыки.

Дебаты в их простейшей форме требуют вопроса, утверждения или идеи, по крайней мере, с двумя противоположными позициями, каждая из которых защищается от сторонников другой точки зрения. В учебных дебатах

позиция, которую обучающиеся защищают, необязательно должна быть их собственной. На самом деле, исследование и защита позиции, которую обучающиеся лично не занимают – это мощная возможность обучения сама по себе. Эта технология может использоваться с отдельными лицами или группами в качестве защитника каждой из сторон. Однако преимущество нужно отдавать групповой деятельности с вовлечением большего количества учеников для выработки более полной аргументации. Если проводить групповые дебаты, необходимо дать время участникам обсудить замечания своего оппонента и сделать собственное опровержение.

Дебаты могут быть конкурентными, где участники стремятся отстоять свою позицию и получить поддержку зрителей, или неконкурентными, где наиболее важным является обсуждение достоинств различных точек зрения. Для всех дебатов полезно, но для конкурентных особенно важно, иметь возможность измерить степень поддержки аудитории после дебатов, чтобы понять, какие аргументы были наиболее убедительными. Также важно, чтобы модератор следил за тем, чтобы обсуждение не переходило на личности, и чтобы участники были сфокусированы на теме дебатов и придерживались правил их проведения.

Конкурентные дебаты стали очень популярны как командные соревнования школьников и студентов.

Всемирный формат школьных дебатов (World Schools Debate Format или World Schools Style debating) был создан в 1998 году в Австралии специально для проведения Чемпионата мира по школьным дебатам. В каждой игре выступают две команды – Утверждения (Правительства) и Отрицания (Оппозиции), – по три спикера каждая, которые в общей сумме произносят восемь речей. Первые шесть речей продолжительностью по восемь минут, после которых каждая команда завершает дебаты произнесением четырехминутной заключительной речи (англ. Reply Speech). Команда Утверждения должна защитить определенную резолюцию (тему для дебатов, англ. Motion), команда Отрицания должна ее опровергнуть. [2]

К конкурентным дебатам нужна большая подготовка.

Так как дебаты – это вид дискуссии, то, прежде всего, нужно познакомить обучающихся с правилами хорошей дискуссии.

Во-первых, это комфортная обстановка для участников дискуссии. Во-вторых, отсутствие враждебности и спокойный тон обсуждения. Это разнообразие мнений и точек зрения. Дискуссия должна иметь педагогическую цель. И, наконец, хорошую дискуссию отличает доверительная среда, которая позволяет обучающимся идти на интеллектуальный риск.

Научить обучающихся выражать свои мнения и отстаивать свою точку зрения помогут несколько упражнений, которые можно провести на уроках английского языка.

Например, каждый ученик выбирает листок бумаги с одной темой, такой как «Домашняя работа на каникулы должна быть отменена» или «Мобильные телефоны должны быть запрещены в школах». Все стоят. У каждого есть 2 минуты, чтобы выступить в роли оппозиции к этой теме и поделиться своим суждением со своим одноклассником. При этом используются такие фразы, как «Я с тобой не совсем согласен», «Я не согласен», «У меня иное мнение».

По истечении 2 минут ученики переходят к другому однокласснику. Учитель слушает ответы, исправляет ошибки тут же на месте и следит за тем, чтобы его поправки были приняты участниками дискуссии. Исправления должны касаться, прежде всего, соблюдению правил дискуссии и следованию ее теме, а не исправлению грамматических ошибок. Ученики должны чувствовать свободу и комфорт, высказывая свою точку зрения.

Особенностью плохой дискуссии является ограниченное число участников. Чтобы вовлечь в обсуждение большее число детей, можно предложить следующий прием.

Выбираем двух учеников, которые интересуются определенной темой и у которых высокий уровень английского языка, и просим их выйти к доске. Каждый из них высказывает свое мнение по выбранной теме, а остальные ученики в классе высказывают альтернативные точки зрения, задают вопросы спикерам, предлагая им аргументировать свою точку зрения. Это может оживить дискуссию.

Плохо, когда в дискуссии нет разнообразия мнений. Обучающиеся просто повторяют мысли учителя или своих одноклассников, боясь обидеть их или стесняясь высказать свое мнение. Чтобы этого не произошло, надо добавить в обсуждение элемент анонимности.

Учитель ставит на стол пустую коробку и дает каждому из учеников листок бумаги. Затем пишет на доске тему для обсуждения, например, «Зоопарки должны быть закрыты».

Ученикам дается несколько минут, чтобы написать свое мнение по теме, сложить листок и положить его в коробку. Учитель слегка встряхивает коробку и просит одного из учеников взять листок из коробки и прочитать его. Этот ученик теперь вызывает другого ученика отреагировать на прочитанное. Ученики смелее реагируют на анонимное мнение, чем на мнение их одноклассника или друга.

Иногда дискуссии идут не по теме и не достигают академической цели. Это происходит тогда, когда обучающиеся не совсем понимают обсуждаемую тему или не могут перейти от одной темы к другой.

Выбираем двух учеников, чтобы они стояли лицом друг к другу в центре комнаты. Назначаем тему для обсуждения, например, «Социальные сети разрушают реальные социальные взаимодействия». Каждому ученику предоставляется одна минута, чтобы высказать свою точку зрения. После того, как они оба выскажутся, остальные ученики выступают в поддержку одноклассника, с которым они согласны. Эта поддержка может быть односторонней в зависимости от темы, однако один человек должен поддерживать только одну из сторон. Чтобы включить в упражнение всех учеников в классе, нужно менять темы и назначать новых спикеров.

Используемые на уроках дискуссии можно считать мини-дебатами или подготовкой к проведению командных соревнований «Дебаты».

Работа по подготовке к проведению дебатов имеет несколько этапов:

1. Выбор темы.

Не каждая тема может стать предметом обсуждения. Тема дебатов должна побуждать контroversийные точки зрения и стимулировать исследовательскую работу обучающихся.

2. Формирование кейса аргументов.

Команда формирует целую систему аргументации в поддержку и обоснование своей точки зрения.

3. Подготовка вопросов для команды противников.

Этот этап включает в себя и продумывание возможных вопросов от команды противника и аргументированные ответы на них.

В конкурентных дебатах одна и та же мысль рассматривается с противоположных точек зрения, что позволяет всесторонне рассмотреть исследуемую проблему. В процессе дебатов ученики отстаивают свою точку зрения на основе имеющихся у них знаний и жизненного опыта, ведут полемику, конкурируют со сверстниками, проявляют лидерские качества, учатся работать в команде. В этом заключается социализирующая роль этой технологии.

Образовательная технология «дебаты» способствует развитию личности обучающихся, их самостоятельного мышления и умения думать критично. Она формирует кругозор и коммуникативные навыки, умение анализировать и убеждать, творческий подход к решению проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боярский, Н.Ф., Наумов С.А. Использование образовательной программы дебатов при обучении правам человека: Учебно-методическое пособие. – Харьков: Колорит, 2011. – с.80
2. Наумов, С. А. и др. Положение о международных дебатах по сети Интернет. – Режим доступа: URL: <http://www.experiment.lv/rus/debate/turnir2000/polozenie>
3. Ушаков, Д. Н. «Толковый словарь русского языка» – Режим доступа: URL: <https://ushakov.slovaronline.com/11835-DEBATYI>
4. TESOL Tutorial on Teaching Speaking Skills – Debating in the ESL Classroom. – Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PaE472sOvZ0>

АННОТАЦИЯ

Аникеенко Н. В. «Использование технологии «дебатов» при обучении иностранному языку»

Статья посвящена проблеме использования обучающей технологии «дебатов» как вида дискуссии при обучении иностранному языку. В ней предлагаются приемы, позволяющие научить учеников вести хорошую дискуссию.

Ключевые слова: дебаты, дискуссия, образовательная технология, критическое мышление, коммуникативные навыки.

SUMMARY

Anikieienko N. V. Using the debate technology in teaching a foreign language

The article is devoted to the problem of using the «debate» teaching technology as a type of discussion when teaching a foreign language. It offers techniques to teach students how to have a good discussion.

Key words: debate, discussion, educational technology, critical thinking, communication skills.

С. В. Карпий
(г. Донецк, ДНР)

УДК: 654.197; 811.161.1; 81`33; 070

ПРЯМОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ В МЕДИАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И МАССОВОКОММУНИКАТИВНОЙ СИСТЕМЕ

Прямое включение и массовая коммуникация. На том, что единство и взаимодействие СМИ носят диалектический характер, основанный на общих и различных чертах, настаивает

В. В. Егоров: «Чем активнее взаимодействие, чем полнее учёт сильных и слабых сторон каждого средства и их влияния друг на друга, а взаимное влияние, кооперация и координация ведут к повышению эффективности СМИ» [2, с. 298].

Трансляция в прямом эфире событий окружающей действительности невозможна и без теоретической, методологической и профессионально-практической подготовки специалистов, которые обязаны понимать образную суть произведения прямого включения и концепцию его построения. Феномен «живой» передачи фактов от корреспондента-очевидца-коммуникатора резонансного события, когда нивелируется моделирующая роль ведущего и акцентируется внимание на личностных качествах журналиста, приобрел широкую популярность в постсоветский период и, тем самым, вывел на лидирующие позиции медиа, которые взялись за внедрение, адаптацию технического ресурса и применение феномена в информационно-публицистическом и развлекательном контенте.

Всё это происходило в течение последних десятилетий. Технические решения позволили ускорить процедуру оперативного получения различного рода информации, её обработку и передачу посредством спутниковой связи и телеэфира.

Большим вниманием исследуемый феномен начал пользоваться ещё и потому, что он дал возможность стереть барьеры экзистенциализма. Зритель непосредственно получил возможность познавать грани человеческого бытия в той действительности, которая есть на самом деле. Аудитория стала переживать эмоции параллельно с участниками, находящимися на месте события, и на философском, психологическом уровне познавать явления, которые происходят вокруг объекта информации, представляющего собой временной общественный интерес. В этом случае стоит помнить ещё и про невербальные средства передачи информационных сообщений реципиенту, а также особую роль журналиста, которую В. Л. Цвик выделял в своих работах, говоря о том, что он «не только рассказывает о том, что случилось, но и изучает, познает, отображает реальную действительность максимально широко и точно» [6, с. 47].

Прямое включение и медиалингвистика. Строгая конкурентная среда требует диверсификации методов и форм информирования телезрителей, поиска альтернативных, нестандартных, креативных решений в распространении резонансных фактов. Чтобы дифференцировать классические стандарты, отличаться от других вещателей, привлечь на свою сторону их аудиторию, медиаменеджменту в конкурентной среде систематически

приходится прибегать к экспериментам над содержанием и формой прямого телевизионного включения в эфирном пространстве. В комплексе с мультимедийными средствами, сурдопереводом, ID-технологиями прямое включение стало впечатляющим явлением, осуществляемым посредством спутниковой, кабельной, цифровой, оптоволоконной и других видов связи.

Демонстрация картины окружающей действительности на экране – это 90% информации и только к 10% – относятся другие выразительные средства. Они подчеркивают значение прямоэфирного повествования, которому сопутствуют: закадровый, устный текст; интертекст; репераунд; интершум; специализированные звуковые, паралингвистические (просодические) экстралингвистические средства; аудио-, видеоэффекты; кинестика; такесика; проксемика (англ. «proximity» близость) и т. д.

Их вербальный, невербальный, паравербальный комплекс на телеэкране выражают информационные, экспрессивные, суггестивные, прагматические смыслы. Именно поэтому визуально-вербальные и невербальные составляющие приобретают исключительное, уникальное значение.

«Ничто так не убеждает, как профессиональная работа» [3, с. 46] писал А. Ермилов. Данное мнение очередной раз подтверждает вывод: от качества создания прямого телевизионного включения и профессионализма корреспондента-коммуникатора зависит восприятие широким кругом телезрителей аудиовизуальной информации, в которой доминирующее место занимают вербальные и невербальные средства, сопровождающие авторское произведение и дополняющие картину окружающей действительности. Также они придают журналистскому сообщению максимальной информативности и реалистичности, позволяют зрителю стать соучастником происходящего на экране, почувствовать непосредственную причастность к случившемуся.

Расширение границ и возможностей медиaprостранства – следствие непрерывной эволюции радиорелейной связи, то есть, возникновение мобильной (сотовой), оптоволоконной, кабельной, цифровой, спутниковой трансляции. Поэтому прямое телевизионное включение как феномен журнализма позволило телеиндустрии удерживать передовые позиции среди СМК-конкурентов. Что касается всемирной глобальной сети, исследуемое нами явление давно интегрировалось в интернет-пространство и синергировало с ним. Результат – распространение эфирного вещания и в данной среде, что увеличивает круг потенциальных зрителей и стирает для них территориальные

ограничения. Телевидение с его феноменальными инструментами стало более доступным.

Степень доверия к телевизионному медиа-пространству у зрительской аудитории более высока, так как его существование вне правового поля стало невозможным, что ставит данный вид медиа на новый качественный уровень.

Стандарты и нормы медиа-права обязывают медийщиков вести прозрачный демократический бизнес, благодаря чему зритель менее подвержен влиянию пропаганды, манипуляций, заангажированной, искаженной, недостоверной информации, чего не скажешь, например, об интернет-СМИ и порожденными ими новейших медиа. Правовое поле особенно распространяется на изучаемый в научной статье феномен тележурнализма в медиа-пространстве, а также традиционные профессиональные стандарты: баланс мнений, достоверность, точность, полнота, объективность, оперативность, отделение фактов от комментариев и оценок журналиста, простота и т. д.

В практике прямого включения как вида прямого эфира особенно сложно соблюдать комплекс юридических норм, журналистских стандартов, применять теоретические знания, эффективно коммуницировать с места события с учетом аудио-визуально-вербальных и невербальных составляющих. Трудности поликоммуникационного процесса в данном случае заключаются в том, что в объективе камеры невозможно скрыть непрофессионализм повествователей, заказной характер журналистских произведений, распространение персональных данных, раскрытие государственной тайны, распространение информации с ограниченным доступом, вмешательство в личную жизнь, в творческую деятельность, подачу информации, которая нарушает личные неимущественные права; содержит дискриминационные утверждения касательно происхождения человека, его социального и имущественного состояния, расовой или национальной принадлежности, пола, образования, политических взглядов, отношения к религии, места проживания, рода и характера занятий; призывает к нарушению законодательства или этических норм и т. д.

Достоинства эфирной тележурналистики также обозначил С. А. Муратов: «Сиюминутность восприятия передачи одновременно миллионами телезрителей; многосерийность, позволяющая возвращаться к различным аспектам темы столько раз, сколько требуют интересы дела; возможность ощутимо-наглядной обратной связи (вплоть до включения зрителя непосредственно в живой разговор по телефону или с помощью сопутствующих прямых трансляций)» [4, с. 18]. А. А. Новикова

наоборот считает, прямоэфирные форматы уже не представляют для аудитории особого интереса: «прямое телевидение как аттракцион само по себе уже не интересно. А вот аттракционы в прямом эфире воспринимаются острее особенно, если это аттракционы-катастрофы. Поэтому такое внимание при телевизионном освещении катастроф уделяют экстренным выпускам новостей, а в них – прямым включениям корреспондента из горячей точки» [5, с. 114]. Данную научную мысль продолжает другой исследователь журналистики: «Львиная доля эфирного времени отводится на то, чтобы аккуратно пугать, шекотать нервы, пробуждать ненависть и возмущение, настраивать против «плохих» парней и склонять на сторону «хороших», вообще развлекать зрителя всеми возможными средствами» [3, с. 43]. К тому же сама аудитория является для практикующих корреспондентов одним из источников той самой резонансной информации, считает А. Н. Болкунов: «Обыкновенный читатель для журналиста — бесценный источник информации, генератор идей, общественно значимый партнер, герой очерков и предмет репортажей, а не просто пассивный потребитель» [1, с. 12].

После детального исследования прямого включения как части жанра репортаж мы пришли к выводу, что с учётом современных трансформационных процессов его стоит делить в зависимости от способа производства на два типа: студийный, внестудийный. Студийному прямому включению – характерна классическая классификация. Прямое включение относится к внестудийному, а потому в его основе находятся свойственные ему специфические виды. Их формирование происходит также в зависимости от цели, задач коммуникативного акта, особого подхода в прикладной деятельности, предметно-тематического содержания, отображения действительности.

По данным критериям можно выделить 19 видов прямого включения: событийное, полисобытийное, актуальное, критическое, ситуационное, тематическое, познавательное, познавательно-тематическое, размышление, политическое, экспериментальное, специальное, исследовательское (исследовательское), проблемное, оценочно-комментируемое, некомментируемое, постановочное, псевдопрямое, конвергентное.

Каждому из видов характерны структурно-композиционные особенности (архитектоника), которые базируются на: драматургии, авторской позиции, восприятии, элокуции, лексическом уровне, паралингвистических и экстралингвистических средствах, аргументации, проксемике, смысле, информативности, мультимедийности,

беспристрастности, креативности, тематических поворотах, приёмах визуализации, акцентах.

В медиалингвистической и массовокоммуникативной системах и конкурентной среде популярный феномен является средством интеграции, синергии и конвергенции, чему способствует специфика его формата и современный инструментарий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болкунов А. Н. Гражданская журналистика в учебной газете: Учебно-методическое пособие / Под. ред. проф. В. В. Прозорова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 52 с.
2. Егоров В. В. Телевидение: теория и практика. Учебное пособие. М.: Международный независимый эколого-политологический университет / факультет журналистики/, 1993. – С. 306.
3. Ермилов А. Живой репортаж: Профессиональные советы тележурналисту / А. Ермилов. — М.: Аспект Пресс, 2010. – С. 112.
4. Муратов, С. А. Телевизионное общение в кадре и за кадром / С. А. Муратов. М.: Аспект Пресс, 2003. – 201 с.
5. Новикова А. А. Современные телевизионные зрелища: истоки, формы и методы воздействия. СПб.: Алетейя, 2008. – С. 208.
6. Цвик В. Л. Введение в журналистику: курс лекций. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1997. – С. 92.

АННОТАЦИЯ

Карпий С. В. Прямое включение в медиалингвистической и массовокоммуникативной системе

Статья посвящена рассмотрению прямого телевизионного включения в медиалингвистическом и массовокоммуникативном аспектах, а также исследованию процессов интеграции, синергии и конвергенции данного типа репортажа.

Ключевые слова: интеграция, синергия, конвергенция, медиалингвистика, стилистика, прямое включение, массовая коммуникация.

SUMMARY

Karpiy S. V. Direct inclusion in medialogic and masscommunicative system

The article is devoted to the consideration of direct television broadcasting in the media-linguistic and mass-communicative aspects, as well as to the study of the processes of integration, synergy and convergence of this type of reporting.

Key words: integration, synergy, convergence, media linguistics, stylistics, direct inclusion, mass communication.

А. В. Рочняк
(г. Горловка, ДНР)

УДК: 81'373.45. (045)

**ТРУДНОСТИ, БАЗИРУЮЩИЕСЯ НА
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТЛИЧИЯХ, ПРИ
ПЕРЕДАЧЕ ЮМОРА В ПЕРЕВОДЕ АМЕРИКАНСКИХ
КИНОКОМЕДИЙ (НА ПРИМЕРЕ КИНОФИЛЬМА
«В ДЖАЗЕ ТОЛЬКО ДЕВУШКИ»)**

Межнациональные отличия имеют существенное значение при попытке использования продуктов иной смеховой культуры, как это имеет место быть при переводе комедийных фильмов, подобных фильму «В джазе только девушки». На данный момент культурно-социальная нестабильность в глобальном масштабе, а также во многом неудачные попытки вестернизировать российское общество в постсоветский период определяют актуальность проблемы использования продуктов чужой культуры при условии сбережения и наработки национальной самоидентификации, сохранения характеристик национального самосознания и менталитета.

Смеховая культура важна в становлении национального менталитета, ибо именно через смех реализуется функция мягкого вытеснения тех или иных проявлений реальности, неприемлемых для той или иной культуры. В последнее время термин «менталитет» стал необычайно популярным. Смех сам по себе служит снятию избыточного психического напряжения, в то же время психические проблемы становятся основным определяющим фактором развития современного и будущего человечества. Соответственно, изменения в смеховой культуре оказывают существенное влияние на характер социальных конфликтов внутри обществ. А именно наработанные способы разрешения конфликтов, снятие возможного социального напряжения являют собой важнейшие элементы национальной культуры и ментальности.

Ментальность определяется большинством источников как «качество ума, характеризующее отдельного индивида или класс индивидов» [9, с. 454]; «способность или сила разума» [8, с. 313], «установки, настроение, содержание ума» [10, с. 720]. Латинизму родственны немецкое «die Mentalität» (образ мысли, склад ума) и французское «mentalité» (направление мыслей, умонастроение, направленность ума, склад ума) и т.д. То есть как категория, ментальность связана главным образом с разумом и мыслительной деятельностью. То, что юмор, то есть то, что же именно кажется

смешным тому или иному человеку или сообществу зависит от ментальности, является очевидным. Но гораздо меньше уделяется внимание и иной зависимости, а именно тому, как смеховая культура влияет на общую ментальность.

Важно понимать, что уже в период Нового времени в ряде философских разработок (например, работы Ш. Монтескье, Ж. Б. Вико, И. Гердера, Г. В. Ф. Гегеля и др.) получила развитие идея о «народном духе» какого-либо народа. Гегель предполагал, что «народный дух» есть спрессованная форма способов образования внутренней действительности. «Прошлое наличное бытие – уже приобретенное достояние того всеобщего духа, который составляет субстанцию индивида... Индивид не может, конечно охватить свою субстанцию с меньшей затратой труда; но вместе с тем у него затруднений меньше, потому что в себе это совершено, – содержание есть уже стертая до возможности действительность, обузданная непосредственностью, а формообразование сведено к своей аббревиатуре, к простому определению в мысли» [2, с. 15-16.]. И то, что юмор и понятие смешного представляет существенный элемент этого «народного духа» – не вызывает никаких сомнений, так как формирование полноценного понимания окружающей реальности невозможно без её оценки по шкале «смешной – серьёзный».

Надо отметить, что концепцию Г. Гегеля о «народном духе» использовали такие исследователи, как О. Бауэр, К. Реннер и их последователи, что в дальнейшем, уже В. Вундтом было использовано в «психологии народов» (В. Вундт), как особой научной дисциплины, соединяющей этнографию, языкознание и историю. Непосредственно в научный аппарат понятие «mentalité» ввел французский этнопсихолог Л. Леви-Брюль в своей работе «Ментальные функции в низших обществах» (1910) и «Первобытное мышление» (1922).

Если мы говорим о смеховой культуре, то на самом деле то, что вызывает смех – не индивидуально, а присуще группе людей, разделяющих определенные исконные культурные установки. Мы обучаемся различать смешное и серьёзное на самых ранних этапах своей социализации, и часто это соотносится с нашими обычаями.

Одним из центральных моментов комического в фильме «В джазе только девушки» является то, что волей обстоятельств главные герои вынуждены притворятся женщинами. Данный момент комичности во многом обусловлен достаточно жестким гендерным разделением социальных ролей, которое было присуще всей европейской культуре на протяжении длительного времени. Эта же особенность присуща и американской, и русской,

и немецкой национальной культуре в тот же период времени, и поэтому передача данного момента не вызывает ни малейших затруднений.

В то же время в работе того же Л. Леви-Брюлля «Первобытное мышление» упоминаются сообщества с еще более жестким разделением гендерных ролей, в котором комичным моментом оказывается то, что нормально для европейца. В частности, у племени бечуанов постройка хижины является исключительно женским занятием, и предложение использовать мужской помощи вызывало безудержный смех [5, с. 130-140.]. По-видимому, в чем-то схожую ситуацию можно было бы встретить у народов, исповедующих ислам.

Однако обратим наше внимание на то, что, начиная с Л. Леви-Брюлля, категория «*mentalité*» часто используется не для характеристики особенностей типа мышления какой либо социальной или культурной общности, сколько для отражения ее специфики в рамках конкретной исторической эпохи. К примеру, в виду современных процессов смещения гендерных ролей в западноевропейском и американском сообществах тот же центральный комический момент из «В джазе только девушки» воспринимается иначе и утрачивает изначальную комичность, и вполне может вызывать даже негативную реакцию у некоторых общественных групп, допустим – представителей феминистического движения. Еще сложнее ситуация будет обстоять с комичным в ритуалах ухаживания, которое проявляет себя в сценах свидания главного героя с героиней Мерлин Монро.

Любопытно, что из-за отдельных исторических особенностей, в частности – из-за некоторой доли естественного традиционализма и консерватизма, свойственного русской культурной среде (которую многие на Западе склонны оценивать даже как реакционное проявление) восприятие элементов комического из фильма «В джазе только девушки», основанных на гендерном подтексте в России будет иметь меньше проблем, чем на том же современном Западе, в котором за счет либерализации и феминизации многих культурных институтов данное восприятие утрачено.

Глубоким изучением ментальностей людей различных исторических периодов занимались представители французской исторической школы «Анналов», среди них наиболее известные М. Блок, понимавший под ментальностью «групповое, коллективное сознание» [1, с. 115.], и Л. Февр, определявший данную категорию как «преломление коллективного в индивидуальном» [6, с. 204.].

Подобные взгляды приобрели широкую известность уже перед Второй мировой войной, но период наивысшего расцвета направления пришелся на 60-е годы XX века, когда выходит большое количество работ историографического и историко-культурного характера (Ж. Дюби, Р. Мандру, Ж. Ле Гофф, Э. Ле Руа Ладори, М. Вовель и др.) Последователи данного направления утверждали, что в человеческом сознании находят свое преломление самые разные проявления бытия, закрепляясь в образах, представлениях и символах. При этом за образами мышления, способами и формами организации конкретных и образных картин мира, свойственных той или иной общности в ту или иную эпоху исследователи пытались увидеть логику всего исторического процесса. При этом, однако, нечеткость и размытость формулировок ментальности приводит к тому, что авторы вкладывали в данное понятие свое содержание, размывая границы его научного употребления.

Нужно отметить, что данный процесс в целом свойственен всяким понятиям, которые обретают широкую популярность (можно говорить даже об определенной моде на них), постепенно утрачивая вследствие разнопланового употребления свою исконную научность и (нередко) в последствие выходящими из употребления в научном сообществе.

Структура национального менталитета раскрывается, в частности, через восприятие комичного, так как за различием вещей по шкале «смешной-серьезный» кроется одна из важнейших оценочных функций, за которой скрыто различие чего-то, что достойно внимания и наоборот. Успешность использования продуктов иной культуры комического характера только в том случае будет достаточно высока, если она имеет соответствие в культуре сообщества-реципиента. Для американского кинопроизведения «В джазе только девушки» в Германии или России важно создать соответствующие отсылки к чему-то, что уже вплетено в соответствующую культурную ткань.

Надо отметить, что относительно традиций изучения русского культурного пространства определенное понимание было сформировано к XIX веку. Н. М. Карамзиным, С. М. Соловьевым, В. О. Ключевским. Чуть позже были предприняты попытки выработать философское и психологическое обоснование для исследований К. М. Бэр, Н. И. Надеждиным и К. Д. Кавелиным, а кульминацией в развитии этого направления стали Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев, Л. П. Лосский, Л. П. Карсавин и др.

Н. А. Бердяев подчеркивал то, что русская национальная ментальность построена на господстве противоречий, которые равноправно сосуществуют и порождают постоянные сомнения

и колебания, предпринимаемые в попытке осмысления нравственного начала. Ключевым вопросом для русской культуры является «правда», «справедливость», которая представляет плод разрешения неразрешимых антиномий – любви и жестокости, свободы и рабства, благородства и низости, анархических и бюрократических начал.

Смех при этом представляется не просто инструментом снятия психологического напряжения, как это представлено в западной ментальности, но в определенной мере инструментом познания, инструментом разрешения противоречий за счет принижения деструктивного начала, снятия страха перед ним. При этом западная смеховая культура значительно более склонна к злой насмешке над чем-то внешним, нежели русская, направленная часто внутрь, на собственные недостатки, на принижение собственных достоинств.

Однако позиция Н. А. Бердяева подвергалась неоднократно и серьезной критике, в частности, В. А. Щученко пишет: «Н. А. Бердяев – правдоподобен, но не правдив, он не делает различия между антиномиями и острыми противоречиями культуры» [7, с. 13]. И. А. Ильин в своих рассуждениях о русской смеховой культуре избегает бердяевского дуализма и ориентируется на разрешение противоречий, за которыми должно просматриваться нечто гораздо более глубокое и неизменное, «сохраняющее свою качественную определенность при всех поворотах исторической судьбы данного народа» [цит. по: 7, с. 14] – архетип русской культуры.

Внешняя, злая насмешка над кем-либо, кто не представляется открыто враждебным и не облечен властью, воспринимается носителями русской ментальности, в отличие от западноевропейцев и американцев, негативно. Описание характера смеховой ментальности конкретной русской общности можно найти в трудах историков и этнографов, изучавших специфику русского быта (И. Е. Забелина, С. В. Максимова, И. П. Сахарова, И. П. Ровинского и других). В этих работах часто встречаются замечания о специфическом отношении к миру представителей описываемого этноса.

Межнациональные отличия способны создать существенные препятствия при передаче комического, при этом содержание самого комического произведения может вполне гармонично восприниматься.

Исследователь А. Я. Гуревич подчеркивал, что ментальность «в целом представляет собой некий уровень общественного сознания, на котором мысль не отделена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания, – и люди ими пользуются,

обычно сами того не замечая» [3, с. 517]. Юмор и комичное создают необходимый позитивный настрой, и при этом они так же изменчивы, как сама ментальность народа, и точно так же обнаруживаются некие константы жизненных установок и моделей поведения. Юмор и комичное всегда апеллируют к чему-то общему, к некой основе сознательного и бессознательного, эмоционального и логического. Они связаны с самими основаниями социального своеобразия.

Несмотря на всё многообразие подходов, можно сделать вывод, что смеховая культура и ментальность перекликается с такими сущностями, как «картина мира», «коллективное сознание» и «коллективное бессознательное». Особенности национального самосознания, культы, верования, традиции и нравственные ценности народа, языковая культура, стереотипы, бытовые нормы и привычки.

В самом общем виде своеобразие национальной смеховой культуры могут быть определены как некая характерная для конкретной национальной культуры или конкретной общности людей система ценностей, разграниченная по шкале «смешной – серьезный», детерминированная особенностями жизнеустройства и историческими реалиями.

Межнациональные различия смеховой культуры проявляются особыми, эмоционально наполненными представлениями об окружающем мире, задаваемые вкупе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного, характеризующие ту или иную общность.

Следует заметить, что проблема передачи комического при использовании инокультурных продуктов гораздо шире просто учета неких явных особенностей национальной культуры, так как разрешение данной проблемы предполагает изучение глубинных психологических паттернов, в которых и наработаны основные особенности смеховой культуры. Смеховая культура (явно или неявно) обнаруживает себя как фактор многих социальных процессов, и поэтому всегда важно осмысление функционирования смеховой культуры как феномена общественной жизни.

Смеховая культура выражает упорядоченность эмоциональных установок, свойственных той или иной общности и определяет стереотипное отношение к окружающему миру. Именно юмор дает прежде всего прочего возможность эмоциональной адаптации к внешним условиям и корректирует выбор альтернатив социального поведения.

Однако разница в культурном фонде различных общностей способно существенно усложнить задачу передачи комического

при использовании инокультурной продукции. Смеховая культура является продуктом повседневного воспроизводства, протекающего из привычного уклада жизни и деятельности. Каждый из нас учится улавливать комические свойства объектов окружающей действительности на основе реакций окружающих, которые мы воспринимаем через механизм эмоциональной эмпатии.

С другой стороны, смеховая культура ассоциирована с качеством или группой качеств личности, которые привычно называют чувством юмора. Но данное чувство не является врожденным, а реализуется через совокупность когнитивных, аффективных и поведенческих характеристик мышления группы, в которую включен индивид.

Особенности восприятия комического и смеховая культура связаны с особенностями индивидуального и группового мышления, причем в некоторых случаях представляет собой частную форму реализации национального менталитета. При этом комическое, само по себе не является просто психическим состоянием, а представляет собой «социокультурный феномен» [4, с. 12.].

Например, тот момент, что в качестве прикрытия подпольного питейного заведения в фильме чикагские гангстеры используют «MozzarellaFuneralParlor» создает дополнительный комический эффект, так как моцарела – это название самого распространенного итальянского сыра, что вызывает забавную ассоциацию с этнической принадлежностью мафиози. Этот эффект сравним с тем, если бы в наших реалиях для прикрытия незаконного учреждения, «крышуемого» кавказской мафией было использовано «Похоронное агентство Сациви», а хозяином этого заведения был бы гражданин Сациви. Однако наши традиции юмора не слишком благосклонно отнеслись бы к подобной шутке.

Помимо этого, сам факт прикрытия питейного заведения похоронной конторой хорошо согласовывается с англосаксонской традицией юмора, в то же время как для русской смеховой культуры шутки в данном направлении воспринимаются значительно более напряженно, а подчас и кощунственно. Если в американской и европейской традиции определенное ироничное отношение к теме смерти считается проявлением силы духа, то для русской смеховой культуры это не приветствуется. Последнее скорее связано с отличиями между протестантским религиозным миропредставлением и православным, которое в целом смех, особенно насмешку над другими считает проявлением греховного начала.

В определенной мере смеховая культура – это абстракция, задающая общий определенный угол зрения на духовную жизнь общества, точнее на определенный аспект культурно обусловленного восприятия реальности, её специфической эмоциональной оценки.

Можно сделать вывод, что национальные особенности восприятия комического связаны с совокупностью исторически конкретных ментальных форм, при этом сам менталитет никогда не монолитен, в своем историческом развитии он характеризуется многообразием генетически различных ментальных групп, которые формируются под воздействием природно-географических, социально-экономических, политических и других факторов исторического генезиса.

Наличие устойчивых особенностей восприятия комического не означает, однако, что они являются собой некую неподвижную сущность, ведь сама история есть процесс перманентных изменений, которые сказываются на умственном и духовном строе народа.

Поэтому то, что является смешным ранее, в новых условиях утрачивает это свое качество. И здесь, именно в этом аспекте, открывается еще одна ниша исследований, которые касаются передачи комического в культурном продукте при использовании его в иной культурной среде. Речь идет о необходимости создания новых прочтений более ранних сюжетов с целью их воспроизведения, перепрочтения не только в рамках передачи от одной национальной культуры к другой, но и от культуры одной исторической эпохи к другой. Нередко происходит так, что при использовании конкретного инокультурного продукта мы не можем опираться исключительно на современное нам состояние национальной культуры того сообщества, в котором этот продукт был произведен, но необходима ретроспектива.

При изучении комического в фильме «В джазе только девушки» невозможно в полной мере опереться на культурные реалии только современного американского общества, которое пережило ряд мощных трансформаций. Необходимо вникать в смеховую культуру американского общества в момент, непосредственно предшествующий созданию этого произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок, М. Апология истории или ремесло историка. / М. Блок. – М. : Наука, 1986. – 174 с.
2. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения в 14 тт. – Т. 4.: Феноменология духа. – М. Издательство социально-экономической литературы, 1959. – 487 с.

3. Гуревич, А. Я. Уроки Люсьена Февра / Послесловие к книге Л. Февра «Бои за историю». – Л. : Наука, 1991. – С. 512-536.
4. Козловский, В. В. Понятие ментальности в социологической перспективе. / В. В. Козловский. // Социология и социальная антропология. – СПб.: Алетейя, 1997. – 431 с.
5. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление. / Л. Леви-Брюль // Психология мышления. Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и В. В. Петухова. – М. : Изд-во МГУ, 1980. – С. 130-140.
6. Февр, Л. Бои за историю. / Л. Февр. – М.: Наука, 1991. – 635 с.
7. Щученко, В. А. Образы русской культуры. / В. А. Щученко // Ценностный мир русской культуры. – СПб. : СПбГАК, 1995. – С. 5-27.
8. Chaplin, J. P. Dictionary of psychology. / J. P. Chaplin. – N.Y.: Dell Publishing, 1975. – 499 p.
9. Reber, A. S. The penguin dictionary of psychology. / A. S. Reber – Harmondsworth, Middlesex, England ; New York : Penguin Books, 1985. – 848 p.
10. The universal dictionary of English language. / Ed. by H. C. Wyld. – 9th ed. – London, 1957.

АННОТАЦИЯ

Рочняк А. В. Трудности, базирующиеся на межнациональных отличиях, при передаче юмора в переводе американских кинокомедий (на примере кинофильма «В джазе только девушки»)

В статье на конкретных примерах из фильма, входящего в золотую коллекцию американского комедийного кинофонда, показана необходимость учета специфики национальной смеховой культуры в конкретный исторический момент. Акцентируется внимание на тесной взаимосвязи особенностей восприятия комического и национального менталитета.

Ключевые слова: трудности перевода, передача юмора, смеховая культура, национальный менталитет.

SUMMARY

Rochnyak A. V. The difficulties based on the international differences in conveying humor in the translation of American comedy films (on the example of «Some Like It Hot»)

The article demonstrates the necessity to consider the peculiarities of national culture of humor at a definite historical moment on the definite examples of the American golden comedy film fund. Special attention is given to the close connection of the peculiarities of humor perception and national mentality.

Key words: translation problems, humor conveying, culture of humor, national mentality.

О. В. Сырова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'42

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА СТУДЕНТОВ: ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В современном мире существует немало насущных проблем: будь то политика, экономика, медицина, воспитание. Одной из важных проблем нашего общества является культура речи.

Культура речи – это компонент духовной культуры человека и общества, это владение нормами устного и письменного литературного языка. Культура речи тесно связана с культурой общения. Надо знать, и то, что сказать, и то, как сказать и когда. Речь – одно из важнейших средств общения. Поэтому, когда мы слышим, как человек разговаривает, у нас сразу складывается впечатление о нём. Речь человека – это немаловажный фактор образованности, благодаря которому мы понимаем кто перед нами: ребёнок или взрослый, вежливый или грубый, эмоциональный или сдержанный.

В современных условиях в системе высшего образования большое внимание уделяется повышению уровня речевой культуры. Во многом это продиктовано требованиями рынка: для того, чтобы специалист соответствовал им, был конкурентоспособен, он должен быть всесторонне образованным, культурным человеком. Несомненно, основой общей культуры является высокий уровень владения языком: развитая речь, выступающая в качестве инструмента мышления, знание русского языка становятся показателем отношения к родной культуре. Обучение в вузе – важный этап формирования речевой культуры человека. Однако это не начальная стадия данного процесса. Студент, начиная вузовское обучение, уже обладает определенной речевой культурой, которая формировалась в семье и школе. Поэтому заново моделировать речевую культуру студента уже невозможно, необходимо лишь ее развивать и трансформировать в период становления студента как личности.

Овладение литературной речью и ее нормами – это «первая, низшая ступень освоения литературного языка» (Л. И. Скворцов). Правильность речи является, в сущности, предметом школьного обучения. По мнению Л. И. Скворцова, «программа средней

школы и предполагает в общем виде привитие навыков правильной речи (преимущественно в области грамматики)»[1]. Но речевая культура заключается не только в следовании нормам языка. Она предполагает умение найти точное средство для выражения своей мысли, наиболее доходчивое (т.е. более выразительное) и наиболее уместное (т.е. самое подходящее для данной ситуации, а значит, стилистически оправданное). Об этом ещё говорили известные учёные, в числе которых Б. Н. Головин, С. И. Ожегов.

Современная практика показывает, что в любой социальной сфере, межличностном общении, профессиональной среде лидером, конкурентоспособным специалистом становится тот, кто владеет словом, кто умеет эффективно резюмировать свой профессиональный потенциал работодателю и целевой аудитории. При этом современного специалиста оценивают не только с позиции его коммуникативного таланта, но и уровня его речевой культуры, проявление которой видится в технологии моделирования ситуации общения, в умении выстраивать эффективные коммуникативные связи, основанные на эмпатии, толерантности, принятии мнения собеседника, понимании его эмоционально-чувственных переживаний, готовности идти на компромисс.

Таким образом, в условиях современных реалий умение говорить грамотно, ясно и четко выражать свои мысли, воздействовать на слушателя, правильно понимать собеседника, способность вести диалог в разных ситуациях речевого общения – все это не только показатели уровня развитой культуры личности, но и маркеры профессиональной пригодности специалистов различных профессий [2, с. 219]. Следовательно, на сегодняшний день речевая культура личности выступает в качестве организующего начала межличностных, социальных, профессиональных, межкультурных коммуникаций, проявляющихся в многогранных отношениях к самому себе, к людям, обеспечивающих регуляцию коммуникативного поведения на основе нравственных норм и аксиологических ориентиров.

Исходя из сказанного, приоритетной задачей учебных заведений повышение общей речевой культуры студентов и создание благоприятной речевой среды через развитие общего кругозора, расширение словарного запаса. Данные навыки и способности будущих специалистов развиваются и совершенствуются на занятиях по русскому языку и культуре речи. Всё богатство и разнообразие лексического запаса языка собрано в словарях. Именно в них отражены все сферы жизни общества, аккумулированные в нормах русского литературного

языка, владение и оперирование которыми в повседневной практике речевого общения и является показателем уровня речевой культуры личности будущего специалиста. Однако, как показывает практика, многие выпускники школ не имеют навыков пользования словарями. А между тем, значение словарей в жизни культурного человека трудно переоценить, ибо в словарях отражены все сферы жизни общества. До сознания студента следует довести преимущества человека духовного богатого, обладающего хорошей речью. Поэтому, одной из основных задач такой дисциплины, как «Русский язык и культура речи», является воспитание культуры грамотного пользования сокровищницами языка, умение обращаться к словарям различного типа, извлекая из них полезную информацию. В первую очередь следует отметить толковые словари, из которых студент узнает, во-первых, о значении слов, во-вторых, о правильном их написании, в-третьих, о норме ударения в каждом слове, состоящем не из одного слога, в-четвертых, о некоторых грамматических формах, и, в-пятых, о стилистических свойствах слова. Вся эта информация о слове представлена в экономичной форме с использованием специальных значков и символов, условных обозначений. Следует отметить, что большая часть русских слов многозначна, и любой толковый словарь дает слово в разных значениях, сопровождая их иллюстрациями употребления каждого значения в контекстах. Кроме того, если слово употребляется в устойчивых словосочетаниях, то после толкования значений даны фразеологизмы.

При ознакомлении студентов с разными словарями и справочными пособиями необходимо добиться понимания того, какие словари должны быть в первую очередь в пользовании каждого культурного человека. Во-первых, необходимо иметь толковый словарь. Например, толковый словарь С.И.Ожегова [3]. Безусловно, необходимо ознакомить студентов и с МАС (под редакцией А.П.Евгеньевой), включающим более 80-ти тысяч слов. Многие словарные статьи сопровождаются краткими историческими, этнографическими или энциклопедическими справками [4]. Например,

Манеж, -а, м.1. Площадка или специальное здание для тренировки верховых и рысистых лошадей для обучения верховой езде. *Кавалеристы в манеже, под руководством, инструктора, проходили полный курс езды, рубки и вольтижировки.* 2. Арена цирка. Однажды во время представления она сорвалась с воздушного турника и упала на песок манежа. 3. Небольшая переносная загородка для детей, начинающих ходить.

[Франц. manège]

Мытарь,-я, м. 1. В библейских тестах название сборщика податей, откупщика в древней Иудее. 2.Ист. Сборщик мыта в древней Руси.

Знакомство студентов с подобными словарными статьями дает им возможность получение разносторонних сведений.

На занятиях по русскому языку и культуре речи студенты знакомятся с различными словарями: иностранных слов, словарями синонимов, антонимов, фразеологическими, орфографическими и другими. Цель нашей работы заключается в пробуждении интереса студентов работать со словарями разных типов для более глубокого ознакомления с лексическим, фразеологическим и стилистическим богатством родного языка.

Кроме толкового словаря студентам следует показать большой орфографический словарь, в котором содержится 100 тысяч слов [5]. Нем представлено правописание в начальной и некоторых формах слов, их вариантов. Например,

Разжечь(ся),разожгу',разожжет(ся), разжѣг(ся), разожгла'(сь).

Разду'мье, -я, р.мн. раздумий.

Е'дче, сравн.ст. (от едкий, едко).

Каждый человек, тем более будущий филолог, психолог или выпускник технического вуза, должен научиться пользоваться орфоэпическим словарем,, тем более, что современное состояние русской устной речи характеризуется активным обновлением произносительных норм и расширением числа произносительных вариантов. Поэтому следует использовать словари, изданные в последнее время. К таковым относится «Новый орфоэпический словарь» Т.Ф.Ивановой, содержащий 40 тысяч слов, и более полный «Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы» под ред. Р.И.Аванесова [6].

При работе с орфоэпическим словарем формы работы могут быть следующими:

1. Расставить ударение в словах и сверить со словарем: баловать, звонит, каталог, камбала, щавель, квартал, кулинария, трюфели, исчерпать.

2. Образовать от слов формы множественного числа и расставить ударения: шофер, доктор, порт, торт, редактор, фронт, договор, курица, серьга.

3. Образовать формы родительного падежа множественного числа от следующих существительных: киргизы, апельсины, томаты, грузины, серьги, блюдце, башня.

Для расширения словарного запаса русского языка, а также для выработки умений и навыков в правильном написании и произношении слов полезно дать следующее

задание: выписать из орфоэпического или орфографического словаря наречия на букву в. Студенты выполняют задания по группировке выписанных наречий от зависимости от места ударения в них: на приставке, корне или суффиксе (запросто, вначале, зачастую), затем по способу правописания: раздельно, через дефис, слитно (на цыпочках, точь-в-точь, запанибрата).

С большим интересом студенты знакомятся с фразеологическим богатством русского языка. При помощи фразеологического словаря они могут узнать не только значение фразеологизма, но и его происхождение, стилистическую окраску.

Избиение младенцев. Ирон. Жестокая и массовая расправа над беззащитными, неопытными и т.п.людьми. Если Русанов глубоко убежден в том, что, производя в своем ведомстве это постоянное избиение младенцев (отдачу под суд чиновников-взяточников), он действительно искореняет взяточничество.., тогда Русанов смело может оставаться на службе.

Козел отпущения. Человек, на которого сваливают чужую вину, ответственность за других. Почему же я и эти несчастные должны сидеть тут за всех, как козлы отпущения? Чехов. Палата №6.

Выражение, возникшее от существовавшего у древних евреев обряда: в день грехоотпущения первосвященник возлагал обе руки на голову живого козла в знак возложения на него всех грехов еврейского народа, после чего козел изгонялся в пустыню. Лит: Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н.Ушакова, т.1, М.,1935.

Таким образом, работа со словарем – это процесс, который способствует не только совершенствованию речевой культуры студентов, но и развивает у них умения самостоятельно получать знания (как из словарей, так и из других источников).

ЛИТЕРАТУРА

1. Скворцов,Л.И.Экология слова, или Поговорим о культуре русской речи / Л.И. Скворцов. – 3-е изд. –М. : Просвещение, 2009. –158 с.
2. Кичева, И.В. Педагогическая модель формирования коммуникативной компетентности будущего специалиста средствами педагогической риторики / И.В. Кичева, Е.А. Шабанова // Весна ПГЛУ. – 2015. – № 3. – С. 219 – 224.
3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка/ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп.–М.: Азбуковник,1997.
4. Словарь русского языка / Сост. и гл.ред. А.П.Евгеньева.– М.:Русский язык,1985.–230с.

5. Орфографический словарь русского языка: 1000000 слов / Под ред. И.М. Стронской. – СПб.: Изд. дом «Литера», 2006.
6. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р.И. Аванесова. – М., 1997.

АННОТАЦИЯ

Сырова О. В. Речевая культура студентов: лингвометодический аспект

Статья посвящена проблеме совершенствования речевой культуры будущих преподавателей иностранного языка, историков, психологов, переводчиков, ее связи с уровнем общей культуры и профессиональной компетентностью. Рассматривается значимость профессиональной коммуникативно-речевой подготовки студентов посредством их обучения работе со словарями разных типов. Исследуются особенности использования форм существования языка и трудности изучения различных видов литературной нормы, анализируются творческие языковые возможности студентов и делается вывод о важности повышения уровня их речевой компетентности.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность; культура речи; этапы и механизмы работы со словарем, лексический запас, работа словарем, словарная статья, языковая норма.

SUMMARY

Sirova O. V. Students' speaking culture: lingual-methodological aspect

The article deals with the problem of improving the speech culture of future foreign language teachers, historians, psychologists and interpreters, its relationship to the level of general culture and professional competence. Special regard is given to the importance of professional training of students by means of teaching them to work with dictionaries of all types. The author also examines the characteristics of the use of the language forms and the difficulties of studying the various types of literary norms; analyses the creative linguistic possibilities of students and concludes that it is important to increase their level of speech competence.

Key-words: communicative competence, speech culture, steps and mechanisms for working with the dictionary, vocabulary, work with the dictionary, dictionary entry, language norm.

А.О. Халабузарь
(г. Донецк, ДНР)

УДК 81'373.612

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АББРЕВИАТУРНОЙ ГРУППЫ «АВИА»

Объектом рассмотрения в предлагаемой статье являются ономасиологические характеристики сложносокращённых апеллятивов, входящих в аббревиатурную группу «авиа».

Ономасиологическому анализу сложносокращённых апеллятивов посвящен ряд работ представителей Донецкой дериватологической школы. Его основные принципы были изложены в докторской диссертации В.И. Теркулова «Композиты русского языка в ономасиологическом аспекте» [5]. Затем они были уточнены в кандидатской диссертации О.В. Блюминой «Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке» [1]. Различные аспекты ономасиологического анализа композитов и аббревиатур рассматривались в работах А.А. Лялюк [3], Д.А. Браун [2], Е.Н. Михайловой [4] и др. В нашей работе предпринимается попытка применения разработанных методик для ономасиологического описания конкретной аббревиатурной группы – группы «авиа».

Для дальнейшей работы необходимо уточнить некоторые аспекты принятого Донецкой дериватологической школой подхода к исследованию единиц данного типа и дать определения основных понятий синхронного описания сложносокращённых апеллятивов.

1. Сложносокращёнными апеллятивами мы, вслед за В.И. Теркуловым, называем «нарицательные лексемы, связанные мотивационными отношениями со словосочетаниями и включающие в свой состав эквиваленты не менее двух слов этих словосочетаний, как минимум один из которых является неинициальным аббреконтруктом (сокращённым эквивалентом)» [10, с. 104], например слово *авиачиновник*, эквивалентное словосочетанию *авиационный чиновник*.

2. Сложносокращённые апеллятивы могут быть рассмотрены как с точки зрения диахронии, то есть как слова, возникшие в результате компрессии (универбализации) словосочетаний, так и с точки зрения синхронии, то есть как слова, имеющие на современном срезе языка развёрнутые дескриптивные эквиваленты. При этом аббревиатурный статус слова в диахронии и синхронии может различаться, поскольку, как это было отмечено в ряде работ представителей Донецкой

дериватологической школы, в языке, помимо процесса универбализации, действует процесс псевдоунивербализации, то есть развертывания словосочетания на базе слова. Например, слово *авиаобслуживание* возникло в результате универбализации, что подтверждается всеми инструментами этимологизации аббревиатур (см. о них: [6; 7]), в частности квантитативной (словосочетание встречается в текстах в 10 раз чаще слова) и хронологической (словосочетание по данным сервиса Google Ngram Viewer отмечается в текстах с 1933 г., а слово – с 1938 г.) методиками. Слово же *авиа*модель, трактуемое нами как диахронная квазиаббревиатура, образовано путем присоединения аббрекконструкта (аббреморфемы) *авиа* к слову *модель* с последующим развертыванием на его базе словосочетания *авиационная модель* (словосочетание встречается в текстах в 40 раз реже слова, данные Google Ngram Viewer: *авиа*модель – с 1935 г., употреблений *авиационной модели* не отмечено). Для носителя языка псевдоунивербализация нивелирует различие аббревиатур и квазиаббревиатур в синхронии: для него и *авиаобслуживание* и *авиа*модель являются аббревиатурами, поскольку обнаруживают на актуальном срезе языка эквивалентные словосочетания. В нашей работе применяется именно синхронный подход.

3. Эквивалентным сложносокращённому апеллятиву является словосочетание, отвечающее трём критериям:

1. в его составе есть слова, которые являются формальными и семантическими эквивалентами конструкторов аббревиатуры;

2. оно имеет в общих контекстах значение, тождественное значению аббревиатуры;

3. оно выступает в качестве дублета аббревиатуры в эквивалентных текстах, к которым относятся «собственно эквивалентный текст, т.е. один текст, в котором аббревиатура и ее дублет используются для обозначения одного и того же референта; параллельные эквивалентные тексты, т.е. разные тексты, в которых аббревиатура и словосочетание используются для обозначения одного референта; и условно эквивалентные тексты, т.е. разные тексты, в которых аббревиатура и ее эквиваленты имеют тождественное сигнификативное значение, но употребляются для обозначения разных референтов» [9, с. 111].

Например, для слова *авиапредприятие* нами в эквивалентных текстах были обнаружены эквиваленты *авиационное предприятие*, *предприятие авиационной промышленности*, *авиаремонтное предприятие*. 1. Эквивалентами аббрекконструкта *авиа* в них являются

слова *авиационное*, *авиационной промышленности* (ср. *авиагигант* – *гигант авиационной промышленности*, *авиазавод* – *завод авиационной промышленности* и т.д.), *авиаремонтное* (ср.: *авиахолдинг* – *авиаремонтный холдинг*, *авиазавод* – *авиаремонтный завод*). Слово *предприятие*, входящее в состав данных словосочетаний, является полным эквивалентом конструктора *-предприятие* аббревиатуры. 2. Слово и его эквиваленты имеют абсолютно тождественное значение «предприятие, связанное с авиацией». 3. Данные единицы употребляются как дублиеты сложносокращённого апеллятива в эквивалентных текстах:

В Ново-Сибирск прибыл маршал Тухачевский, который приказал преобразовать местный завод «Сибмашистрой» в «Предприятие авиационной промышленности 153». – Так появилось первое в мире *авиапредприятие*, которое специализировалось на производстве истребителей (<https://docplayer.ru/40414662-Istoriya-ministerstva-finansov-i-nalogovoy-politiki-novosibirskoy-oblasti.html>);

Кто намерен разбудить не мёртвое, а спящее севастопольское *авиационное предприятие*? – Проблемы последних 25 лет в работе Севастопольского *авиаремонтного предприятия* – типичные и знакомые мне не понаслышке – Вот тогда, летом 2016 года, я впервые посетил Севастополь и Севастопольское *авиапредприятие* (<https://ruinform.com/page/sevastopolskoe-aviacionnoe-predpriyatje-ne-mertvoe-ono-spjashhee-ego-prostonuzhno-razbudit>).

4. Как видно из предыдущего примера, у одного слова на синхронном срезе языка может быть несколько эквивалентных словосочетаний. Это обусловлено тем, что один аббрекконструкт часто имеет несколько стереотипных дешифровок, которые мы называем дешифровальными стимулами. В работах представителей Донецкой дериватологической школы при описании дешифровальных стимулов используются понятия «лемма» и «токен». Под токеном понимается конкретная речевая форма дешифровального стимула, а под леммой – «словарная» интерпретация, обобщение всех формально связанных и семантически тождественных токенов [8]. Например, токен авиации (авиагарнизон – гарнизон авиации) вместе с токенами авиацией (авиаобстрел – обстрел авиацией); авиация (авиасвязь – авиация связи), в авиации (авиаслужба – служба в авиации), для авиации (авиатопливо – топливо для авиации), от авиации (авиашум – шум от авиации), по авиации (авиаинспектор – инспектор по авиации) представляют лемму авиация. Нами обнаружено 44 леммы, 63 сублеммы для аббревиатурной

группы «авиа». Именно благодаря дешифровальным стимулам осуществляется псевдоунивербализация, зачастую множественная, одного слова, что приводит к формированию вокруг него гнезда эквивалентности.

5. Совокупность гнёзд эквивалентности, объединённых вокруг слов с тождественным препозитивным абброконструктом, определяется нами как аббревиатурная группа (абброгруппа).

Ономасиологический подход к описанию абброгрупп предполагает выделение в них ономасиологических классов, под которыми понимаются лексико-семантические объединения одноструктурных единиц и которые определяются на основе следующих параметров:

а) общекатегориальное грамматическое значение номинативного комплекса, в нашем случае – существительные;

б) общая схема образования номинативных единиц, в нашем случае – сложносокращённые аппеллятивы;

в) лексико-семантическая группа, построенная на основе абсолютизации архисемы композита, отнесенной к тому или иному когнитивному классу (структурно-семантическому типу концепта);

г) ономасиологическая модель номинатива, включающая «ономасиологический базис» (определяется по архисеме главного слова – А.Х.) и «ономасиологический признак» (определяется по глубинному падежу зависимого слова – А.Х.) наименования» [5, с. 232].

Для аббревиатурной группы «авиа» нами обнаружены следующие лексико-семантические группы:

- 1) лицо, например *авиадиспетчер*, *авиаагент*;
- 2) учреждение, например *авиашкола*, *авиафирма*;
- 3) предприятие, например *авиазавод*, *авиафабрика*;
- 4) подразделение, например *авиабатальон*, *авиаотряд*;
- 5) приспособление, например *авиадвигатель*, *авиагоризонт*;
- 6) мероприятие, например *авианалёт*, *авиатранспортировка*;
- 7) событие, например *авиакатастрофа*, *авиаавария*;
- 8) вещество, например *авиабензин*, *авиакеросин*;
- 9) объединение объектов, например *авиакомплекс*, *авиаоборудование*;

10) пространственные объекты и параметры, например *авиамаршрут*, *авиапространство*;

11) отрасль, например *авиапромышленность*, *авиатуризм*.

Ономасиологический класс «лицо» представлен в нашей картотеке 22 сложносокращёнными аппеллятивами, представляющими 92 аббревиатурные пары.

В ономасиологическом классе «лицо» выделяем следующие ономасиологические модели.

1) Кваликатив + лицо: данная модель определяет только то, что некое лицо каким-то образом связано с авиацией. Нами обнаруживаются следующие базисные значения:

1. профессия, должность: *авиадиспетчер* – *авиационный диспетчер*, *авиаинженер* – *авиационный инженер*;

2. статус: *авиаспециалист* – *авиационный специалист*, *авиатурист* – *авиационный турист*.

2) Дестинатив + лицо: в данной модели признак определяет назначение, цель деятельности лица. Обнаруживаются только одно базисное значение – «профессия, должность»: *авиаагент* – *агент по авиаперевозкам*; *авиаинженер* – *инженер по обслуживанию авиационной техники*.

3) Поссесив + лицо: в ономасиологическом признаке отмечается принадлежность лица организации, отрасли, событию и т.д. Обнаруженные базисные значения:

1. профессия, должность: *авиаагент* – *агент авиакомпании*; *авиаинспектор* – *инспектор службы авиационной безопасности*;

2. статус: *авиапассажир* – *пассажир авиарейса*.

4) Дистрибутив + лицо: в ономасиологическом признаке определяется объект, которым руководит, оперирует лицо. Обнаруженные базисные значения:

1. профессия, должность: *авианаводчик* – *наводчик авиации*,

2. статус: *авиапоставщик* – *поставщик авиационной техники*;

5) Каузатив + лицо: в данном случае признак определяет источник деятельности или статуса лица. Обнаруживаются только одно базисное значение – «статус»: *авиалюбитель* – *любитель авиатехники*.

Итак, в аббревиатурной группе «авиа» нами отмечены 11 базовых ономасиологических классов. Ономасиологический класс «лицо», представленный в нашей картотеке 22 сложносокращёнными аппеллятивами, представляющими 92 аббревиатурные пары, реализует пять базовых ономасиологических моделей.

В дальнейшем мы предполагаем описать все ономасиологические модели ономасиологических классов, отмеченных нами в аббревиатурной группе «авиа».

ЛИТЕРАТУРА

1. Блюмина О.В. Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Блюмина Ольга Валентиновна; Горл. гос. пед. Ин-т иностр. яз. – Горловка, 2010. – 341 с.

2. Брацун Д.А. Аббревиатурный ономаσιологический класс: модели формального описания / Д.А. Брацун // Новые горизонты русистики. – 2018. – № 6. – С. 4-9.
3. Лялюк А.А. Ономаσιологический и полевой подходы к изучению аббревиатурных слов / А.А. Лялюк // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Владикавказ, 2017. – № 2(26). – С. 146–150.
4. Михайлова Е.Н. Ономаσιологические модели соответствия в аббревиатурной группе «бензо» / Е.Н. Михайлова // Новые горизонты русистики. – 2017. – Вып. 2. – С. 4246
5. Теркулов В.И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте : дис. ... доктора филол. наук : 10.02.02 / Теркулов Вячеслав Исаевич. – Горловка, 2008. – 472 с.
6. Теркулов В.И. О разновидностях аббреконтруктов : аббреквивалент и аббреморфема / В.И. Теркулов // Континуальность и дискретность в языке и речи : материалы 5 Международной конференции. – Краснодар, 2015. – С. 30–33.
7. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. – Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.
8. Теркулов В.И. Методика прогнозирования отношений эквивалентности для сложносокращённых слов / В.И. Теркулов // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков: Материалы I Международной научно-методической конференции (21 мая 2018 г.). – Донецк: ДонНТУ, 2018. – С. 69–80.
9. Теркулов В.И. Толково-эквивалентностный словарь сложносокращённых слов русского языка как новый тип словаря аббревиатур / В.И. Теркулов // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, посвященной 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка». – СПб.: Нестористория, 2018. – С. 93–102.
10. Теркулов В.И. Сложносокращённые апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур / В. И. Теркулов // Русистика. – 2020. – Т. 18. – № 1. – С. 97–112.

АННОТАЦИЯ**Халабузарь А. О. Ономаσιологические характеристики аббревиатурной группы «авиа»**

В работе осуществляется первичное ономаσιологическое описание гнезд эквивалентности сложносокращённых слов, входящих в аббревиатурную группу «авиа». Автор определяет в качестве объекта описания ономаσιологический класс, даёт перечень ономаσιологических классов рассматриваемой группы. Для ономаσιологического класса «лицо» определяются базовые ономаσιологические модели представления значения слова и его синтаксического эквивалента.

Ключевые слова: аббревиатура, дешифровальный признак, ономаσιологический класс, ономаσιологический базис, ономаσιологическая модель, сложносокращённое слово.

SUMMARY**Khalabuzar A. O. Onomasiological characteristics of the abbreviation group «avia»**

In this work, the primary onomasiological description of the nests of equivalence of complex abbreviated words included in the abbreviated group «avia» is performed. The author defines an onomasiological class as the object of description, gives a list of onomasiological classes of the group under consideration. For the onomasiological class «person» the basic onomasiological models of representation of the word meaning and its syntactic equivalent are defined.

Key words: abbreviation, decoding feature, onomasiological class, onomasiological basis, onomasiological model, complex shortened word.

О. Г. Щербакова
(г. Горловка, ДНР)
М. В. Трофименко
(г. Ясиноватая, ДНР)

УДК 811:82.0(045)

ПРИНЦИП ОКСЮМОРОНА В СОЗДАНИИ ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ ГРОТЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ МАРКА ТВЕНА «ТРИ ТЫСЯЧИ ЛЕТ СРЕДИ МИКРОБОВ»

Нужно ли сегодня говорить о значении творческого наследия Марка Твена? Ведь он – признанный классик американской и мировой литературы, выдающийся художник-реалист, чье значение в истории американской словесности огромно, и этот факт признан во всем мире. Не зря же Э.Хемингуэй сказал, что вся современная литература США вышла из «Гека Финна». Но только недавно, то есть, начиная со второй половины прошлого столетия, стали как к нам, так и к читателям на родине писателя доходить те глубинные факты его творчества, часть которых остаётся и до сих пор скрытой.

Единственными доступными для нас литературно-критическими источниками, которые касаются рассказа Марка Твена «Три тысячи лет среди микробов», являются три публикации, две из которых вышли ещё в советское время, и одна небольшая статья, опубликованная в 2003 году.

Твена всегда отличало повышенное внимание к окружающему миру. Особый интерес он, судя по записям в дневниках и по художественным произведениям, проявлял к развитию естественных наук. Они преломились в творчестве Твена в фантастично-гротесковой форме антиутопии, которая представляет мир в неожиданном ракурсе.

Будучи одним из поздних произведений писателя, рассказ «Три тысячи лет среди микробов» проникнуто глубоко мизантропической философией. «Три тысячи лет среди микробов» – произведение злое, жестокое, вездливое, проникнутое ядом иронии. Против чего же направлен гнев писателя? Ответить нелегко, поскольку объекты сатиры Твена многочисленны. Это – монархические и республиканские системы, политика колониальных захватов, буржуазная «цивилизация», политическая демагогия, социальная психология, христианские догмы и религия, преклонение перед ошибочными авторитетами, современная историография, милитаризм и военные доктрины империализма, американская демократия и буржуазная Америка,

представленная в виде страны «Скоробогатии», преклонение перед Европой и европейцами, шовинизм и национализм, иммигранты (как социальная категория), президент Теодор Рузвельт, валютная система, толковые словари, судьба национального языка, этические теории буржуазного общества, научно-технические достижения и даже сам автор рассказа. Этот перечень можно было бы продолжать, но сказанного достаточно, чтобы понять, что избыток «объектов» требовал от Твена особого способа повествования, нетривиальную форму, разработка которой давалась ему, очевидно, через силу.

Как известно, оксюморон, что в переводе с древнегреческого обозначает «абсолютная несуразность», – это слово или словосочетание, которое является самовозражением (“bittersweet”, “speaking silence”, etc). Эта фигура хорошо описана в учебно-исследовательской литературе, но, будучи частью гротескного ключа, она по общему семантическому принципу своего формирования входит в триаду «оксюморон – антитеза – парадокс», поэтому необходимо сделать несколько замечаний относительно их отличия друг от друга, ведь границы между ними обозначены довольно нечетко. Своеобразной хрестоматией компонентов этой триады есть два нижеприведенных фрагмента из «Ромео и Джульетты» Шекспира, на которых можно показать отличия, которые нас здесь интересуют. Один из них – речь Ромео в его беседе с Бенволио (I,1): “*Why, then, Obrawling love! O loving hate! / O anything, of nothing first create! / O heavy lightness! Serious vanity! / Misshapen chaos of well-seeming forms! / Feather of lead, bright smoke, cold fire, sick health! / Still-waking sleep that is not what it is! / This love feel I, that feel no love in this*”.

Второй – это страстный обвинительный монолог Джульетты (III,2), когда она узнает, что Ромео убит еее кузена Тибальда: “*O serpent heart, hid with a flowering face! / Did ever dragon keep so fair a cave? / Beautiful tyrant! Fiend angelical! / Dove-feathered raven! wolfish-ravens lamb! Despised substance of divinest show! / just opposite to what thou justly seem'st; / A damned saint, an honourable villain! / O, nature! what hadst thou to do in hell / When thou didst bower the spirit of a fiend / In mortal paradise of such sweet flesh? / Was ever book containing such vile matter / So fairly bound? O! that deceit should dwell / In such a gorgeous palace*”.

Мысли большинства стилистов совпадают в том, что антитеза – сугубо синтаксическое явление. Например, Ю.М. Скребнев [2, с. 163] пишет, что, во-первых, антитеза более распространена, чем оксюморон; во-вторых, антитеза имеет несколько вариантов потому, что сам этот термин приоб-

широкое значение как тот, что имеет в виду какое-либо активное противопоставление понятий, которые реально или воображаемо контрастируют; в-третьих, противопоставленные понятия в антитезе отнесены к обоим референтам, а в оксюмороне – к тому же самому, но они взаимоисключаемы. Четвертое – не каждая антитеза, в отличие от оксюморона, базируется на логическом контрасте: рассказчик может ставить в отношении противоположности также и референты, которые не являются объективно противоположными, они просто разные, но производят впечатление противоположности.

В.А. Мальцев [1, с. 83] связывает антитезу с синтаксическим параллелизмом, в котором противопоставленные элементы повторяются в тексте и формируют, таким образом, контраст.

Итак, имеем два критерия отличия: структурный (В.А. Мальцев) и логико-семантический (Ю.М. Скребнев). Первый учитывает реализацию антитезы в параллельных конструкциях, чего не случается с оксюмороном, последний показывает реакцию между контрастностью, которая присуща оксюмору, и другими субъективными факторами, которые обуславливают мотивы противопоставления.

Л.П. Ефимов и Е.А. Ясинецкая [4, с. 68] считают, что именно структурный критерий тут главный. Ибо идентификационный минимум оксюморона – слово или словосочетание, а идентификационный минимум антитезы – противопоставление, по крайней мере, двух словосочетаний. Поэтому в этой самой системе сопоставлений оксюморон логично рассматривать как особый случай антитезы.

Что касается парадокса, который может быть основан как на контрарности, так и на несовместимости, его значительно легче отличить как от оксюморона, так и от антитезы. Парадокс является личной формой остроумия, которое имеет черты гротескного ключа и часто формулируется как эпиграмма (лаконичное стихотворное или прозаичное выражение дидактического содержания). Будучи юмористическими по форме, эпиграмматические парадоксы проявляют диалектическую природу тех важнейших для человечества истин, которые содержат существенные жизненные противоречия. В отношении английской словесности, парадоксы были особенно модными среди поэтов-метафизиков XVII столетия, в частности признанным их мастером считался Джон Дон (John Donne, 1572 – 1631).

В рассказе «Три тысячи лет среди микробов», кроме случаев, которые мы рассматриваем в связи с их интегрированностью в гиперболу или мейозис, контрасты встречаются почти с первых

страниц, но по своей форме они чаще всего являются антитезами или парадоксами. Классические оксюмороны встречаются не так уж и часто. Например, рассказчик с иронической гордостью пишет, что он несколько раз удостоивался чести разговаривать с императорами микробной планеты, и памятник одному из них регулярно обновляется на добровольно-принудительных основаниях:

(1) *"It is rebuilt every five hundred years, by voluntary contributions exacted by the State"* [3, с.169].

Открывая тайну своего происхождения «Гулливверу» и «Людовику XIV» (знатным микробным персонажам и ученым), Гек (Твен) рассказывает им о фактах, которые не поддаются ни их пониманию, ни анализу с точки зрения микробной науки, но им как ученым не идет выражать свою обеспокоенность. Отсюда и выделенный оксюморон, который показывает, как это трудно делать, например, «Людовику»:

(2) *"There was a studied scientific pause, then Louis, in a voice trembling with calm, opened the engagement..."* [3, с.203].

Классическую антитезу имеем, например, в эмоциональном предложении, которое описывает жизнь рассказчика в микробной стране:

(3) *"What ages and ages of joy, prosperity, poverty, hope, despair, triumph, defeat, pain, grief, misery, I have seen, felt, experienced in this lagging and lingering slow drift of centuries! What billions of friends I have made, and loved, and clung to, only to see them pass from this fleeting life to return no more! What black days I have seen – but also what bright ones!"* [3, с.165].

Когда автор вступает в напрасный философский спор с Катериной Арагонской касательно того, что есть реальность, а что – только воображение, он видит определенные изменения в ее поведении, внешности и убеждениях. Поэтому он только жалеет, что она оказывается под влиянием иллюзий, которые он не в состоянии развеять. Но внезапно и он видит, что сам изменился, пока вел с ней этот разговор, и его личность раздваивается во времени. Сейчас он не тот, что был полчаса назад, это два разных измерения времени, и их противопоставление – тоже классическая антитеза:

(4) *"An hour or two ago and now – those were quite different dates"* [3, с. 220]

Когда «герцог» читает лекцию о социальной структуре страны микробов, «Гек» впечатлен информацией, которую он получил. Но он же изучал микробиологию, когда был человеком, поэтому не все тут для него является новым, новостью становится лишь факт заражения микроба от микроба. Отсюда – следующая

антитеза, которая имеет элементарную структуру отрицания предыдущего высказывания:

(5) *"I was charmed with the Duke's lecture. Its wonders were new to me, and astonishing. At the same time, they were old to me and not astonishing"* [3, с. 251].

Когда автор в «Предисловии» пишет, что он пытался при переводе его истории с микробной отредактировать стиль оригинала, но потом отказался от этой бесперспективной идеи, он оправдывает свое решение тем, что это было бы все равно, что нарядить портового грузчика в смокинг и заставить его читать лекцию в колледже. То есть переводчику не стоит вмешиваться в стиль оригинала, чтобы не потерять, как говорится, его аромат:

(6) *"It amounted to putting evening dress on a stevedore and making him stand up in the college and lecture"* [3, с.162]. Тут мы имеем три референта (грузчик, смокинг и лекция в колледже), которые не согласуются между собой и входят в отношения несовместимости.

В «Предисловии» мы также имеем объяснение, почему именно рассказчик новеллы стал микробом:

(7) *"The magician's experiment miscarried, because of the impossibility of getting pure and honest drugs in those days, and the result was that he transformed me into a cholera-germ when he was trying to turn me into a bird"* [3, с. 163]. Понятно, что тут факт противопоставления холерного вибриона и птицы в виде антитезы очевиден (и, наверное, не нарочно пророческий, если вспомним о современных проблемах, которые вызваны птичьим гриппом). Но это повод для того, чтобы сделать предположение касательно более глубоких вещей, которые прячутся за поверхностью этого противопоставления, так как тут мы видим авторское сомнение зоосемического характера: или ему наблюдать за человеческой гнусностью с романтических высот птичьего полета, или копаться в человеческом помете в самой его середине, да еще и рассматривать его под микроскопом. Возможно, именно жесткие требования гротескно-сатирического жанра заставили его сделать тот выбор, который он сделал, ведь убирать авгиевы конюшни чистыми руками вряд ли кому удастся.

В рассказе Твена есть несколько структур парадоксального типа. Так, рассказ открывается фразой, которая иронично намекает на то, что какую б историю и кто бы ни написал, она всегда является обычной ложью:

(8) *"Although this work is a History, I believe it to be true"* [3, с. 161]. По значению это скорее парадокс, чем антитеза, но структурно эта фраза отвечает форме антитезы, в которой

противопоставленные понятия истории и истины в формате сложноподчиненного предложения уступки.

Классический парадокс-эпиграмму имеем в эпизоде, когда на каком-то банкете Твен произносит научную речь и публика ничего не понимает, хотя и слушает его внимательно, потому что речь ей нравится. Отсюда авторский вывод:

(9) *"Eloquence is the essential thing in a speech, not information"* [3, с. 174]. Эта эпиграмма является очень хорошей иллюстрацией к некоторым проблемам современной лингвистической прагматики и риторики, а именно – к принципу текстовой «фасцинации», когда так называемый «убедительный бред» (то есть отсутствие корреляции между когезией и когерентностью текста) позволяет говорящему манипулировать сознанием аудитории и внушать ей желанные для него идеи (то есть заниматься гипнозом). Но парадоксы тут часто не встречаются, потому что все это произведение Твена и есть один гигантский парадокс.

Твеновские структуры контраста часто «вмонтированы» в другие фигуры речи, что мы не единожды видели и выше. Так, когда автор рассказывает о социально-классовой иерархии общества «Планеты Блитцовского», он пишет (текст цитируем с авторским комментарием, что обозначен астериском):

(10) *"In one case the same dynasty hold the throne to-day that established it twenty-five hundred years ago. This the Pus family, – Pus being the family name, just as Romanoff is the family name of the Czars; the official title is, His August Majesty Henry, D.G. Staphylococcus Pyogenes Aureus* CMX – that is to say, he is the One Hundred and Ten Thousandth monarch of the Pus lineage that throne. They have all used the one name, HENRY. *Latin. "D.G.," (Dues gratias) means by the grace of God. The long word means pus-tank. The next word – when used in a scientific sense – means principal; politically it means imperial; in the slang of the common people it means brick, and is a term of admiration. Areus means gold. Hence the title, when occurring in a State paper, could be translated Henry by the grace of God Imperial Pus-Tank, while in the endearing speech of the common people it would be shortened to Henry the Gold Brick"* [3, с. 166].

Понятно, что доминантой тут является контрастное сравнение царской фамилии с гноем, к тому же автору понадобится сложная гипербола микробного времени, чтобы выразить свое отношение к невыносимо долгому сроку получения власти всеми монархическими династиями мира. Доминантное сравнение тянет за собой и другие контрасты, как, допустим, несовместимость компонентов официального титула микробного

«Генри» – «Генрих, милостью Божией верховный гнойный резервуар», а также стилистическую несовместимость длинного официального титула светлейшей особы с ее неформальной и лаконичной фамилией типа «свой парень» и др., которые имеют явно мейозисную природу.

Но «гнилая тематика» на этом у Твена не заканчивается, ибо, сразу далее по тексту, составляя структуру микробной монархии с английским в историческом аспекте и иронично высмеивая соображения, что британская корона много в чем способствовала развитию мировой цивилизации, он пишет:

(11) *"It (the microbe monarchy) is a stern and noble race, and by diplomacy and arms has pushed its frontiers far. Whenever is has deprived a conquered nation of its liberties and its religion it has replaced these with something better. It is justly claimed for this great House that it has carried the blessings of civilization further than has any other imperial power. In honour of this good work many of our microbe nations have come to speak of pus and civilization as being substantially the same thing"* [3, с. 167]. Таким образом, в таком понимании, нет никакой разницы между цивилизацией и гноем, и вся эта «взрывная» смесь несовместимых «веществ» растворена иронией, которую вообще невозможно «отфильтровать» от этой смеси.

Как доказывает анализ составных гротескного ключа в рассказе М. Твена «Три тысячи лет среди микробов», одним из самых распространённых в количественном отношении является оксюморон-антитеза-парадокс (82). Наш анализ опирался на принцип доминанты, который подсказывал, на основе какой структуры формируется центральный образ и как он раскрывается в дальнейшем развитии дискуссии.

Интересным является тот факт, что Твен в своем рассказе подвергает философскому самоанализу свои собственные методы построения гротеска. Так, он обговаривает с разными персонажами своей человеческой и микробной жизни две проблемы, непосредственно связанные с его художественным методом, а именно – границу между животным и неживотным (то есть, фактически, он исследует реальные возможности антропосемии и зоосемии в построении образа, хотя этот поиск ведет его далеко за границы филологического самоанализа).

ЛИТЕРАТУРА

1. Maltzev V. A. An Introduction to Linguistic Poetics / V. A. Maltzev. – Minsk : Vysheishaya Shkola, 1980. – 240 p.
2. Skrebnev Y. M. Fundamentals of English Stylistics / Y. M. Skrebnev. – Moscow : Astrel Publishers, 2000. – 224 p.

3. Twain Mark. 3,000 Years among the Microbes // The Devil's Race-Track: Mark Twain's Great Dark Writings / ed. by John S. Tuckey. – Berkeley – Los Angeles – London : Univ. of Cal. Press, 1980. – P. 161–281.
4. Yefimov L.P., Yasinetskaya E.A. Practical Stylistics of English / L. P. Yefimov, E. A. Yasinetskaya. – Vinnyts'a : Nova Knyha, 2004. – 240 p.

АННОТАЦИЯ

Щербакова О. Г., Трофименко М. В. Принцип оксюморона в создании образной системы гротескного произведения Марка Твена «Три тысячи лет среди микробов»

В статье рассмотрен оксюморон как часть гротескного ключа произведения. Описаны структурные и логико-семантические различия между оксюморонами, антитезой и парадоксом, учитывая их интегрированность в другие фигуры речи. Статья содержит анализ структур, на основе которых формируется центральный образ и его раскрытие в дальнейшем развитии дискуссии.

Ключевые слова: оксюморон, антитеза, гротеск, парадокс, образ.

SUMMARY

Shcherbakova O. G., Trofimenko M. V. The principle of oxymoron in creating an image system of the grotesque work «Three Thousand Years Among Microbes» by Mark Twain

The article considers oxymoron as part of the grotesque key of the work. Structural and logical-semantic differences between oxymoron, antithesis and paradox are described, considering their integration into other figures of speech. The article contains an analysis of the structures on the basis of which the central image and its disclosure in the further development of the discussion are formed.

Key words: oxymoron, antithesis, grotesque, paradox, image.

М. В. Яковенко
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'373.2

О СООТНОШЕНИИ ТЕРМИНОВ «ТРАНСПОЗИЦИЯ», «КОНВЕРСИЯ» И «ТРАНСОНИМИЗАЦИЯ»

Современная наука допускает различные взгляды на трансономизацию как один из путей перехода собственного имени из одного разряда в другой в процессе наименования объектов. При характеристике явления трансономизации исследователи используют разные термины: топонимическая метонимия (Е. С. Отин), трансономизация (Н. В. Подольская, Е. С. Отин, Т. В. Чуб), непервичная номинация (А. В. Суперанская), конверсия (И. Н. Королева, О. А. Леонович, Т. В. Хвесько). В исследованиях, посвященных определенным классам онимов можно встретить термин «транспозиция». Рассмотрим, как соотносятся данные термины.

Возможность перевода знаков из одного класса в другой, т.е. их транспозиции, описывается впервые в трудах Ш. Балли. «Замкнутые в своих категориях, знаки служили бы весьма ограниченным источником средств для удовлетворения многочисленных потребностей речи. Однако благодаря межкуатегориальным заменам мысль освобождается, а выражение обогащается и получает различные оттенки» [1, с. 143]. Как отмечает Е. С. Кубрякова, Ш. Балли намечает те два типа транспозиции, которые позднее Е. Курилович противопоставит как лексическую и синтаксическую деривацию. (Е. Курилович для обозначения транспозиции использует термин «деривация».) «По мнению Е. Куриловича, лексическая деривация предполагает, что исходное и производное слова идентичны друг другу по первичной синтаксической функции, т.е. это понятие связано с принадлежностью исходного и производного к одной и той же части речи» [5, с. 149]. Таким образом, лексическая деривация имеет место при внутрикатегориальных сдвигах, в пределах одной части речи. Лексическая деривация наблюдается также при семантических сдвигах, меняющих уровень описания, и в этом случае безразлично, имеет ли она межкуатегориальный или же внутрикатегориальный характер. Синтаксическим дериватом Е. Курилович называет «форму с тем же лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией» [5, с. 149]. Транспозиция играет важную роль в деривации.

Крупнейший специалист по теории словообразования Г. Марчанд включил понятие транспозиции в определение

словообразования, подчеркнув, что «о деривации можно говорить лишь тогда, когда слово меняет свою классную принадлежность (ср. англ. *clean* «чистый» и *to clean* «чистить») или же свою принадлежность к определенному лексическому разряду слов (ср. англ. *professor* «профессор» – *professorship* «профессура»)» [13, с. 17]. Целый ряд исследователей к транспозиции относит выражение значений частей речи с помощью аффиксации (Кубрякова 1974, 1981; Мурзин 1974; Степанов 1981). Так, Е. С. Кубрякова указывает, что «наиболее известной формой транспозиции на уровне слова является суффиксальное словопроизводство» [4, с. 64]. В то же время, она отмечает, что «транспозиция существует и при других разновидностях словообразования» [4, с. 64], и выделяет транспозицию, происходящую при так называемом безаффиксальном словообразовании. Вслед за Е. Куриловичем, она выделяет синтаксическую и морфологическую транспозицию.

В современной лингвистике термин «транспозиция» (от среднелат. *transpositio* – «перестановка») обозначает переход слова из одной части речи в другую или использование одной языковой формы в функции другой. Транспозиция основана на семантическом или функциональном сопоставлении языковых единиц. Речь идет об отношении и процессе, в котором различаются три элемента: исходная форма (транспонируемый языковой знак), средство транспозиции (транспозитор), результат (транспозит). Транспозитор – это знак связи между определяемым и определяющим.

Транспозиция понимается исследователями широко или узко. «В узком смысле транспозиция – перевод слова (или основы слова) из одной части речи в другую или его употребление в функции другой части речи. Её транспозитором является аффиксация или конверсия. В широком смысле транспозиция – перенос любой языковой формы, например транспозиция времен (использование настоящего времени вместо прошедшего или будущего), наклонений (употребление императива в значении индикатива или условного наклонения). Термин «транспозиция» используется также для обозначения метафорических и иных переносов в лексике. В основе транспозиции лежит семантическое или функциональное сопоставление языковых единиц» [8, с. 519]. Метафора и метонимия выступают как приёмы семантической транспозиции.

Огромный пласт лексики является особым в аспекте связей процессов номинации и транспозиции. Это имена собственные (онимы) – единицы языка, которые создаются как вторичные номинации на базе существующих форм путем кардинального переосмысления на уровне денотата (с помощью метафоры и

метонимии). Полученный таким образом новый номен – имя собственное – включается в новую систему парадигматических и синтагматических связей, практически полностью отрываясь от первоначальной семантики исходной лексемы. В ономастике транспозиция находит выражение в процессах онимизации, деонимизации и трансономизации. Явление транспозиции имеет специфику, определенную самой природой имени собственного. По морфологическим признакам все онимы являются субстантивами, источниками которых послужили в основном прилагательные, а также существительные и словосочетания. Так, например, в процессе номинации лиц и географических объектов, во время которого создается имя собственное на базе притяжательного прилагательного, одновременно происходит субстантивация: фамилия *Петров*, деревня *Марьино* и т.п. Таким образом, трансономизация является частным случаем транспозиции.

Для обозначения перехода онимов из одного разряда в другой наряду с термином «трансономизация» ономатологи (Суперанская А. В., Хвесько Т. В., Леонович О. А., Королева И. Н.) также используют термин «топонимическая конверсия» [10, с. 92-93; 7, с. 69; 11, с. 227; 3, с. 25].

Конверсия в общей лингвистике интерпретируется как «способ словообразования без использования специальных словообразовательных аффиксов; разновидность транспозиции, при которой переход слова из одной части речи в другую происходит так, что назывная форма слова одной части речи (или его основа) используется без всякого материального изменения в качестве представителя другой части речи» [8, с. 235]. Процесс образования новой лексемы представляет собой по сути механизм обмена функциями между элементами языка. Производное слово употребляется в несвойственной ему синтаксической функции и приобретает грамматические категории, характерные для новой части речи. Следовательно, при сохранении фонетического и графического облика у конвертируемой лексемы наблюдается изменение первичных (категориальных) и вторичных (синтаксических) функций.

Большинство исследователей, как отечественных, так и зарубежных, несмотря на изменение синтаксической функции производной лексемы, придерживается словообразовательного, а не синтаксического подхода к конверсии (Артюнова 2007; Гак 1961; Головин 2007; Кубрякова 1974, 1981; Никитевич 1985). Общим в их интерпретации можно считать то, что она является способом образования нового слова (derivata) путём изменения парадигмы окончаний производящей базы. Результатом такого

изменения служит перевод (транспозиция) производящей лексической единицы в другую часть речи. Посредством данного способа, как и посредством других способов дериватологии, образуется слово, необходимое для номинации возникшей в социуме новой реалии.

При узкой интерпретации транспозиции конверсия квалифицируется как один из её видов, а именно – полная, или морфологическая (безаффиксная), транспозиция. При сравнении транспозиции и конверсии, интерпретируемых широко, в первом случае речь идет об идентичности только основ производящего и производного слов, во втором – об идентичности обеих лексем (словоформ).

В ономастике понятие «конверсия» охватывает не только переходы внутри класса собственных имен, но и взаимодействие онимов с нарицательными именами. О. А. Леонович, Т. В. Хвесько в данное явление включают и переходы онимов из других разрядов в топонимы, и переходы апеллятивов в топонимы. Так, О. А. Леонович отмечает, что «образование простых топонимов путем топонимической конверсии идет по следующим направлениям: оним → топоним, апеллятив → топоним, прилагательное → топоним, числительное → топоним» [7, с. 70]. И. Н. Королева считает трансономизацию одним из видов конверсии и называет её «онимической конверсией». Так, она отмечает, что «всегда возможен переход слов из одной категории в другую на одном и том же уровне. Например, в категории имен собственных может осуществляться переход одних имен собственных в другие имена собственные: девушка по имени *Paulette*, кафе *Paulette*. Именно такие явления представляется возможным называть онимической конверсией. Конверсия предполагает переход слова из одной категории в другую. Антропонимы, топонимы, зоонимы и прочие как разные подкатегории входят в одну категорию имен собственных, и употребление данного термина кажется правомерным. Именно «онимическая конверсия» приводит к появлению омонимов. При конверсии происходит переход лексических единиц из одной именной категории в другую. В качестве видов конверсии можно выделить: 1) онимизацию; 2) онимическую конверсию (в ономастологии – трансономизация); 3) апеллятивацию» [3, с. 25]. Как видим, И. Н. Королева рассматривает сопоставляемые понятия как взаимозаменяемые. Но следует отметить, что при конверсии чистая основа превращается в оним без каких-либо изменений, а процессы трансономизации могут протекать как без изменения онима, так и с добавлением онимных

формантов, набор которых свойственен для той или иной онимной системы определенного языка.

С точки зрения словообразования (по Ю. А. Карпенко) «трансонимизация представляет собой самую распространенную, массовую разновидность применения лексико-семантического способа словообразования» [2, с. 36]. В трудах Е. С. Отина находим, что при трансонимизации «имеет место лексико-семантическая деривация онима» [9, с. 15]. В общей лингвистике процессы лексико-семантического словообразования связаны с явлениями полисемии и омонимии. При полисемии производное слово сохраняет отношения мотивации с производящим словом, т.е. отсутствует акт словообразования, появляется новое значение, а не новое слово. При омонимии речь идет о появлении новых слов, утрачивающих отношения мотивации с производящим словом. Но существует еще «переходный» тип от полисемии к омонимии, при котором сохраняется мотивационная связь в семантике производящего и производного слов. Ю. А. Карпенко теоретически обосновал синхронность лексико-семантического способа словообразования. Для обозначения явления, промежуточного между полисемией и омонимией он предложил термин «мезонимия», для лексико-семантического способа словообразования в ономастике – «мезонимизация». Трансонимизация собственных имен осуществляется на основе метафорического или метонимического переноса. Новое собственное имя, образованное от другого собственного имени, может сохранять отношения мотивации, пока оба названия существуют в языке. Процесс перехода из одного разряда онимов в другой, не сопровождаемый переоформлением онима, называют «абсолютной трансонимизацией». Если же переход онима сопровождается присоединением новых формантов, добавлением определенных слов или других онимов, то этот процесс называют «смешанным» типом трансонимизации» [12, с. 122].

Таким образом, транспозиция в ономастике находит выражение в процессах онимизации, деонимизации и трансонимизации. Трансонимизация является частным случаем транспозиции. Что касается конверсии, то многие исследователи рассматривают данный термин как взаимозаменяемый термину «трансонимизация». Но при конверсии переход онима из одного разряда в другой происходит без каких-либо изменений, а процессы трансонимизации могут протекать как без изменения онима, так и с добавлением онимных формантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностран. лит., 1955. – 416 с.
2. Карпенко, Ю. О. Синхронічна сутність лексико-семантичного способу словотвору / Ю. О. Карпенко // Мовознавство. – 1992. – № 4. – С. 3-10.
3. Королева, И. Н. Апеллятивация имен собственных по характеру изменения денотативного и/или грамматического значения / И. Н. Королева // Известия Саратовского университета. Т. 9. Сер. Филология. Журналистика, вып. 2. – 2009. – С. 24-27.
4. Кубрякова, Е. С. Деривация, транспозиция, конверсия / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 64-76.
5. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
6. Курилович, Е. Очерки по лингвистике / Е. Курилович. – М.: Издательство иностранной литературы, 1962. – 456 с.
7. Леонович, О. А. Топонимы Соединенных Штатов Америки : Учеб. пособие / О. А. Леонович. – М.: Высш. шк., 2004. – 247 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
9. Отин, Е. С. Из заметок к лекциям по топонимике / Е. С. Отин // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Вып. 6. – Донецк: Донеччина, 2000. – С. 37-54.
10. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 368 с.
11. Хвесько, Т. В. Дихотомия апеллятив / онома в языке и речи (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.20 / Т. В. Хвесько. – Челябинск: ГОУ ВПО «Челябинский гос. Пед университет», 2008. – 45 с.
12. Чуб, Т. В. Трансонимизация как явление языка и средство поэтики онимов / Т. В. Чуб // Логос ономастики. – № 1. – 2006. – С. 121-126.
13. Marchand, H. Expansion, transposition and derivation / H. Marchand // La linguistique. – 1967. – № 1. – P. 13-26.

АННОТАЦИЯ

Яковенко М. В. О соотношении терминов «транспозиция», «конверсия» и «трансонимизация»

В статье рассматривается соотношение понятий «транспозиция», «конверсия» и «трансонимизация». Анализ

имеет целью выявить наиболее точное использование данных терминов применительно к процессам перехода собственных имен из одного разряда в другой.

Ключевые слова: транспозиция, конверсия, трансонимизация, оним, ономастика.

SUMMARY

Yakovenko M. V. The correlation between the notions of «transposition», «conversion» and «transonymization»

The article deals with the problem of the correlation between the notions of «transposition», «conversion» and «transonymization». The analysis aims at pointing out the correct usage of these terms in reference to the process of transition of proper names from one class to other.

Key words: transposition, conversion, transonymization, onym, onomastics.

*Н.В.Лешкова
(Горловка)*

УДК 811.161.1.

СТРУКТУРА ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ РЕАЛИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ФИДЕИСТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ

Структурные элементы реализации фидеистической стратегии православной проповеди представлены в основном стандартными синтаксическими конструкциями, среди которых существуют простые, сложносочиненные, сложноподчиненные предложения.

Простые предложения имеют как нераспространенную, так и распространенную структуру. В сложносочиненном предложении используются соединительные, разделительные, градационные, пояснительные, противительно-уступительные союзы. Сложноподчиненные предложения имеют разные виды придаточных: определительные, изъяснительные, обстоятельственные. Кроме того, православная проповедь содержит разные синтаксические элементы, в частности предложения нестандартной структуры: номинативные, неполные, эллиптические предложения.

Характерными для православной проповеди являются предложения с несколькими придаточными компонентами, которые нанизываются друг на друга ради концентрации внимания

священника на цели, причине совершения какого-либо действия, или для акцентирования главного в высказывании, например: *И если ребенок в младенчестве, в отрочестве воспитывается под контролем и особым вниманием родителей, то затем молодой человек или девушка оказывается вне дома, проводит много времени со своими знакомыми, с теми, с кем учится, с теми, с кем встречается, и, отдаваясь этому новому состоянию определенной свободы, нередко совершает непоправимые ошибки, которые очень часто оскверняют совесть и пятном ложатся на всю последующую жизнь – настолько, что с этими тяжелыми воспоминаниями долгие годы никак не возможно разделиться* (патриарх Кирилл).

В приведенном примере синтаксическая конструкция начинается с придаточного предложения «если...», которая выполняет функцию обстоятельства цели, затем с помощью придаточных элементов объясняется значение придаточного предложения и раскрывается сама цель. Можно выделить относительное построение частей сложноподчиненного предложения по схеме: «время-результат / событие», или «время-цель», например, *Когда отец самоустранился от воспитания, то он предаёт свое призвание, он отказывается от самого главного* (патриарх Кирилл). Подчинительная часть времени или условия может как предшествовать главной, так и следовать за ней – главная часть содержит основное сообщение, главную мысль, «что же случится, когда», например, *Когда мы прославляем еже по плоти семью Господа и Спасителя, Он напоминает нам об огромной ответственности, которую каждая семья несет за воспитание детей* (патриарх Кирилл).

В православной проповеди также зафиксировано употребление ряда предикативных конструкций, имеющих один и тот же субъект или объект отнесения, дополняют одна другую, выполняя функцию концентрации внимания адресата на том, что именно представляется существенным и актуальным священнику, например: *Это было бы невозможно, если бы не было способности отличать злой разум от доброго знания, если бы все было смешано так, как это было в языческой жизни, в языческом обществе, в языческой философии, и как того пытаются добиться и ныне далекие от Бога философы, да и просто люди могущественные, обладающие доступом к средствам массовой информации, — те, кто, влияя на человеческое сознание, стремятся разрушить границу добра и зла, правды и лжи* (патриарх Кирилл).

Иногда встречаются риторические вопросы, которые используются для установления коммуникативной связи с

реципиентом и выполняют экспрессивную и фатическую функции. Кроме того, риторические вопросы нередко используются там, где по всем правилам синтаксиса должна быть использована индикативная конструкция [1, с. 312]. Анализ фактического материала также показал, что риторические вопросы формируются элементами псевдиалога, они представлены преимущественно в виде вопросов, на которые на самом деле священник не ожидает ответа от прихожан: он лишь желает получить подтверждение, что его понимают и с ним согласны [4, с. 137]). Эти вопросы имеют достаточно ограниченный потенциал языкового оформления, например: Как так? Для чего? Что еще? Да? А думаем ли мы об этом? Верно? Ясно? А может должно быть иначе? Например: *Поэтому, наученные сегодняшним днем, родители в первую очередь должны еще и еще раз поставить перед собой вопрос: а все ли они делают правильно, все ли они делают для того, чтобы свое настроение, свой опыт жизни, свою веру в полной мере передать детям?*

Однако, для русского языка подобные элементы псевдиалога не свойственны, как правило, вопросы являются развернутыми. Вторая группа элементов псевдиалога в православной проповеди представлена вопросами, с помощью которых проповедник формулирует свое отношение к ситуации, например: *А как же иначе объяснить удивительное существование Церкви Христовой – общины Его апостолов, которая умножилась посредством Его других учеников и которой принадлежим и мы с вами в XXI веке благодати Божией? Как можно все это объяснить? Это было бы невозможно, если бы не было способности отличать злой разум от доброго знания, если бы все было смешано так, как это было в языческой жизни, в языческом обществе, в языческой философии, и как того пытаются добиться и ныне далекие от Бога философы, да и просто люди могущественные, обладающие доступом к средствам массовой информации, – те, кто, влияя на человеческое сознание, стремятся разрушить границу добра и зла, правды и лжи* (патриарх Кирилл).

Наряду с риторическими вопросами часто используются вопросительные предложения. Они могут также служить для формулирования проблем, которые в дальнейшем будут рассматриваться в проповеди: *«Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума» – слова тропаря открывают нам самый смысл того, что произошло. И возникает вопрос: а разве до пришествия в мир Христа не было человеческого разума?* (патриарх Кирилл).

Вопросительные предложения могут содержаться в цитатах, приведенных священником во время проповеди, которая

переносит слушателя в формат полилога, например: *Из притчи известно, взмолился богач и просил Лазаря: «Не мог бы ты спуститься в бездну и хотя бы омочить его уста водой?». Богач сжаждал и изнемогал...* (патриарх Кирилл).

В русском языке традиционно используется синтаксическая конструкция – «определение / объяснение – интерпретация определения», с целью уточнения слов священника и их лучшего понимания реципиентами, например: *Это был очень важный исторический момент, который свидетельствовал о том, что идентичность, подлинность – культурная, духовная, историческая, – ради которой святой Александр Невский сражался на полях битвы, не исчезла из нашего народа* (патриарх Кирилл).

Нестандартные структурные элементы фидеистической стратегии представлены экспликационными моделями. К этой группе относятся предложения, которые определяются как «формально избыточные конструкции, которые характеризуются избыточностью плана содержания и представлены двумя типами: разделением синтаксической структуры высказывания и расширением синтаксической структуры высказывания» [2, с. 33]; «разделение потенциально синтаксического целого приводит к появлению избыточных компонентов в речевой цепи, у них присутствуют черты коммуникативности (вместо одной коммуникативной единицы – несколько)» [3, с. 29], в результате членения предложения образуются постпозитивные сегментированные элементы.

В структурных характеристиках фидеистической стратегии зафиксированы:

- экспликационные модели с разделением синтаксической структуры сложносочиненного предложения. В ходе анализа материала мы обнаружили деление потенциально сложносочиненного предложения с соединительной, противительной, разделительной связью, которая соотносится с акцентуацией специфических наборов смыслов: *Святой благоверный князь Александр ни на кого не нападал, захватнических войн не вел, но проявил чудеса силы духа и воинского мастерства, защищая нашу землю, и был непобедим на поле брани* (патриарх Кирилл).

- экспликационные модели с разделением синтаксической структуры сложноподчиненного предложения. В ходе анализа материала мы обнаружили деление потенциально сложноподчиненного предложения с придаточным определительным. Например: *Святой благоверный князь Александр Невский, который обладал огромным авторитетом*

на просторах Руси, был великой надеждой для нашего народа, в то время находившегося под игом Орды, – потому что умел общаться с ханом, умел своим дипломатическим искусством, правильными словами, подарками ограждать народ свой от нападений, оставляя с ханом в добрых отношениях, обстоятельное место: Андрей Первозванный достиг того места на проливе Босфор, где позже будет построен Константинополь, столица Византии, центр Вселенского Православия, и где просияет множество святых угодников Божиих (патриарх Кирилл).

• экспликационные модели с расширением синтаксической структуры сложноподчиненного предложения. Средством расширения синтаксической структуры реплики могут быть постпозитивные сегментированные элементы, которые, в отличие от членения, не могут быть объединены в потенциально синтаксическое целое с базовым высказыванием. Уточнение такого типа может быть выражено существительным, прилагательным, наречием, предлогом, междометием: *Нет! Не человеческая мудрость, не человеческая сила, а юродство, безумие, у которого, с точки зрения жизненной логики, нет никаких оснований к существованию, избирается в качестве проповеди. И эта проповедь побеждает языческий Рим! Именно так! Именно эта проповедь становится самой сильной и убедительной из всех, какие только знает род человеческий! Именно благодаря этой проповеди и мы с вами, люди XXI века, в день Воздвижения Креста Господня поклоняемся его святому и спасительному древу* (патриарх Кирилл). Такой способ расширения синтаксической структуры реплики способствует формированию разговорного стиля проповеди и уравнивает ролевые отношения священника и прихожан.

К экспликационным моделям расширения синтаксической структуры выражения относятся следующие плеонастические элементы:

– повторы, в частности структурные повторы, например, повтор предикативной группы с целью закрепления в сознании слушателя определенной идеи и образов: *Но Господь избирает самое позорное, самое презираемое, чтобы оно стало символом спасения людей; он избирает орудие позорной казни – крест, – чтобы мудрость человеческая и разум разумных были отвергнуты.* (патриарх Кирилл).

– аппеллятивные элементы – во многих случаях синтаксическая конструкция начинается с прямого обращения к адресату, а именно к конкретному лицу, группе лиц, или даже эти составляющие могут называть неопределенный объект. Такие

элементы выполняют контактирующую и эмотивную функции: *Дорогие братья и сестры, и да поможет нам Господь усвоить этот удивительный урок, который одновременно предается всему человеческому роду* (патриарх Кирилл).

– перифрастические утверждения: *«И померкнут солнце и луна, и звезды спадут с неба, и тогда явится Сын Человеческий, грядущий на облаке во славе Своей»* (см. Мф. 24:29-30)... эти слова о конце мира, который будет сопряжен с невероятным космическим катаклизмом. Достаточно взглянуть в звездное небо в ясную погоду темной ночью, чтобы понять все величие божественного творения, весь гигантский масштаб космоса. Апостол же не от себя, но движимый Духом Святым говорит: *«Солнце померкнет, луна не даст света, звезды спадут с неба, и тогда явится Сын Божий во славе с ангелами»* (патриарх Кирилл).

– вводные разговорные элементы: *«Да будут слова ваши «да, да», «нет, нет»; а что больше – от лукавого»* (Мф. 5:37), *учит нас Господь. Молитвами святых, имена которых мы сегодня с благоговением произносили – Зосимы, Савватия, Германа Соловецких, основателей этой святой обители, – да поможет Господь всем нам, и братии, и начальствующим, и паломникам нашим, людям, занимающим высокое положение в нашем обществе, и самым простым, понять, что есть подлинный приоритет и абсолютная ценность в нашей жизни* (патриарх Кирилл).

Еще одним средством расширения синтаксической структуры близким к плеоназму, является аппозитивная конструкция, которая употребляется для разъяснения незнакомых для всех слушателей слов, например: *«Старайтесь делать твердым ваше звание и призвание; так поступая, никогда не преткнетесь»* (2 Пет. 1:10). Эти слова из послания апостола Петра мы сегодня слышали во время Божественной литургии. Послания апостола Петра читаются редко – в основном за Литургией звучат послания апостола Павла. Но неслучайно сегодня мы слышали именно Петровы слова – потому что Петр был вместе с Иаковом и Иоанном на горе, на которой перед ними преобразился Спаситель. Сегодня мы слышим слова очевидца Преображения. Будьте тверды, говорит он, – тверды в ваших убеждениях, в ваших делах, в ваших словах. Такой человек никогда не постыдится ни самого себя, ни перед Богом, ни перед окружающими его людьми (патриарх Кирилл).

Анализ фактического материала показал, что стандартные, нестандартные и псевдиалогические элементы являются общими и доминантными для структурного плана фидеистической

стратегии, т.к. они зафиксированы во всех исследуемых нами образцах православной проповеди.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, языковые характеристики : моногр. / Е. В. Бобырева. – Волгоград : Перемена, 2007. – 385 с.
2. Павленко Л. И. Синтаксические и функционально-семантические характеристики экспликационных моделей в английской разговорной речи : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 «Германские языки» / Л. И. Павленко. – Житомир, 2004. – 223 с.
3. Скребнев Ю. М. Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Ю. М. Скребнев. – М., 1972. – 45 с.
4. Тахтарова С. С. Стратегия аргументативного убеждения в религиозном дискурсе [Электронный ресурс] / С. С. Тахтарова // Аргументативная риторика в практике политического, делового и административно-правового общения : материалы интернет-конф. – 2010. – Режим доступа : http://iconf.vgi.volsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=86:201005-11-10-30-58&catid=38:2010-04-05-09-37-25&Itemid=55/.

АННОТАЦИЯ

Лешкова Н.В. Структура языковых средств реализации глобальной фидеистической стратегии православной проповеди

В статье произведен анализ синтаксических структур для текста православной проповеди, которые наиболее часто встречаются, были даны характеристики всем структурным элементам, в случае наличия связей между ними представлена характеристика этим связям. Материал был подтвержден примерами, выбранными из проповедей святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

Ключевые слова: православная проповедь, анализ, структура, стратегия, синтаксические конструкции, предложения.

SUMMARY

N.V.Leshkova. Structure of linguistic means of implementing the global fideistic strategy of Orthodox preaching

The article analyzes the syntactic structures for the text of the Orthodox sermon, which are most often found, characteristics of all

structural elements were given, and if there are connections between them, a characteristic of these connections is presented. The material was confirmed by examples selected from the sermons of His Holiness Patriarch Kirill of Moscow and All Russia.

Keywords: Orthodox sermon, analysis, structure, strategy, syntactic constructions, sentences.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. М. Калинин</i> ОНА БЫЛА ПЕРВОЙ (ОТЗЫВ НЕОФИЦИАЛЬНОГО «ОППОНЕНТА» О ДИССЕРТАЦИИ В. Н. МИХАЙЛОВА).....3	
<i>М. В. Балко</i> СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СТИЛИЗАЦИЯХ И СКАЗАХ40	
<i>Л.В. Соснина</i> ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СЛОЖНЫХ АДЪЕКТИВОВ С КОМПОНЕНТОМ ВЫСОКИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ46	
<i>Т.С. Винникова-Закутняя</i> О ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ ПРИНЦИПОВ КЛАССИФИКАЦИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ54	
<i>С. П. Волосевич</i> РЕЧЕВОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОСЛОЖНЕННЫХ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ61	
<i>В.А. Вострецова</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ И ТРУДНОСТИ ИХ ПЕРЕДАЧИ В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ68	
<i>Ю.Л. Дмитриева, О.Ю. Гореславская</i> ОБРАЗ ГОРЛОВКИ И ЕЕ ЖИТЕЛЯ В МАССМЕДИА: ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ78	
<i>Ю.Л. Дмитриева, Д.Н. Царанова</i> СРЕДСТВА ЭКСПЛЕКАЦИИ КОНЦЕПТА ‘МУЗЕЙ’ (НА МАТЕРИАЛЕ САЙТА МУЗЕЯ МИНИАТЮРНОЙ КНИГИ ИМЕНИ В.А. РАЗУМОВА)84	
<i>Н. А. Жихарева, А.Р. Емельяненко</i> КОММУНИКАТИВНАЯ ОШИБКА КАК ПРИЧИНА ВОЗНИКНОВЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ92	
<i>Н. А. Иванова</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕЖДУНАРОДНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК99	
<i>Майборода Н.В.</i> <i>М.Н. Панчехина</i> НЕПРЕДМЕТНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ «РЕЧЬ» В ЛИТЕРАТУРНОМ ТЕКСТЕ.....106	

<i>А. А. Пузик</i> МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ В СФЕРЕ КАУЗАТИВНОГО ОТАДЪЕКТИВНОГО ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ114	
<i>И. В. Решетарова</i> КАРИКАТУРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ123	
<i>И. В. Рудковская</i> АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕНСИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ128	
<i>И. С. Святобаченко</i> ВЛИЯНИЕ СТРУКТУРНОГО ТИПА СКАЗУЕМОГО НА ФУНКЦИОНАЛЬНУЮ ПЕРСПЕКТИВУ ПРЕДЛОЖЕНИЯ133	
<i>В. А. Филатова</i> ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФЕНОМЕНА «ПАМЯТЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ РОАЛЬДА ДАЛЯ «МАЛЬЧИК. РАССКАЗЫ О ДЕТСТВЕ»).....142	
<i>С. Б. Фомина</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ БИНАРНЫХ КАТЕГОРИЙ «ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ» И «НЕПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ151	
<i>Н. А. Ясинецкая</i> СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ЭВФЕМИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ЧЕХОВА)159	
<i>Н. В. Аникеев</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ «ДЕБАТЫ» ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ170	
<i>С. В. Картий</i> ПРЯМОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ В МЕДИАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И МАССОВОКОММУНИКАТИВНОЙ СИСТЕМЕ174	
<i>А. В. Рочняк</i> ТРУДНОСТИ, БАЗИРУЮЩИЕСЯ НА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТЛИЧИЯХ, ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ЮМОРА В ПЕРЕВОДЕ АМЕРИКАНСКИХ КИНОКОМЕДИЙ (НА ПРИМЕРЕ КИНОФИЛЬМА «В ДЖАЗЕ ТОЛЬКО ДЕВУШКИ»)180	

О. В. Сырова

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА СТУДЕНТОВ:
ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 189

А. О. Халабузарь

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
АББРЕВИАТУРНОЙ ГРУППЫ «АВИА» 195

О. Г. Щербакова, М. В. Трофименко

ПРИНЦИП ОКСЮМОРОНА В СОЗДАНИИ ОБРАЗНОЙ
СИСТЕМЫ ГРОТЕСКНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
МАРКА ТВЕНА «ТРИ ТЫСЯЧИ ЛЕТ СРЕДИ
МИКРОБОВ» 202

М. В. Яковенко

О СООТНОШЕНИИ ТЕРМИНОВ «ТРАНСПОЗИЦИЯ»,
«КОНВЕРСИЯ» И «ТРАНСОНИМИЗАЦИЯ» 210

Н. В. Лешкова

СТРУКТУРА ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ РЕАЛИЗАЦИИ
ГЛОБАЛЬНОЙ ФИДЕИСТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ
ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ 216

Научное издание

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ**

East Slavic Philology

Сборник научных трудов

Выпуск одиннадцатый (тридцать седьмой)
Языкознание

Ответственный редактор С. А. Кочетова
Технический редактор А. М. Калашников
Корректоры: Н. А. Жихарева,
О. Т. Захарова

*За содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных
и других сведений ответственность несут авторы*

Подписано к печати 26.11.2020.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 13,04. Уч.-изд. л. – 14,5.
Усл.-изд. л. – 13,48.
Тираж 300 экз. Зак. № 46.

Издательство ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
Справка ГЛАВСТАТА ДНР Серия АА №08-22/1277 от 05.03.2020.
284626, ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, 25